

КИРИЛЛ
РОМАНОВСКИЙ

ВОСЕМЬ ЛЕТ
С ВАГНЕРОМ





ОТ АВТОРА

На протяжении многих лет я работал в горячих точках и встречался с множеством величайших воинов современности. Многие из них своей кровью писали историю великой России. Я завещаю издать эти истории после моей смерти. Пусть в них останется только правда.

*Кирилл Романовский
«Восемь лет с Вагнером»*

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Сквозь бури и огонь военных конфликтов последних лет, через терриконы Донбасса, пустыни Сирии и непроходимые африканские джунгли прошел широкой поступью русский человек. Вместе с товарищами по оружию – русскими воинами, ветеранами горячих точек – несет он мир, порядок и справедливость в тех местах, где утеряно было само понятие человечности.

Народная молва сохранила для этой группы воинов разные именованья - батальонно-тактическая группа «Вагнер», ЧВК «Вагнер», или просто «музыканты».

И все эти годы вместе с военными специалистами вместе был еще один человек – не с оружием, а с фотоаппаратом. И если бойцы ЧВК «Вагнер» вписали свои имена в ратную летопись России – то, безусловно, саму книгу военных подвигов «вагнеровцев» писал именно этот человек.

Звали его Кирилл Романовский.

Кирилл обладал незаурядными качествами военного журналиста, действовавшего на передовой. Он пробирался на самый край боевых действий в Алеппо, Пальмире и Дейр эз-Зоре. Вместе со штурмовыми отрядами Кирилл заходил в Дебальцево и укрывался от огня украинских снайперов. На передовой Романовский стойко держался вместе с «вагнеровцами» под минометным обстрелом, когда мины рвались буквально в нескольких метрах от позиций, получал контузии и ранения.

В своих командировках Кирилл записывал свои беседы с бойцами ЧВК «Вагнер». Ему удалось собрать более 2 тысяч страниц машинописного текста, в котором собраны истории ратных подвигов «вагнеровцев» на ближних и дальних рубежах. В этой книге собраны наиболее яркие истории и интервью бойцов ЧВК «Вагнер», собранные Кириллом Романовским в ходе его командировок с 2015 по 2022 годы.

Кирилл Романовский был ярким и незаурядным человеком, легким в общении, надежным и верным товарищем. К сожалению, последний бой Кирилла оказался самым тяжелым. В ночь на 4 января 2023 года Кирилл Романовский скончался.

Он работал до самого последнего времени и незадолго до смерти систематизировал собранные материалы и написал несколько строчек «от автора», однако не успел сам выпустить эту книгу.

Поэтому ее выпускаем мы, его друзья и коллеги, в память о Кирилле.

КОЛЛЕГИ О КИРИЛЛЕ РОМАНОВСКОМ

«Мы находились на позициях Лива аль-Кудс в Алеппо. Сидели возле наблюдательного пункта, где они оборону держали. Кирюха решил записать стендап, встал напротив камеры, и во время одной из съемок рядом с нами прилетело. Все вокруг начало сыпаться, рушиться, но ни он, ни мы как-то даже глазом не моргнули. Просто поржали. Он тогда ко мне подошел и спросил: «Ну что, этот момент тогда для репортажа оставляем?», а я ему: «Ну да, прикольно получилось». Мы потом еще в кафе сидели. Он парень с юмором, разные истории рассказывал. Часто шутил, улыбался, не унывал».

— Олег Блохин

«Мельком виделись в Сирии, и как-то посидели за рюмкой в Питере. Запомнилось тогда, что он многое делал, «как в последний раз». Ничто так не испохабило термин «военкор», как реклама финок НКВД и т.п. Романовский был максимально далёк от инфоцыганства и всегда писал о чём-то своём. Это читалось за строчками самых «боевых» репортажей. Память и творческое наследие Кирилла следует сохранить. А лучшее - объединить и издать».

— «Мичман Птичкин»

«Познакомились мы в далеком 2015-м. Я еще постигал азы военно-политической журналистики, а Кир уже к тому моменту откатался в Донбассе. От него буквально веяло порохом, когда он впервые зашел в нашу редакцию – открыв дверь буквально с ноги и с приветствием «Иншалла, православные!»

Кир был самым храбрым военкором из тех, кого я знал. Не каждый будет готов полезть под пули боевичья, чтобы вытащить из-под обстрела сирийских военных. Кир побывал в нескольких больших переделках - и всегда возвращался живым. Из одной такой поездки он привез мне в подарок кусок мины, упавшей буквально в паре метров от него самого».

— Комиссар Яррик



ЛУЧШЕ МЫ ИХ, ЧЕМ ОНИ НАС

Со штурма Попасной вспоминается наша первая боевая задача, как только нас завели на Украину. Начали заходить в Попасную с одного края, один кусок города уже был занят. А мы хотели отрезать противника с другого края, где находился укрепрайон с подземными туннелями, в которых размещался противник. Это была, наверное, самая сложная задача, в которой я потерял очень много ребят, с которыми до этого очень долго жили вместе, выполняли боевые задачи. К счастью, что погибли не все, многие получили ранения.

Мы в открытой местности штурмовали укрепрайон противника, это был очень запоминающийся день, поскольку большинство людей, с которыми работал полгода, три месяца, их выбивает из строя, и ты не понимаешь, в каком коллективе будешь дальше работать, потому что наш отряд пересобирался фактически заново. В итоге мы с этого укрепления откатились и стали заходить с другой стороны – уже более успешно.

По нам с трех сторон била артиллерия, я работал преимущественно на АГС. Я встал на прямую наводку и на высоте работал по противнику. Я наблюдал, как наши ребята, обычные стрелки, находятся в окопах, а над ними просто зависал вражеский квадрокоптер, который тогда не представлялось возможным сбивать. Мы только-только

зашли в страну и еще не была налажена контрбатареинная работа.

Птичка зависает над нашими ребятами и тут же их начинает разматывать минометами, ствольной артиллерией, 122-152 калибр. Было очень много потерь за короткий промежуток времени, это был самый запоминающийся бой. И потом уже был штурм самой Попасной, брали новые линии домов и продвигались вперед. Были потери, но не такие существенные.

Все ребята хорошо отличились, без преувеличения. Тогда был коллектив такой, ребята, которые давно вместе работают, у кого по три-четыре конфликта за плечами. Может кто-то и находился, кто хотел спрятаться, но я таких лично не видел. Все ребята были как на подбор.

Запомнился момент, мы помогали другому взводу работать, когда командир взвода Мора выходит шепотом в эфире и говорит, что вокруг него огромное количество укропов. Я работал непосредственно на АГС, на удалении около километра. И вот начинается работа артиллерией, я с АГС, еще один мой коллега с другого АГС помогал работать. И все укропы тогда получили по зубам и были вынуждены откатиться.

Другой момент запомнился, когда было много раненых. Очень тяжелая ночь была, раненых вытаскивали на протяжении 10-12 часов, вытащить не получалось. Отношения между ребятами братские, и ты каждую минуту думаешь, сможем их вытащить или нет. Но мы вытащили всех. Ни разу такого не было, чтобы мы своих бойцов бросали мертвыми или ранеными. Для всех большая честь – вытащить тело боевого товарища. Нет такого как у укропов – здесь тела валяются повсюду, их никто не забирает и даже не просит.

С Министерством обороны мы тогда работали довольно плотно, рядом с морпехами. Мы держали один фланг, они держали второй и вместе двигались. То есть МО принимало непосредственное участие во взятии Попасной, но по количеству людей, по крайней мере то, что видел я, конторских ребят было гораздо больше, чем от Министерства обороны. Был вот этот полк, который двигался с нами, а все остальные были где-то на оттяжке. И если я находился не в самом центре действий, а в километре от противника, то военные находились у меня за спиной.

На тот период взаимодействие было не очень хорошо налажены с армейской артиллерией. Но когда запрашивали – нам помогали артиллерией. Однако был очень ограниченный запас боеприпасов. Даже на мой АГС приходило 3 цинка гранат в сутки. Этого хватает на полчаса на плотный бой, чтобы погасить противника и заставить убежать, как мы делаем это сейчас. А это мой запас на сутки! Помогали и наши ребята из минометов, но у них также был ограничен расход БК, что затрудняло работу.

В компании я с лета 2020 года. Еще в 2017 году я работал в ЦАР от федеральных сил, там познакомился с компанией, работали вместе, стояли под Дейр-эз-Зором с нашими конторскими артиллеристами. И мне просто понравилось, как работает компания, уровень взаимодействия внутри, между сотрудниками.

Неважно: командир или подчиненный – все на равных, всё выстраивается на взаимоуважении. Все-таки в армии такого нет.

Несмотря на то, что комбат у меня был хороший, там все равно все делается по-другому: я начальник, ты дурак. А в компании нету дебильных правил, по типу спать в бронежилете, если в этом действительно нет необходимости. Ходить только в обуви.

В Сирии мы ходили в касках, в обуви и бронежилетах. Вроде это наша безопасность, но когда там +30 - +40, то хочется все это дело снять. И если компания могла надеть тапочки и отдохнуть, то мы круглосуточно в этих касках, бронежилетах, мне это не очень сильно нравилось. Тогда я узнал о компании, но мне было 20 лет и тогда меня еще по возрасту не брали.

Я ждал, когда мне можно будет устроиться, и меня в 23 года взяли как специалиста.

Мы воюем за интересы Российской Федерации. Я всегда их защищал. Я не политик, даже 20% достоверной информации я не знаю. О чем там договариваются Путин, Байден, Зеленский - обывателю это непостижимая информация. Непосредственно здесь я воюю за интересы нашего народа и государства. Лучше мы их, чем они нас.



МЫ – РУССКИЕ, А НЕ ФРАНЦУЗЫ

Первоначально в ЦАРе мы занялись, конечно же, обучением армейского корпуса. Их армия была в очень плачевном состоянии. Можно сказать – у них армии практически не осталось. Когда мы приехали в ЦАР, под властью президента Туадера находилось всего 15% страны. По моим наблюдениям. Сейчас государство контролирует большую часть, стоят военные базы. И это в первую очередь - всё благодаря нам. Когда я давал ООНовским пресс-секретарям в Бамбари интервью, то я ссылаясь на то, что мы помогаем легитимному президенту страны, который обратился за помощью к нашему президенту.

Тогда же я открыл теневую сторону МИНУСКИ – миротворческого контингента ООН. Мол, вы там у себя в ООН знаете, сколько нас приехало в ЦАР (не буду озвучивать цифры) – а вас здесь полный контингент, вы стоите здесь с 13-го года. Вопрос – хоть кто-то из вас, дятлов, здесь навёл порядок? Я тогда перечислил то, что я конкретно знаю, что вы ООНовскими бортами перевозите сексуальных рабов из лагерей беженцев, алмазы, золотишко, оружие. Они очень страшно этому были удивлены. Я говорю: «Ну вы покопайтесь получше, и на каждой ООНовской базе вы найдёте человека, который знает о том, что это происходит».

Трудно сказать о первых впечатлениях, потому что был жесткий перелет, довольно долго туда лететь. Когда выгрузились из самолета в «Урал» - человек 30 набилось. Все начали курить сразу, и дорога была такая, тяжелая. Ночью приехали, расположились. Но было

необычно – люди негроидной расы, много их, я столько их не видел сразу. В Банги приехали, и портом также ночью мы поехали в Беренго – учебный лагерь. Я там был два месяца инструктором, и потом по базам нас начали кидать. Ну, нормально, покатался по всему ЦАРУ, могу сказать, что красивая страна.

Потом база на Бри уже начала открываться, и нас послали в первую поездку по земле - отвезти воду, продукты. Когда мы заехали за Себут, ООНовцы нас тормознули и, спросив, куда мы едем, покрутили пальцем у виска.

— Куда вы едете? – говорят нам. – Мы туда ездим по 20 машин, из них 5 броневиков – и нас грабят. А вы едете на двух «Уралах»?

— У меня приказ, - отвечаю я.

Поехали туда. Доехали до первого блокпоста «Селеки» - они там все нас окружили. Нас было 8 человек всего – а эти стоят вокруг, со стволами, жмутся.

— У вас бумага от нашего генерала есть? – спрашивают у нас. – О том, что вам разрешают проезд.

У меня переводчик был – Манас. Он был легионером, поэтому очень хорошо на французском общался. Я ему говорю:

— Спроси у старшего, ему такая бумага пойдёт?. Попросил пулемётчика на крыше – передёрни затвором. Тот передёрнул затвор, я говорю:

— Пойдёт вам такая бумага? - говорю.

Чувак охренел от такого поворота событий, в непонятках уставился на меня – и слова выговорить не может.

— Запомни, - говорю ему, - мы русские, а не французы. Поэтому, если вы начнёте войну на этом блокпосте, то из вас живыми уже никто не уйдёт. Мы до последнего здесь будем. Никто из нас не отдаст ни стволы, ни технику, ни еду. Из вас живыми никто не уйдёт.

Тогда этот главный «селековец» со своими поругался, и сказал — ну вас, русских, к черту, я с вами лучше связываться не буду.

Взаимоотношения с МИНУСКА

Взаимоотношения с МИНУСКОЙ были странные. Героического в них мало. Точнее - вообще ни в ком ничего нету. Кроме португальцев. Всех остальных я не считаю за солдат. Они в любой момент были готовы воткнуть нам нож в спину – постоянно, где бы мы ни были. Я строил базу в Бангасу, строил базу на Бауа, строил базу на Бакаранге, строил базу на Буаре – везде МИНУСКА вставляла нам палки в колёса. Везде приходилось пробиваться через проблемы, через отказы. С ООНовцами нормально каши не сварить.

Типичная история – они всё время утверждают, что без сопрово-

ждения ООН мы не имеем права никуда ездить. Я говорю – хорошо, давайте сопровождения, мы поедем туда-то, нужно осмотреть, осмотреться, разведать и так далее. У нас приказ от руководства. А они постоянно всё это затягивали. В итоге, когда я уже оброс там некоторыми связями с местными - мне начали докладывать о том по дороге, скажем из Буара до Бакаранги, поставлены засады «Селеки». А информация не могла поступить из других источников, кроме как из МИНУСКИ.

Но мы всё равно поехали в Бакарангу – открыли там базу, прогнали бармалеев. За сутки до нашего приезда в Бакарангу боевики еще собирали с местных дань: ходили по рынку, забирали себе баб любых понравившихся, собирали деньги с коммерсантов и кошмарили населённые пункты.

На Буаре я развернулся на полную катушку. Когда я туда приехал, база уже существовала, люди были – но она была не построена. А я привык на месте всё делать под себя - соответственно я сделал под себя базу, вошёл в контакт с местными миротворцами из МИНУСКИ, вошёл в контакт с губернатором, с местными коммерсами, с местным криминалом.

Почти сразу после прибытия на меня вышли местные контрабандисты. Я им отказал – они просили меня их сопровождать в зоны риска. Мол, они через границу возят товары, и просили их за бабки охранять. Теоретически, такая возможность у меня была - есть транспорт, вооружённые люди. Я им отказал – и предложил другую схему: у нас может быть взаимное сотрудничество, если вы будете мне помогать с информацией.

По ООНовцам. Мы часто обращались за помощью к перуанцам - у нас стоматолога не было, а у перуанцев он был, единственный стоматолог на всю МИНУСКУ. Я тогда познакомился с их командиром, поставил ему ящик пива, и попросил о помощи со стоматологом. Он разрешил русским пользоваться их стоматологом. Я свозил всех пацанов, которые на базе у меня были – все вылечили зубы, пломбы запломбировали. Беда в том, что в ЦАР из-за местной воды зубы разваливаются. Ну и так получилось, что с перуанцами мы сдружились. Они приезжали к нам в волейбол постоянно на базу играть. Пару раз даже у нас в бане были – им стало интересно, что это за баня у русских такая.

Это что касается перуанцев. Познакомились мы и с комендантом их базы – с Бангладеш. Дело было так: когда они делали стрельбище для МИНУСКИ, неподалеку от нашей базы, они просто нас попросили постоять на охране. Пацаны там постояли с разрешения руководства – просто посидели на фишке четыре дня, пока ровняли площадку для стрельбища. По итогу у нас произошло взаимодействие,

и в дальнейшем мы пользовались тоже этим учебным стрельбищем. С генералом мы несколько раз общались, неплохо с ним сдружались. Благодаря этому постоянному общению я начал понимать достаточно хорошо французский, английский. Может и не говорить, но хотя бы понимать то, что тебе говорят. Одно дело, когда ты с переводчиком говоришь, и совсем другое – когда ты постоянно с носителем общаешься сам.

Пока там были, пришлось еще санго выучить. 260 слов – больше у них я не нашёл, остальное они французскими словами заменяют. Учил специально, чтобы с местными общаться. По большей части мы там занимались хозяйственной деятельностью. Ну, я человек деятельный, поэтому я занялся налаживанием контактов с разными людьми.

Современность и каменный век

Перед отъездом в ЦАР, еще дома, я достаточно неплохо изучил эту страну по YouTube, по статьям в Интернете. И поэтому для меня не стал неожиданностью тот факт, что в ЦАР соседствует XXI век с каменным веком. Но признаюсь – реально в жизни я видел такое впервые. В Сирии, например, такого нет. До этого по заграницам я ни разу не ездил, потому что просто некогда было – занимался своими делами и не было желания ехать ни в Египет, ни в Турцию. А вот побывав в Африке, именно в ЦАР, я увидел это соседство – современности с каменным веком.

Народ здесь очень ленивый, на самом деле. Природные условия позволяют быть ленивыми, поэтому они так и живут. Стремиться им не к чему. Плюс все еще очень чувствуется колониальная политика французов.

Жильё, приготовление пищи, методы добычи пищи. Они занимаются до сих пор охотой и собирательством. Не земледелием даже, а собирательством! Натуральный каменный век. Какие у них орудия труда – у каждого второго мотыга чуть ли не деревянная, палка-копалка.

Вот, спрашивается, почему у них весёлые похороны? Я-то думал, что это чушь, какая-то легенда, типа как в Америке на похоронах джаз играли. А когда я увидел похороны в ЦАР – я понял, что похороны у них лучше, чем наши свадьбы.

В Бакаранге я пришёл посмотреть на этот обряд. Они ставят покойника на ночь в гробу – и всю ночь 200-300 человек вокруг него пляшут, бухают, подносят ему кубок, выливают на труп вино, вискарь, пиво. Полностью гроб обставлен бутылками. Кто больше всех захотел, скажем так, выпендриться – принёс дорогую бутылку вискаря за 40-50 тысяч франков, поставил её возле гроба. И всю ночь бьют барабаны, в тамтамы, вокруг него танцуют первобытные танцы. То

есть как бы веселятся.

— А чего вы веселитесь? – спрашиваю я у одного парня местного. – У нас, в России, такой обычай, что люди скорбят, когда человек умер. Жалко.

— А у нас – наоборот. Мы все веселимся потому, что он ушёл в иной мир. Там ему лучше будет. А здесь он уже отмучился.

— А сколько ж ему было?

— Сорок девять.

— Ни хрена себе! Он, получается, старше меня на 7 лет, а вы радуетесь, что он помер?

— Да он отмучился, ты не понимаешь, ему там лучше будет!

То есть вот такое отношение. Ну и утром, когда я в полседьмого на пробежку вышел – я как раз мимо этого места пробежал. Все 200-300 тел вокруг гроба вповалку лежат, бухие в хлам. Они начали подыматься только в полдевятого, расходиться с этих похорон. Только маленькая похоронная процессия отвезла этот гроб на кладбище и закопала.

У них самое главное – это прощание. Некоторые похороны бывают такие, что они три дня бухают всей деревней – прощаются. Все приносят бухло, баранину, козлятину, жарят на месте, парят что-то, маниоку эту варят – и веселятся. Оттого, что человек сдох, ушёл в мир иной.

Опасно с ними связываться, очень много болезней, медицина у них грубо говоря не развита вообще, антисанитария. Даже когда мы стояли при госпиталях, там бывали случаи.

Ну вот была молодая девушка, ей еще 20 не было, пришла – у нее на пальце был небольшой порез. Обработали, перемотали, забинтовали и сказал, чтобы она через два дня пришла на перевязку. Она пришла только недели через две, когда палец надо было уже ампутировать – пошло заражение. В итоге, ампутировали ей палец. А все потому, что она пошла не к нему на перевязку, а к местному шаману. И естественно шаман ей наплел, что не надо к белым демонам ходить. И у них очень много таких случаев, когда сначала обращаются к шаману, а когда уже магия не помогает и все сильно запускается, причем из-за пустяковых случаев, обращаются к нашим докторам. Когда уже поздно. Ну вообще печально, когда с детьми так.

Их взаимоотношения в обществе – это тоже что-то с чем-то. Отношение к жизни само по себе – иное. Они много рожают, потому что много умирают и очень быстро умирают. В Бангасу пример был такой. Прибежал к нам соседский мальчишка, который просто за пластиковые бутылки у нас убирался во дворе – сказал, что у его соседки ребенок умирает от малярии, мол, можете помочь таблетками? Ну, у нас были таблетки – пускай несёт. Мать в итоге принесла уже труп

ребенка – месяца 4 или 5 ему было.

— А когда же началась малярия? Парень же быстро прибежал, 20 минут назад

— Четыре дня назад.

Это лишний раз говорит об отношении даже к своим выношенным детям. Четыре дня ребёнок горел от температуры, ему ломало кости, ещё не сформировавшиеся, от малярии, он орал как резанный – а мама его даже не подумала, что где-то можно таблетки взять! Там есть миссионерские организации, типа «Врачи без границ», плюс мы стояли рядом буквально, в 300 метрах!

Это у них отношение такое к жизни и смерти. Они так относятся ко всем другим, к окружающим людям. Для них смерть – это, наоборот, избавление от тягот и лишений этого мира.



Мангуст по имени Машка

В ЦАРе многие заводили себе питомцев, многие шkodничали. У командира жил мангуст Машка, шkodная была зверушка. Единственные, кого она не кусала – это командир и я. Остальных кусала, местных африканцев постоянно грызла, особенно если ее немного раздракуют, если она видит кого-то в тапочках. Здоровые мужики разбегались от нее, потому что кусалась сильно, прокусывала и довольно болезненно.

Нашли Машку маленькой, притащили местные жители. Они до-

вольно-таки часто приносят обезьянок, другую живность и продают. Ну и парни в основном берут и как питомцев заводят. Ну вот мангуст долго прожил, потом убежал на рынок. Не вернулась, а так довольнотак долго прожила с нами, выросла. Пацаны ее маленькой взяли, выходили, потом уже уехали, а когда командир уехал, после парни кто оставались, говорят на рынок убежала и не вернулась. А так всю командировку с ними прошагала, месяцев 7 или даже 8, ну такая прикольная была зверушка. Другие заводили собачек или обезьян, но они ни с кем не приживались, а собаки убежали.

Машка как-то нашла змеиную кладку, там такие – червяки еще были, видно только выползли, их растрепала. А так чтобы со взрослой, с большой змеей расправилась – не видел. Ну и местные стараются и траву косить в местах, где живут, и землю вытоптать. Во многих поселениях они не то что траву- они вместе с землей, с дерном ее снимают, чтобы была голая земля и змеи не водились.

Русская культура в ЦАР

ЦАР – дикая страна. Наш взвод там показал им нашу культуру русскую так, что местное население нас любило больше чем ФАСА, ООН и прочих. Когда новый год отмечали - нам дали разрешение по одной ракетнице в воздух пустить, типа как салют, и один магазин трасеров. ООНовцы испугались, прибежали, «Уруссы, у вас тут что, бой?», а местные нас окружили и радостные вокруг нас плясали. Такое вот отношение. Только мы себе могли такое позволить.

Малярой болели много... На улице +50 жары, а малярка до 40 тебя «греет». Лежишь в спальнике, потеешь, тебе холодно. У некоторых был иммунитет, а кто-то выходил в туалет и прямо там сознание терял – обратно уже заносили. Но через три месяца чувствовали себя как будто там и родились. Уже и змей ели, жарили с лучком, на вкус, как рыба минтай. Местное население помогало, когда на новый год нам подарки давали - мы конфеты ребятишками местным раздавали. Ехали за водой - им сразу надо было стираться, выходили чтобы на нас посмотреть. Мы им бутылки пустые отдавали, им нужны были. Они нас уважали, только попросишь о помощи - делают. И мы их тоже уважали: например, если у них праздник на всю улицу, а мы едем - останавливались, не сигналили им, а наоборот, в знак уважения ждали, любовались их парадом. А факавцы в таких ситуациях сигналили и разгоняли. Так что мы показывали свою культуру.

Или вот пример. Мы за водой едем - а у них похороны. Мы метров на сто отстаём, скорость снижаем, даем людям закончить свою церемонию, маршрут. Так показали им, что мы добрые, готовы помочь. Девчонки там в третьем классе две учились, у них в семье семь де-

тей было, еды всем не хватало. Ну, мы с напарником звали их всегда к себе кушать. Садил к себе за стол. Для армейцев местных это было непонятно – мол, как белый может местных детей с собой за один стол садить?

Был мальчик один маленький, мы его называли Тайсон. Встретили, он грязный, одежда рваная вся. Взяли его, пошли на рынок, одели в спортивный костюм. Или, когда самим стирать лень было – привозили вещи местным, платили им тысячу местных франков. Это у них зарплата за полный рабочий день, а тут они за час зарабатывали столько. А когда стали уезжать, они, когда узнали - плакали. Мы же как ни придем - то с шоколадкой, то с консервами, понимали, что им тяжело, помогали, с уважением относились. Так что прощались они с нами со слезами на глазах. Вот этим мне ЦАР запомнилась.



САМЫЙ СТРАШНЫЙ БОЙ

В январе нас привезли в Хшам, мы по всему поселку распределились и готовились к наступлению. В ночь с 7-е на 8-е построились мы в колонну на одной из улиц - никуда не выдвигались, стояли и ждали команды. И в этот момент гранатометчик, товарищ мой Саша слышит и видит, как на горизонте небо расчертили полосы и всполохи, как бенгальские они. Звучит команда пригнуться. Все ложатся, а Саша, как страус, пригибается – и у него зад торчит в сторону прилета ракеты. Мы Саше: - Саш, ну что за поза?

Как потом оказалось, эти полосы и всполохи была работа «Апача», который долбил по артиллерии. То есть он уже работал - но мы думали, что это наши работают: нам до этого говорили, что будет поддержка нашей артиллерии.

Слышим, летит самолет. Мы думаем: «Это точно наши». И в этот момент от самолета пришло нам два прилета – в голову и хвост колонны. Первую машину прошило насквозь, а сзади уже успели сообразить, что происходит, и с техники спрыгнули в укрытие.

Мы все вылезли из машин – и тут началось. Сперва пошел полный прострел колонны. Длилось долго – с половины первого до четырех утра. Они не залетали за линию разграничения – за железную дорогу, которая пролегла сразу за Хшамом. Нам, честно говоря, повезло, что они работали со своей территории: если бы американцы зале-

тели за «железку», то, наверно, никто бы оттуда не вышел живьем. Мы ушли в поселок, а они по поселку работать уже побоялись. А тот самолет, которой мы слышали, был истребитель, потому что скорость была большой. Еще был беспилотник и два «Апача».

Как мы с колонны отошли, прилетели «Апачи» и начали долбить по очереди: один работает, второй кружит вокруг, потом они меняются. Мельницей работали. Зрелище ужасное. Слева наш отряд торчит в поле – им деваться некуда. Когда мы вышли на дорогу, было еще два прилета. Видимо, один из «Апачей» нас, русских очень любит – он-таки сработал на нашу территорию через железную дорогу, выстрелил в нашу толпу и «задвухсотил» пулеметчика, помощника пулеметчика и гранатометчика. А тех ребят, кто в поле оказались, «Апач» буквально в упор расстреливал. Это даже боем не назовешь – просто мясорубка.

У нас в колонне шел древний танк – я даже не знаю, что это за «тэшка» была. Пилот «Апача», наверно, на него посмотрел и подумал, что это памятник стоит – и не стал ракеты на него тратить. А водитель танка молодец, машину вывел и еще помогал машине выбираться из кювета, вытаскивал ее. Хотя для вертолета танк – это первоочередная цель, но «Апач» не стал стрелять. А вот, к примеру, Т-72 выбили сразу.

Самый страшный бой. Ничего не поделаешь.

История разберет

Ночью духи начали нас обстреливать. Было принято решение их въебать. В 23.45 мы въебали по ним из всех орудий. Мы заранее предупредили союзников, что ночью ожидается большой замес, попросили повесить самолеты и включить ПВО.

И мы бы порвали их и дошли до границы Ирака за несколько дней. Но нас просто предали. Когда мы пошли на штурм, мы не знали, что самолеты над нами только американские, а пвошники все залезли к бабам под юбки.

Командиры, говорят, пытались дозвониться кому-то в погонах, но те просто отключили телефоны. Нас несколько часов просто утюжили, равняя с землей. Несколько «апачей» в воздухе крутили «карусель», работала «летающая батарея» А-130, бомбер В-52, поднятый с Катара, несколько «риперов», и всей этой хрени хватило бы, чтобы уничтожить вообще всю Сирию.

В итоге погибло много наших. Но прежде, чем нас разьебали, мы америкосов покروшили неплохо. Они хотели нас отбросить за Евфрат, но понесся потери, мы не только не откатились, но и продвинулись на 500 метров. Так как били в основном по второму эшелону.

Надеюсь, когда-нибудь история разберет, где были эти твари, которые нас предали. Их фамилии и звания ребята знают.

Проскочивший «Бардак» и смятый «Урал»

Поступила нам задача – занять завод, вокруг него духи всюду крутились. Весь январь нас собирали в Хшаме, готовились. Перед началом выдвижения посидели, отоспались. Ночью нас начинают строить в колонну. Ночь безлунная, темень – хоть глаз выколи.

Вытянулись в колонну, в 6 вечера встали – стоим, тупим. Наш взвод стоял прямо в центре. Я на танке сидел Т-64, у него еще прицел был такой дебильный, итальянский. Садыки откуда-то притащили, он ни фига не работал – хотя типа дальномер. Они все пытались его починить, но никто не знал, как это сделать.

Сидим, уже темень, начали артой обмениваться – мы по ним, они по нам. В рацию проскакивает:

— Нам прилетело.

— Убитые есть?

— Нет.

— Стоим.

А говорили же, что ВКС нам будут помогать. Сидим час, полтора, жрать уже охота. К танкистам стучусь. Я до этого танк не видел никогда, в первый раз на нем сидел. Открывается люк, я туда голову засовываю – железная банка, там три человека, морды такие, здоровые мужики – накурено, дымина валит. Как в американских фильмах про негров, которые едут и дудку свою дуют, а дым валит из всех окон. Вонница стоит:

— Мужики, есть что пожрать?

Рука из дыма высовывается, протягивает что-то типа «Сникерса» сирийского.

— Спасибо.

Хоп, закрылись – нормально у них там. Я спускаюсь, облокотился на броню, стою – смотрю. Как раз справа от завода поселок был, и оттуда пошли выходы реактивные, как «Град» работает. Только присаживаюсь – и тут как пошли прилеты, как раз где артиллерийский дивизион стоял. Присаживаюсь и говорю напарнику:

— Блин, нас по ходу «Градами» раздолбали.

Тут, короче, слышим звук самолета – наверно даже не заходящий, не пикирующий, а скорее наоборот – будто он уходил. Думаю: «Ооо, наши прилетели». Там такая мысль у всех наверно была: раз наши прилетели, значит сейчас всем дадим просрать. И тут как долбануло – получается, вдарили с дронов по первой машине в колонне. Скорее всего, дрон по «тепляку» работал ночью, а головная «шишига»

как раз тентованная была и светилась. Потому что хотели бы влупить танк – влупили бы танк. Мы разбрелись и не так сильно привлекали, а там целая машина пехоты - и американцы в нее ракету всадили. Потом, через какое-то время, минута-полторы, влупили в хвост, метили в Т-72. А вторая получается, ушла в дорогу, нам фартануло. Мы сразу от танка тикать.

Скорая туда подъехала сразу – видимо, паренек на собственном энтузиазме ломанулся на «шишиге». Всех быстро в скорую грузят, скорая разворачивается — по газам, выходит из колонны. Только врубил сирену – и дрон в нее ракету всаживает на отходе. Там больше даже не осколочные повреждения – там была зажигалка. Кто в эпицентре был, тот сгорел просто. Ну человек целый, ничего не оторвало, но то, что в уголек превращался быстро – это факт. 72-ку вот влупили как раз, буквально через пару минут. У нас доктор туда ломанулся, думал помочь кому-нибудь – а там полыхает все, еще БК разгорается. Невозможно ни внутри, ни снаружи.

Отходим на первую линию обороны. Сидим, думаем, что же делать. Командование дает указание отходить на вторую линию – отходим туда, со мной связист бежал с большой ракетой. На вторую линию отошли, сидим под домиком. Комод такой:

— Давайте бойницы делать.

— Чем? У нас ни хрена нет кроме стрелкотни.

— Камнями давай, забор разбираем, камнями давай ломать.

— Хер с ним, давай.

Камнями бьем в стену – камни рассыпаются просто, глина говёная. Бойницы не получились. Как раз в этот момент мимо нас «Бардак» проскакивает. Все такие: «Оооо, ништяк, «Бардак» проскочил». От того что колонна горит, уже зарево подсвечивает и видно, куда двигаться. Смотрим – «Урал» наш прячется между домами. А там расстояние такое – «Урал» зашел между домиков, двери чисто открыты. Ну и водила выпрыгивает, хватает свой портплед, гранатометчик, водитель, еще кто-то там был. Старшина тоже – куртку сверху накидывает, и тикать от этого «Урала».

— Ооо, Колян, красавчик, вытащил «Урал».

И только мы все такие возрадовались – бац! – прямо в этот «Урал» прилетает. Мы все на землю падаем. Поднимаемся, смотрим - да ну нахер, как так? «Урал» даже не горит – его просто внутрь как-то сдавило. Это что такое? Это как вообще может быть? Вот рядом дома, они целые, а тут прилет чисто в «Урал».

Вертушки потом мы уже увидели, когда ушли дальше. Вышли на третью линию – там доктор начал собирать людей, кто пойдет «трехсотых» вытаскивать из колонны. Мы там сидели, что-то кто-то говорил, что воздух, еще что-то. В радиосвязи официально прошло:

— Работает американская авиация, всем ныкаться, готовится к контратаке.

Недалеко от нас снайпера проходили, два пацана. Один идет – автомат на шее висит, он идет прямо просто смотрит. А перед ним идет чувак с этим - то ли «Манлихер», то ли «Корд», просто тащит за ремень, взял под ствол и просто тащит. Приклад по земле волочится. Он идет, и ему похеру на все. Голову поворачивает к нам:

— Какой взвод?

— Третий.

— Нее, мы со второго, мы своих ищем.

И поперли дальше. Просто по башке тряхануло, они идут на своей волне, им ничего уже не надо. Они вдвоем, как привидения топаят.

Потом мы отошли на третью линию, и начали замечать – как только мы отходим на следующую линию, через три-четыре минуты линейку, в которой мы сидели, просто всю выжигают. Отходим получается, по нам начинают уже долбить.

Начали трехсотых подтаскивать. Куда их грузить – хер его знает: эвакуация на автомобилях невозможна, потому что машина только начинает отъезжать – ее вскрывают. Танкисты и «Бардаки» начали ныкаться по зданиям, просто протаранивали стены. В доме останутся, потусят там минут 15-20, потом по газам, пробивают другую стену, в следующий дом заскакивают.

Притащили одного трехсотого, у него лицо было все покоцанное и в ногу прилетело. Там не сильно, лицо ему ободрало, местами обожгло. И с ноги у него течет, осколок прилетел в икру и по ноге так капает. Перемотал доктор и говорит:

— Помогите оттащить.

Я подрываюсь, хватаю его под руку.

— Куда ведем?

— Там, за домом должна быть эвакуация.

Туда оттаскиваем, передаем пацанам, возвращаюсь обратно. Сел, ждем команды. Стоим. Разведка оттянулась, их там вообще всех расколошматило. Толком никого не осталось. Они там своей движухе, их командир начинает выводить. Мы комоду и говорим:

— Ну что делаем? Долго сидеть будем?

— Ждем команды.

Хрен с ним. Взводник дает команду «Отходить». Начали отходить группами, назад выходим за дом – танк стоит.

— Да ну нахрен, валим отсюда.

Только отходить – он заводится и за нами едет. Мы в другую линейку заходим, а он – херакс! – и просто через забор за нами проезжает.

— Да ты чо, гонишь? Чего ты за нами едешь?

Потом, как выяснилось, механик думал, что мы ему дорогу пока-

ываем, и он за нами ехал (смеется). Мы-то знали, что технику жгут, нужно от танка как можно дальше держаться, и потому петляли туда-сюда.

Кстати, танк, на котором мы сидели – Т-64 – он цел остался. Он остался в колонне и так и стоял – пацаны забыли рацию переключить на общий канал. Где-то через полтора часа только чухнули, что война идет. У них там своя атмосфера, у них там музыка играет, плюс он сам заведенный – все тарыхтит, им вообще ничего не слышно. Они давай по каналам щелкать – на всех тишина. Радиста убило – все, связи нету. Рацию перехерачило, тоже связи нет. Ничего не происходит, никто на танкистов не выходит. Они на общий – а там вообще жесьть творится. Они ничего не могут понять, в итоге люк открыли, высунули жало – и увидели, что все вокруг горит, взрывается. Люк закрыли, по газам дали и вырвались оттуда. Они через два дня только выехали, где-то ныкались у поселков.

У меня кент в разведке был, его «затрехсотило», но при этом даже не ранило – в него просто кусок трупа прилетел. Верхняя часть туловища. Сбила его с 72-ки, он упал, ему отбило все органы, встать не может, камнями засыпало. Его поднимают и спрашивают про рядом лежащий кусок трупа:

— А это кто?

— Да хер его знает. Я его в первый раз вижу.

— Наш?

— Нет, не наш.

Оттащили к «скорой», загрузили – как раз другого отряда «скорая» подтянулась, потому что в нашей уже места не было. Сидим мы на точке эвакуации, и тут прискакивает тип какой-то:

— Вы чего тут сидите?

— А что нам делать?

— Тут склад РАВ, бегите отсюда.

Перебегаем в другое здание, перешли метров на 150. Сидим, проходим минут 30 – и зарево начинается. Голову поворачиваем:

— Что там горит? Может колонна, поселок загорелся?

Опять тот же самый голос:

— Вы чего тут делаете?

— В смысле? Сидим!

— Склад РАВ подожгли. Уматывать надо отсюда.

— Да етить твою мать, ты когда-нибудь хорошие новости расскажешь?

Давай оттуда тикать. Начали обходить точку эвакуации сзади, там стройка была – котлован вырытый, сваи стоят. Мы ее начали обходить по внутреннему радиусу, в котлован еще кто-нибудь постоянно норovil свалиться, под ногами земля уходит. Ну идем-идем, осталось дойти

пешком до переправы – там километров 6 наверно. Идем, тут крик:

— Воздух!

Ну воздух, значит воздух. Падаем. Один взрыв. А я, получается, упал, у меня каска наверх задирается, лоб открыт. Я глаза поднимаю и вижу – вспышка, взрыв, вторая вспышка еще ближе. Я лежу и думаю:

— Ну все, кабзда. Удачно я упал. Сейчас третья – и все в нас.

А нас всегда учили, что, когда падаешь и рядом будет взрыв, автомат вытяти перед собой. Руки посечет – ну и хрен бы с ним, главное, чтобы голова целая, мозги на месте останутся. Я лежу, а левая нога у меня куда-то в сторону отведенная. Второй взрыв, и я эту ногу под себя подтягиваю, чтобы не попало осколком. Мне кричат:

— Ты живой?

— А что со мной будет?

И тут приходит понимание, что выстрела только два было, то есть третьего не будет. Фух, пронесло.

Американцы подняли всю свою авиацию

Мы знали, что планировалось наступление, еще когда за несколько месяцев до того на позиции ИГИЛ в газовом поле Коноко зашли американцы.

Мы стояли всего в полутора километрах от них, видели, как ночами туда подвозили оружие, боеприпасы. Наши снайпера говорили, что видят, как они ссут с бруствера в нашу сторону. По-хамски себя вели, в общем. А наши союзники, скажем так, немного обосрались от присутствия американцев.

А еще там был такой командир Ясар, старшина базы, и когда пришли америкосы, он так и остался на своем посту.

У нас тогда не было своего ПВО и прикрывать нас должны были союзники. От них мы знали, что самолеты амеров летали над нашими позициями, а их «риперы» вообще постоянно висели над нами.

Нашей основной задачей было зайти и резануть по дороге М7, чтобы впоследствии отсечь духов и их союзников от юга Сирии, от всех ресурсов. По тем дорогам шли колонны наливняков с нефтью, спизженной Штатами в Восточном Дейре и его месторождениях. Задачей американцев было отбросить нас за Евфрат. Они-то, видимо, тоже знали о словах Асада — ни один сирийский солдат через реку не перейдет.

В начале февраля 2018 года 2 штурмовой отряд располагался в северной и восточной частях населенного пункта Хшам, за железной дорогой, в комплексе административных зданий размещался 1 штурмовой взвод. На левом фланге, так же за железной, занимал позиции отряд «Карпаты». В тылу стоял 5 штурмовой отряд и сводная артиллерийская

группа (Д-30 и БМ-21). Кроме того мы взаимодействовали с подразделением сирийцев под управлением МО РФ которое должно было в назначенное время выдвинуться в Джейдед Агедат, где находился противник (ИГИЛ).

По замыслу 7.02.2018 в 23:00 отряд Карпаты должен был выдвинуться со своих позиций и занять завод «Коника» в 2-х километрах к северу, после этого мы должны были начать движение параллельно на север до автодороги Коника-Агедат и повернув на восток занять завод «Джафра» и сортировочную ж/д станцию севернее Агедата. 5 ШО должен был двигаться за нами до поворота на восток, затем выйти на опорник севернее завода «Джафра». Подразделение сирийской армии под руководством офицеров МО РФ должно было атаковать Джейдет Агедат.

Перед началом операции на совещании с офицерами Минобороны нам была обещана поддержка ПВО, находившегося на аэродроме Дейр Эз Зор, и двух штурмовиков Су-35.

Около 18:00 с наступлением сумерек подразделения отряда начало выход на исходные рубежи, тогда же выяснилось, что все офицеры российской армии, которые должны были работать во взаимодействии с нами, отсутствуют на своих местах.

В 23:00 по плану отряд Карпаты выдвинулся со своих позиций на завод «Коника», одновременно батареи БМ-21 и Д-30 начали работу по плановым целям, с позиции 1 ШВ мы начали работать 120 мм миномётом по ближайшему опорному пункту противника. После первого залпа нашей артиллерии начались прилеты по нам. Были поражены позиции БМ-21 и Д-30 огнем реактивной артиллерии и ударных американских беспилотников, 5 ШО, который стоял в колонне в готовности начать движение, позиции 2 ШО, которые мы оставили перед этим.

По отряду «Карпаты» работало несколько боевых вертолетов «Апач», ударный беспилотник «Рипер», так же в небе был слышен гул тяжелого турбо-винтового самолета. Несмотря на это часть отряда Карпаты успела зайти на передовой опорный пункт противника и выдавить его оттуда.

Ни о каком противодействии со стороны ПВО и авиации со стороны ВС РФ говорить нет смысла, ее не было, авиация противника работала в полный рост, не опасаясь ничего. Кроме того, подразделения сирийцев остались без управления. Все это продолжалось практически до рассвета, после чего все подразделения получили команду на отход.

Наибольшие потери понесли подразделения сводной артиллерийской группы, пятый ШО, и отряд Карпаты. Во втором ШО уничтожен один танк Т-62 с экипажем «Коня», два штабных пикапа, один сотрудник получил осколочное ранение.



ВРАЧИ – СТРАШНЫЕ ЛЮДИ

Шли на укрепрайон с правого фланга, практически снимали мины с этого моста. Мы думали, что военные нас поддержат танками, но, к сожалению, танки не пошли, и парни практически по посадкам шли, по открытке. То есть их никто практически не поддерживал. И нам, и третьему взводу, тогда пришлось выдвинуться по дороге. Некоторые удары противника по этим двум взводам стали брать на себя. Нам были обещаны военными танки, а танки не пошли. Не пошли именно те два-три танка, которые должны были поддержать наших парней, и мы бы заскочили в этот укрепрайон. Ну не было должной поддержки и нас начала артиллерия разматывать.

Поступил приказ от командования на время отойти, мы немножко отошли, ночью перегруппировались и опять пошли. Задали вопрос: почему военные не поддержали? Лично к танкистам подходили и спрашивали: почему вы танком били, а снаряд практически выше 10 метров шел и где-то в полях там разрывался. А этот укреп они бы танком разнесли, и мы бы зашли легко. Нам ответили «Если мы выйдем чуть-чуть на метр — нас сожгут, мы не хотим этого делать, нас накажут за то, что мы сожжем этот самый танк». Но люди-то погибают. Какое-то непонятное было взаимодействие с этими военными,

какой-то саботаж шёл по отношению к нам. Почему? Потому что те люди, которые нам должны были помогать, они практически не помогали на данном этапе.

Ночью мы перегруппировались, опять пошли. Сказали: всё будет, здорово и всё и остальное. Но военные опять нас не поддержали, танки не подошли. Наши АГС и АГС третьего взвода практически взламывали оборону противника, нужно отдать должное парням — они практически на глаз всё это наводили и косили пехоту противника. Артиллерия на тот момент работала у них очень хорошо. И дойдя до определённого момента разведвзвод начал контакт, второй взвод начал контакт. Артиллерия начала разматывать, и для того, чтобы немножко отвести, мы встали в полный рост. Это были Мора, я и Найба. Встали в полный рост и пошли на укропов, соответственно перевели огонь на себя. Мы прямо залегли, долго не могли двигаться. Ну нам просто повезло, если честно сказать, нам очень повезло, что укропы клали так, что нас не зацепили. Нас бы они размотали, это сто процентов, но нам просто повезло в этот момент.

Ребят и разведвзвод и второй взвод оттянули, эвакуировали. Ну мы опять заползли в лес. Многие вещи мы не знали, а руководство знало, что какие-то наши рации были потеряны и были у укропов. Было молчание в эфире, но потом мы уже понимали, с чем это связано. В принципе правильно все было сделано и вечером поступила команда домой идти. Мы поняли, мы отошли, на тот момент мы бы взяли 100% этот укрепрайон, но не было поддержки военных, к сожалению. У нас были потери, у нас было много трёхсотых парней с разведвзвода, со второго взвода. Очень много было погибших парней, этого можно было избежать, если бы нас правильно поддержали и пошли танки. Мы практически в лесу могли всё это сделать. Мы видели всё это.

«Саботаж — одна из форм диверсии»

Дело в том, что было расстояние доставки до наших позиций. Были контролирующие военные, которые могли бы нам помочь подвезти. Но мы сами на руках, на ногах доносили. Вы знаете, какой-то саботаж был. Как говорил, Столыпин «Саботаж — одна из форм диверсии». Были нюансы, нас могли подгрузить, подвезти и всё. Но мы сами на руках и на ногах эти ящики носили. Воду, продовольствие.

Когда нас перебросили, было не так много техники. Это сейчас немножко расширились, подошла техника, а на тот момент мы входили в начальную фазу, многих вещей не было. Некоторые военные помогали, некоторые подбрасывали. За Попасную выходишь, там лесок был — танки стояли в одну линию, БМП стояли в одну линию. Они

могли бы просто некоторыми залпами разносить все эти дома, где каждый дом парни по отдельности брали. Это бы помогло сохранить очень многие жизни. Парни умело действовали, некоторые первоходы учились у других.

Мы достойно штурманули этот городок, парни достойно себя повели при всех этих трудностях, при всех этих сложностях, конфликтах с некоторыми военными. Мы говорим: «Вы, блин, могли бы пушками, танкам помочь». Нам отвечают: «Приказа нет, если нас сожгут, то у нас это будут проблемы». При всех этих трудностях и сложностях парням ставилась задача и мы выполняли её. Просто выполняли эту задачу. И всё. Не было такого, что мы не пойдём. Все знали, для чего приехали. Вот в чём дело. Да понятно, что кто-то зарабатывает деньги, почему бы нет? За хорошую работу должны платить.



«Мы долго ходили мимо твоих зубов».

Многие парни, оставшиеся от разведвзвода, хорошо себя проявляли, потому что мы знали чётко, что мы делаем, как мы делаем. Улицы чистили и зачищали, дом за домом брали. Потихоньку, но брали. Были с нами первоходы, которые неплохо себя проявили. Я недолго в этом взводе был, потому что получил ранение в Попасной. Перекрёсток был, мы двигались с этой улицы, и с соседней парни гнали

укропов. В этом доме практически не было никого мы сколько раз этот перекресток пересекали. Потом начал стрелок работать, мы не понимали, где и как. И, перебегая улицу, приземлившись на колено, мне прилетает пуля в одну щеку, размалывает все зубы, проходит через нос и выходит через другую щеку.

Я упал, рот открыл и практически все зубы у меня выпали, начал задыхаться, через нос кровь шла. Но парни подбежали, оттянули меня, я уже потом встал, заходил. Я даже не могу сказать, о чем я в тот момент думал. Просто была внутренняя злость. Я просто не первый раз ранение получаю. Опять госпиталь, опять лечись. Я очень боюсь врачей, если честно сказать. После Пальмиры мне ставили 17 капельниц сразу. Там потерял 37 кг, все эти уколы, все эти процедуры...

Ну, я боюсь врачей. Да я и уколов боюсь, вот в чем дело. Как и зубника. Мы же мужчины, как дети, только взрослые. Боимся врачей, что мама заругает и всё остальное. Вот в чём дело.

Мне там зубы вынесло, лицо разорвало. Парни этот дом окружили и просто его сожгли, не выпустили никого. Мы не понимали, откуда такая стрельба шла. По мне поняли и определили, парни наши забросали его. Из нашего взвода, третьего взвода, отделение Логиста, Будды, взвод Мора, они не допустили, а дальше уже пошло легче, легче, легче. Найба, парень с гранатомета разваливал некоторые здания как в тире, выскакивая на открытку. Он виртуозно владел этим гранатомётом. Замкомвзвода Двадцать третий, он сейчас на штабе.

Все парни в этот момент включились, все, которых я перечислил, они командовали. Я в этом взводе недолго побыл, потому что перебросили меня, прикомандировали к этому отряду. Я же летел с Мали с девятого отряда. За короткий период с этим взводом мы немножко прочистили улицы. Дальше мне лицо порвало, все зубы оставил. Потом парни говорят: «Мы долго ходили мимо твоих зубов». В Москве сделали, все зубы пластиковые поставили. Всё нормально, все ребята нормально работали потому что понимают. Лезли, вытаскивали раненых. Меня оттянули. Я встал на ноги. Я понимал, что я стою, значит у меня всё целое. Единственное, что печаливает, что опять в этот госпиталь. Понимаете, эти врачи — страшные люди.

О смерти я не думал. Из опыта этих ранений, понимаешь, что жить будешь. Сам себя сканируешь, что жизненно важные органы не задеты, но боялся, что потеряю много крови. Ребята подтащили, я встал на ноги и зашёл в дом. Хочу сказать большое спасибо врачу из 57 бригады. Там парни подошли, нам помогали. Там человек 40 было, они достойно дрались. Они с Хабаровска, точно не могу сказать, дальневосточники. Они отлично дрались, их человек 40 было, по-моему, старшему 27 лет. Они помогали нам. Ихний доктор меня

там перевернул, осколок какой-то вытащил у меня с неба, кровь больше пошла. Он мне оказал такую помощь, что я потом мог двигаться, ещё 3 км бежал до эвакуационной, там «мотолыга» подобрала меня, отвезла к врачам. Ну, злость была в том, что опять в госпиталь. После Пальмиры мне за 24 дня пять операций сделали.

Что заставляет возвращаться в такие условия?

Ответа нет на этот вопрос. Ну может чисто мужская работа, как наркотик. Каждый раз приезжаешь, думаешь «Зачем я сюда приехал? опять всё это?», но потом какое-то время проходит. Ты понимаешь нужность и важность своей работы. Приезжаешь домой, там люди все суеются, туда-сюда. Как бы я не могу объяснить некоторых вещей.

Просто сидишь к концу отпуска и начинаешь по парням скучать. Ты начинаешь по некоторым вещам скучать. Ты начинаешь автоматически какие-то вещи собирать, мне надо тот броник, туда-сюда. Хотя себе говоришь: «Всё, я больше не поеду». Ты начинаешь к этому моменту собирать что-то, тебе позвонил один товарищ, другой товарищ. Там ты в этот момент нужен и важен, не просто друзьям, а стране и всем остальным. Ну раз я востребован, значит, я нужен и компании, и стране. Вот задача ставится и ее надо выполнять. Вот и всё.

Учишься на ходу и у подчинённых, и у старших. Мне нравится учиться даже у подчинённых. Парни могут предложить такие идеи, хорошие варианты просто как творческие люди. Вот тут на войне все как художники. Если есть идея интересная, то надо так воплотить, чтобы быть победителем. И внутри дух должен быть тоже победителя. Хочется своих парней похвалить, у нас в разведке гениальные ребята. Разные характеры, но движет всеми то, что мы не стадо, мы стаяй стали. Вот в чём дело. А стаяй всегда хорошо рвать противника. Я считаю так, что стая может делать всё... И у меня взвод такой, что не стадо, а стая. Приходят молодые, со всеми обчесались и просто рвут на части. Вы видели, как стая нападает на бизона, на волка? Они со всех сторон его кружат, окружают туда-сюда, он всё, упал и морально подавлен.

Я с 2016 года в компании. У меня были перерывы какие-то, после ранения реабилитация. Нужно было восстанавливать руки. А до компании я был и в ЛНР и ДНР, многие парни проходили этот путь — начинали с ополчения. Многие парни, старые сотрудники компании, они тоже всё это проходили, набирались опыта в других странах. Обычная судьба, как и у всех сотрудников компании. Есть парни герои ого-го.



СОРОК ПРОТИВ ЧЕТЫРЕХСОТ

Задача была не из легких. Пришел командир, мы находились в лесополосе в 5 км от Луганского аэропорта, открыл перед нами карту, ткнул в нее пальцем - и говорит:

— Знаете, что это?

— Да, это Луганский аэропорт.

— Так точно. Завтра с утра мы его берем.

А нас чуть больше 40 человек.

— Ну хорошо, а сколько укропов при этом?

— Зачем вам это знать?

— Не, ну ты скажи, на что мы идем.

— Ну, пацаны, там 400 человек по приблизительным данным.

А, как известно, штурм производится в пятикратном превосходстве штурмующих над обороняющимися. А тут было наоборот – нас меньше в десять раз! Единственное что спасало – артиллерийская поддержка у нас была: «Грады», минометы, прочая белиберда.

В общем, часа в три утра мы вышли на позиции. Пока мы спали, была произведена достаточно успешная артиллерийская подготовка. Хочу заметить сразу: у нас не было ни одного отказника. Другая группа, из ополченцев, в полном составе отказалась идти: они нас

должны были поддерживать, их было порядка 100 человек.

— Мы все, у нас уже срок, мы тут целый месяц, - их командир сказал.

— Мы уходим.

— Задача есть задача, - сказал тогда наш командир. – Если она поставлена, значит мы ее выполним.

И вот, мы пошли в 40 человек, зная, что с очень большой вероятностью мы погибнем. Когда ехали на штурм, никто вообще не разговаривал – все были готовы умирать. Люди записывали на диктофоны, на телефоны предсмертные сообщения: слушайся маму, будь хорошим мальчиком, ты старший сын в семье, поэтому теперь ты за старшего. Ну и хранили их на груди, чтобы в случае смерти парни могли это отдать родственникам. Иллюзий не было: все понимали, что бой будет жутким.

Послеобеденный бой в подсолнухах

Девятый очень долго ломал голову как выполнить эту задачу. Но, на мой взгляд, он подобрал очень удачное время. Я очень долго это прокручивал, все эти годы: наиболее удачное время для атаки – это после обеда. Ни утро, ни вечер, ни ночь.

— Почему после обеда?

— Ну, в солдатской среде обед считается как бы святым делом – по расписанию, все люди пообедав, не ожидая атаки в это время и расслабляются. А Девятый дал указания нашим группам наблюдателям, чтобы они засекли этот момент. Укропы пообедали, сходили в столовую, разошлись по своим бункерам, легли играть в телефоны, в электронные книжечки, кто-то спать завалился. А ровно в 3 часа дня мы зашли на аэропорт. То есть мы вплотную, внаглую въехали практически на территорию аэропорта колонной, резко зашли.

Кому-то повезло. Хотя, даже не знаю, считать это везением или нет. Они пошли по большей открытке, чем мы. У нас от лесополосы до забора аэропорта было примерно метров 200-250, там шло основное количество народа. Это было подсолнуховое поле, с колючими подсолнухами, это было 29-е августа. С ужасно колючими. Если у тебя, ну, скажем так, голая поверхность тела, то просто с мясом выдирало. Вот. Плюс оно было заминировано. До забора – 250 метров.

— Каким образом на мины не напарывались?

— Напарывались. Справа, слева. Смотришь – разрыв справа, куски тела полетели. Слева – тоже куски тела полетели. Растяжек там не было, только нажимные. Укропы заранее готовились к такому повороту событий, поэтому поле и заминировали. Мы прошли только потому, что я достаточно долго в головном дозоре проходил, и знаю,

о чём я говорю. Эти вещи я очень быстро вижу и пресекаю.

Дальше. С той стороны стрелять начали. Крупняк полетел с обеих сторон: ЗУ с нашей стороны, ЗУ с их стороны, мы посередине. Вот этот промежуток – мы посередине идём. Бьют с 12.7, с «Утёсов», с «Дашек» с обеих сторон. 23-и миллиметра – это ЗУ, 14.5 – КПВТ. С обеих сторон. Причём с той стороны ещё били разрывными, потому что, когда мы начали бить по забору, одного парнягу с нашей группы, Мона, «затрехсотило» в ногу. Когда разрывная пуля летит от 14.5 – она цепляется за ветку и разрывается. Ему, короче, в ногу попал.

С нашей группы тогда «затрехсотило» только Мона. Остальные, как бы, остались нетронутые. А, нет, ещё Влада «затрехсотило». Но тоже так, не сильно. Если исходить из того, какие потери были – из 57 человек, я не берусь точно утверждать, но по слухам, было у нас 17 двухсотых. Из оставшихся 40 человек, 31 – «трехсотый». И 9 человек, включая меня, – не получили вообще ранений. Ни одного. И подавляющее большинство – из моей группы.

Мне запомнились парни, которые самоотверженно шли в бой, при этом их многократно превосходили в силах. Был один парень, звали его Механик – он чересчур бесстрашно штурмовал так, что погиб там просто. Он шел не пригибаясь, по нему стреляли – ему кричали, чтобы он пригнулся, но он шел дальше. И там большинство этих людей были такими. К примеру, бывшие ГРУшники – они все, как один, герои по сути.

Тонкости штурма с тяжелым вооружением

Мы шли на максимальном ходу, при этом у нас веса у каждого было килограмм по 30 – по 40. Я считаю, одного этого было достаточно для того, чтобы называться героями. Идти на штурм с огромным количеством БК. У нас не было задачи за один раз взять аэропорт – мы должны были зайти, закрепиться и удерживать. Но мы так удачно все сделали, что по сути взяли аэропорт сходу. Такого вообще не бывало доселе. Никогда, ни одно в мире подразделение, наверное, даже во Вторую мировую войну, такими успехами похвастаться не могло.

Наша группа, 9 человек, шла чуть медленнее, из-за этого мы чуть-чуть оттянулись – поэтому у нас и потерь почти не было, только один в группе погиб. Задача нашей группы была – взять само здание аэропорта и удерживать его. А вот остальным нужно было пройти весь аэропорт, всю территорию. Поэтому у нас по времени запас небольшой был. Я тогда был еще новичком, для меня все было в новинку, и как-то ты понимаешь, что можешь погибнуть.

Я был гранатометчиком, у меня с собой было 2 огромных «термо-

бара», каждый весил по 5 кг, плюс «карандаши» осколочные – больше 10 штук. Вес просто катастрофический, а идти надо было с огромной, просто с безумной скоростью, причем через поле подсолнухов. А эти подсолнухи за тебя цепляются, каждый миллиметр одежды они цепляют. Мало того, что на тебе под 40 кг веса – тебе надо бежать с огромной скоростью, плюс еще и через подсолнухи, которые тебя еще и тормозят. Усилие было просто катастрофическое.

Когда мы дошли до здания аэропорта, у всех тяжелых – двоих пулеметчиков и у меня, как гранатометчика – просто уже не было сил. Мы истощились на все 100%. Когда дошли до здания, решили сделать небольшую остановку на две минуты. И тут по нам отработал наш же БТР – заехал с дороги, развернул башню. Повезло что он косоглазый был, и я увидел фонтанчики, которые летят в мою сторону.

Я тогда задал командиру логичный вопрос:

— Это наш БТР вообще, или мне его того, в расход?

— Он наш.

— А какого хрена он тогда по мне стреляет?

Обстрел с диспетчерской

Только спешили с дороги, в овраг нырнули – тут же очередь по нам пустили. Там вышка стояла диспетчерская, на ней кто-то сидел. Нам повезло сильно, мы только прыгнули, только нырнули – легли, начинаем осматриваться, и тут же по кустам ударили. Такое ощущение, как будто ветер пролетел над ухом, и мне почему-то показалось, что ветка как-то качнулась и по уху мне стеганула.

Было полное ощущение, что прутком по уху щелкнули. Я проверил – крови нет. Мой напарник рядом лежит и говорит, что по нам из ПК сработали. Мы так расползлись, улеглись, тут же крикнули ребятам. А потом не помню, либо из ЗУшки, либо даже с танка туда ломанули, заглушили, подавили точку. Потом уже, после боя, я в панамке дырку от пули нашел. Настолько аккуратно прошла, что ни следа, ни крови – как будто просто щелбан по уху. Но в панамке дырка была.

Мы все давай проверять – у кого в панамке дырка, у кого по штанам. Кто-то говорит Андрюхе: – «Андрюх, дай воды попить, у тебя во фляжке же есть». Тот передает флягу, боец пытается открыть – не открывается.

— Не пойму, то ли руки ослабли, то ли нервы, – говорит.

— Не открывается. Может где-то прикипела?

— Да не, не должна, вчера только пил, было нормально.

Сам взял – и правда, не открывается. Один, второй, третий попробовали – а потом давай разглядывать ее. Как выяснилось, там встрял мелкий, тонкий осколок в сантиметр длиной: вошел прямо в крышку, пробил ее и горлышко, и заклинил. Осколок конечно выковыряли.

А вот Боряна магазины спасли. У него на левом бедре магазины

висели – и ему туда осколки тоже прилетели. Или пуля, или осколки, не помню точно, врать не буду, но ногу магазины защитили. Он, кстати, на этом месте до сих пор таскает те самые дырявые подсумки с магазинами. Говорит: «Пусть будет. На всякий случай».

Про судьбу и страх

Был у нас Вадим Маршал, он сам с Белоруссии – ему в Хрящеватом пуля прошла вдоль головы, чиркнула. Получилось так, что рубашка пули осталась под кожей, а сердечник проскочил. Вот он перемотанный, буквально через 2 дня пошел в аэропорт (а у него такое, в принципе серьезное ранение, он мог не идти), и на аэропорту он погиб. Вел свою группу – и погиб там. Многим ребятам такие предупреждения даются в виде небольших ранений, в виде каких-то таких знаков, но ребята все равно ломятся дальше...

Страх у каждого должен быть, это нормально – главное, не должно быть паники. Ты понимаешь, что в каждый выход может и в тебя прилететь. Каждому же кажется, что все пули в него летят, есть такое. Но ты не зацкливаешься на этом – просто шерсть на загривке дыбом все время стоит. Все эти перебежки между разрывами, поиск полезных укрытий, вот эти все дела. Страшно всегда, я не буду говорить, что нет страха. Но ты просто не доводишь себя до панического состояния, иначе все, труба.

Был такой пример, когда мы уже зашли в аэропорт, уже вроде более-менее его заняли, полдела сделали. Пошел сильный обстрел со стороны укропов – и получается, что они все в бункер засели, а мы их оттуда никак не могли выкурить. И так, наверно, они нас хорошо, плотно минут 40 обрабатывали.

Мы залезли, я помню, на огневую позицию, самую глубокую - для стрельбы стоя. Там, значит ступеньки, несколько площадок, перекрыто было обычным деревянным поддоном. Сверху были мешки с песком, но они просели, и туда уже вниз не пойдешь. Но все равно, считай, сверху психологически целый метр защиты присутствует. На второй ступенька – Леха, он лег на вторую ступеньку, и его тоже закрывает полностью. А третья ступенька сантиметров на 30 от земли, там лег еще один Леха – буквально вжимается в землю. Ну все, там уже не дернешься, вокруг все полыхает. Леха на третьей ступеньке лежит, крестится, молитвы читает, второй Леха лежит молча, а я что-то сел и прождал 15-20 минут

Все вокруг рвется, взрывается. Ну, думаю, сколько уже можно бояться? Сел – и что-то стал о дочке думать, вспоминать где, чего, чтобы отвлечься. Ну и задремал. Вот четко помню: задремал, и тут – бац! - разрыв где-то близко, и я проснулся. Думаю: «Ну нормально, покемарил».

«Вы Грозный брали, вперед!»

Помню, немножечко опешил народ от шквала встречного огня - на что командир нас подбодрил: «Чего лежим? Вы Грозный брали, вперед!». И мы полезли через минное поле в аэропорт – считай, прошли его насквозь. Только потом выяснилось, что видеокамера нас снимала, украинцы не были готовы к штурму - расслабились. Вторая половина дня. Обычно ждут атаки на рассвете, утром, все как по науке. А мы пришли после обеда, когда люди уже развесили портянки и решили, что войны на сегодня уже не будет. Этот эффект неожиданности по большому счету спас жизни многим: минные поля на нашем направлении достаточно серьезные были, и если бы их подняли – то ваш покорный слуга с вами здесь не разговаривал. Там стояли 90-е МОНки с интервалом 15, максимум 20 метров, полная грядка.



Мы снимали противотанковые орудия, ПТУРы, и прошли аэропорт насквозь. Друг мой вернулся оказать помощь «трёхсотому», вытащить к группе эвакуации, но после выноса раненого так он уже и не добрался до нашей боевой машины. Еще одного нашего парня срезали на входе, и в ЗУшке остались мы вдвоем. Когда мы уже уперлись в самый конец аэропорта, по нашей линии шел еще и танк – ЗУшке было уже не проехать, место для маневра уже отсутствует. Артиллерия работала очень плотно, потому что видеокамеры за нами наблюдали. Мы уходим на 20-30 метров - и на то место, где мы только что стояли, идет артиллерийский приход. Мы только выдвигаемся еще на 20-30 метров – опять приход. Буквально по пяткам нам накладывали. Но таким макаром они сами помогли нам морально понять, что назад мы уже не пойдём.

В общем, дошли мы до забора, перемахнули через него и пошли брать центральный терминал. Оказалось, что нас две группы - наша с правой стороны, другая прямо в терминал зашла с левой стороны. Там, перед центральным терминалом, была парковка, ещё несколько укрытий – там БТРы стояли, трактора. В общем, мы за ними укрылись, начали снимать потихонечку верхних стрелков, кто сидел на крыше центрального терминала и на боковых зданиях. Ну и так, потихоньку, продвигались.

Когда мы проходили центральный терминал, зашли в ангар переждать. Как раз в этот момент укропы начали долбить откуда-то с гаубиц, прилетало достаточно сильно и часто. То, что после этого оставалось – там 5-метровые воронки, 15 метров в диаметре. Когда мы переждали и вышли из ангара – вся площадь перед аэропортом превратилась в марсианскую поверхность. Даже эта асфальтовая парковка.

Как рядового бойца приняли за главного

Заходит к нам Девятый в ангар. А у нас боец в группе был боец, позывной Голиаф – он длинный, высокий, как каланча. Подходит он к Голиафу, снимает с себя панаму, снимает с Голиафа каску, одевает на него панаму... Голиаф такой стоит, смотрит на него, а он говорит: «По радиоперехвату укропы сказали, что самый длинный – это самый главный. Поэтому будешь ходить рядом со мной».

Потом дальше у нас погиб первый парняга из нашей группы. Дальше центрального терминала группа зданий стояла, и наши парни хотели в укрытие заехать на ЗУшке. Он просто вышел на улицу... не знаю, зачем он вышел, и в этот момент его кассетным боеприпасом накрыло. Укропы кассетными стреляли. Его посекло полностью: грудь, ключицу, всё. Это вот первый «двухсотый» с нашей группы, Камыш. Он вместе с Карелом и Лешим на ЗУшке подобрался. Карел тоже получил тогда ранение – огнестрел в руку, шальная прилетела откуда-то. Ну, он быстренько перевязался сам на месте и продолжил огонь. До самого последнего он не эвакуировался никуда.

Мы пошли чистить бункера. Почистили бункера, те, которые по дороге, Карел сидел на ЗУшке. Нас очень сильно беспокоил один пулемётчик – там, возле одного из центральных зданий труба была из красного кирпича, типа которые в котельных стоят. И вот из-за вот этой трубы нас пулемётчик постоянно поливал. Мы не могли вперёд продвинуться минут 7, наверное. Вызвали Карела, он подъехал с правой стороны, чтобы тот у него в обзоре был. Пулемётчик привстал – хотел, видимо, поменять позицию, когда увидел, что ЗУшка выезжает – и тут Карел просто разрезал его ЗУшкой пополам. Две

части упали по бокам. Мы дальше, короче, продвинулись.

Дошли до ГСМ – склад горюче-смазочных материалов, где заправка самолетов. Там всё подзачистили, кого-то в плен взяли, там сгруппировали в одном здании – и тут мы получаем сообщения о том, что в этот момент укропы вызвали огонь на себя. Поняли, видимо, что бесполезно уже прятаться и возиться. Они уже поняли, что проиграли.

«Точка-У»

Сказали, что прилетит «Точка-У» или «Точка-Н» - что-то такое, прямо с Киева атакуют. Никто из нас до той поры не видел, что это и с чем это связано – но якобы знающие товарищи сказали, что тут воронка будет метров 500. Мёртвая зона поражения – 500, и никто больше не выживет. Поэтому прячьтесь по подвалам пока можете, по каким-то бункерам. Мы, в общем, спрятались по подвалам, по бункерам, и где-то часа полтора там пережидали. Потом нам сообщили, что укропы передумали и не стали бомбить. То ли ООНовцы вмешались, то ли что – типа слишком резонансное дело, слишком много людей. Запретили им из крупного боеприпаса стрелять. После этого, в принципе, основной бой тогда закончился.

Наши танкисты там рядом достаточно героически катались. Они прямо врывались в ряды противника, кружили вокруг аэропорта туда-сюда. Танк останавливается, командир вылез из люка, мехводу что-то там кричит. Видимо не работала связь. Кричит во все горло, рукой куда-то показал. Запрыгивают оба в люки, закупориваются – и с места на полном ходу, прямо встает на дыбы и сматываются. И тут же в это место, где они стояли, 40 «Градов» прилетает, полный пакет. Они останавливаются чуть дальше, опять вылезают, опять что-то обсудили. Только отъезжают - опять 40 «Градов» туда. Их это не останавливало, они грамотно работали, и в частности с их помощью мы достигли такого потрясающего результата.

Один против двенадцати

Из моей группы – все, кто был – никто за спинами не прятался. Своих раненных вытаскивали всех. Ник, в последующем мой командир отряда, отправил нас с Султаном и Злым – ко второй группе, остановить Зомби. Зомби – командир отряда! – в одиночку побежал преследовать укропов, человек 12. Укры побежали в сторону забора... ну, пытались сдригнуться с территории, откуда их обстреливают. Он один за ними побежал.

И, как бы, мы бежали за ним метров 200, чтобы просто остановить.

Причём он бежал за украми, они начали через забор перелезать, он их товарит, они его обстреливают с той стороны. Зомби, вообще не прячась, с открытой грудью идёт и валит – одного, второго, третьего. Мы уже поняли, что сейчас его завалят – потому что слишком плотный огонь начался. В общем, мы подоспели ему на подмогу и выручили его.

Из запоминающихся пацанов Электроник был, Саркози... погиб в то время. У Электроника, помню, как раз за несколько дней до этого жена родила в Ростове. Он бывший легионер. Погиб парняга тоже – снайпером был.

Я считаю наш самый основной поступок – это то, что с аэропорта Луганска до нашего штурма круглосуточно работало 17 «Градов» и 12 гаубиц, которые обстреливали город круглосуточно. Мы лишили их этой возможности. Соответственно 70 тысяч жителей, которые остались на то время в Луганске, вздохнули свободно.

Как обращались с пленными ВСУшниками

С пленными всегда обращение нормальное было, никогда их не обижали. Посадили их кружком, кто-то там стоит им лекции читает, что они не правы, что им надо одуматься. Сидят такие ребятки – чумазые, молодые. Кто-то так сидит, голову опустил, кто-то волком смотрит, не скрывая своей ненависти. Открыто. Мы им даже сигарет дали.

Был на моей памяти только один случай рукоприкладства – и тот, считай, в состоянии аффекта. У одного нашего парня близкий товарищ погиб на штурме аэропорта. И он с горя, на нервах, на эмоциях схватил автомат - и прикладом ударил пленного ВСУшника. Мы его остановили, оттащили. А так – никогда их не трогали. И они об этом знали, спокойно вели себя.

Потом не помню, мы их обменяли вроде. А потом, уже дома, сидел, листал ролики в Интернете - и наткнулся на украинский документальный фильм про Луганский аэропорт. Типа, их взгляд на эти все события – какая там бригада была, какие там войска, как Ил-76-й сбили, туда-сюда. И один из очевидцев – парень из той самой пачки пленных. У меня еще их фотки есть, я его помню очень хорошо.

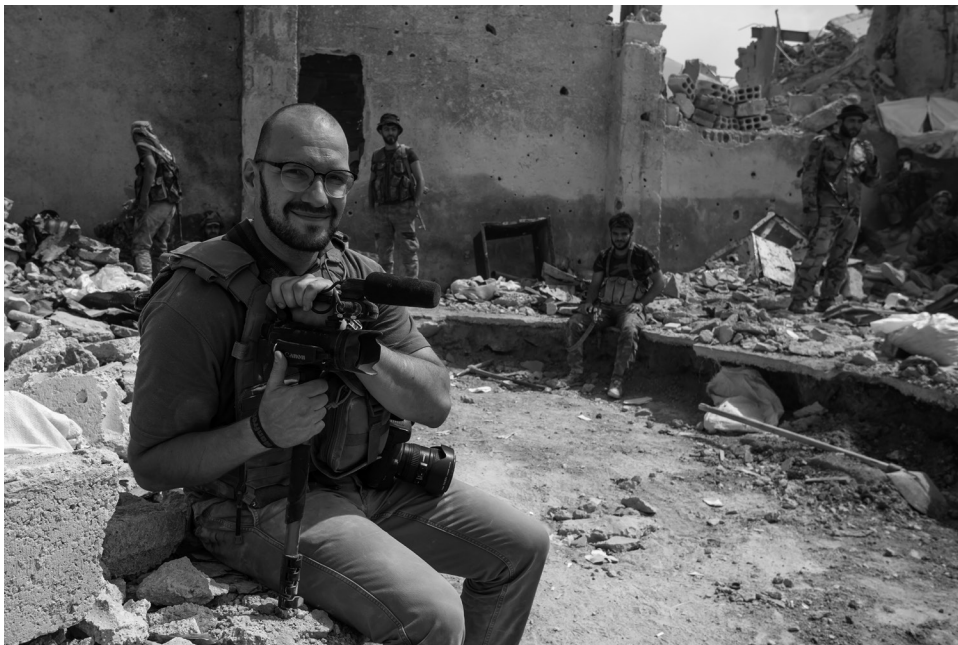
И вот он сидит и рассказывает. Ему вопрос задают, как он в плен попал:

— Ну как, мы сидели, обороняли здание аэропорта. Отстреливались-отстреливались, патронов уже не осталось. И тут русские подкатывают танк, направляют пушку и говорят: - Сдавайтесь или тут сейчас всех сравняем. Ну и что было делать?

И вот он такой сидит, а я думаю – вот зараза какая. Мы пленным

ничего не делали – не казнили, не расстреливали, как украинцы пытаются представить. Взяли в плен, потом отдали, обменяли – и все.

После аэропорта то, что наиболее запомнилось – мы въезжали в Луганск колонной, и наш встречали местные жители. Мне это напомнило хроники Второй Мировой, когда встречали победителей. Ну, с цветами там, туда-сюда. Нас реально встречали всем городом.



ВОДА ИЗ ЕВФРАТА

Евфрат... Никогда не думал, что я когда-нибудь в жизни в Евфрате помою ноги. Некоторые люди всю жизнь мечтают, потому что река древняя, библейская. Вообще, в Дейр эз-Зоре противник был на опыте. Он нас не боялся. В других местах духи сидели на позиции по два-три человека, а мы целым взводом, отделением шли. А вот на Евфрате противник зубастый попался – огрызнулся.

Мы пересекли Евфрат, это было под утро, на резиновых лодках. Сразу вспоминалась Великая Отечественная война, когда наши деды на плотках пересекали водные рубежи, а их обстреливали немцы. У нас в принципе примерно все происходило так же. Мы перли на резиновых лодках с китайскими моторами, которые пытались заглохнуть. Течение очень большое было у Евфрата, видимо в то время был спад воды. А вокруг разрывы – конечно, все было феерично, но мне кажется, такое даже в кино снять будет сложно.

У берега, сразу за Евфратом нас начал танк кошмарить. Идет все ближе-ближе к нам — разрывы подходят. А рядом горка – мы думали, что где-то сидит наблюдатель, корректирует огонь. Решили под горку подлезть — 5 человек, я шел замыкающим. Подходя к горке, я только услышал выход, свист – такое впечатление, что бейсболь-

ной битой по башке стукнули. Разрыв прямо передо мной. Я глаза открываю, все сыплется, все черное... не понимаешь, убили тебя или нет, живой ты или нет. Все, как в замедлении было. Я кричу: «Мужики, живые есть?» — а на той стороне наши ржут. Мало того, что никого не оглушило – никого даже осколком не задело. На нас слой пыли, грязи – а мы только в Евфрате искупались, только постирались, все у нас чистое было. После этого случая наш командир нам сказал такую фразу: «Нет, ребята, вам еще походу в рай идти рано».

На Евфрате на позиции ночью мы остановились. Ну, как обычно, спим мы так – где надо, там и спим. На условия мы сильно и не обращали внимание: да, покусанные, двоих пацанов ночью змеи укусили. Одного укусила, он ее схватил, выкинул и она упала на другого. Но там ничего страшного. И когда мы выдвигались, там огромный ров – и в нем был сныкан баллономет. Я просто офигел – как в фильме про барона Мюнхгаузена, как он поднимается на пушку, вот такой же огромный ствол. И как они ее снаряжали, не понятно – может, спустили дуло вниз? Я был в шоке с этой пушки.

Во время одного нападения духи спалили один КамАЗ «такелажников», в результате чего мы остались без воды на некоторое время. Воды мало, воды не хватает – что делать? Дошло до того, что пили воду из речки: брали чайники, возили воду, кипятили, сидели. Никто не ныл – все прекрасно понимали, какая ситуация, что нужно терпеть. С юмором, со смехом перенесли. Чай с Евфрата, нормально. Зато будет что вспомнить – кто-то ездил в Египет отдыхать, а мы пили воду из Евфрата. Не каждый это может потом дома повторить.

Штурм Мазлума

Дейр – вот там было реально тяжело. Когда пришла пора – направил нас в Дейр эз-Зор. Приехали к речке, к Евфрату. К тому моменту части «шестерки» и «пятерки» зашли в Маррат. Мы прошли через речку, сели тоже в Маррате - просидели там 3 дня, бои были максимум за насыпью.

Первое боевое задание, которое мы получили – это штурм Мазлума. Я присутствовал тогда на совещании с Ником, с Ратибором – изучили все карты, все позиции, как что, где кто идет. Ратибор там впоследствии вёл себя героически - вёл бой на самом передке со своими пацанами. В бронезилете, в каске - шёл от меня с левого фланга. В целом, диспозиция была такая – мы сгруппировали все взвода по линии соприкосновения: сначала стоял я по левому флангу, потом Лотос стоял, потом Леший. Про остальных не вспомню, где находились – по-моему, на тот момент кто-то сзади был там с Ником. Ну и миномёты стояли сзади с Ником.

В общем, назначили время атаки со всеми командирами взводов согласовали всё это. Пошли в атаку. Это был реально момент истины. На въезде подбили у нас ЗУшку – сгорела она там с боекомплектом, на подъезде к Мазлуму, три или четыре человека — тяжело раненные. Мы сели в противотанковый ров - потухшие, погашенные. Мне пришлось по всему взводу, по всем позициям пробежать и привести всех в чувство

Та атака мне напоминала начало штурма аэропорта в Луганске — потому что мы шли по колючкам, по траве где-то метров 250 до самого Мазлума от противотанкового рва. У меня в разгар штурма – трое «трёхсотых», у Лотоса и Лешего побольше, потому что они вообще шли по открытому полю. У меня хоть кусты какие-то были.

Потом долго шла зачистка Мазлума. Отделения Руса и Ветра очень слаженно работали, мы больше по центру шли – там уже брошенные точки были. А вот Рус с Туристом прошли через самое горнило – через правую окраину, им очень тяжело там пришлось. Там мечеть была, и возле нее три духа засели и долго отстреливались. Минут 20 огнем поливали, пока их с ЗУшки не успокоили - подъехали сзади, начали долбить по этой мечети, пока не затихло.

Могу сказать, что Мазлум — одно из самых сложных наступлений в моей жизни было. Хотя оно было быстрое... ну, как быстрое – часа два с половиной. Духи тоже очень, скажем так, мужественно оборонялись – плотно засели. Кто-то из них там точно под наркотой был. В самом конце мы отдавили их в Хшам

Начали мы занимать оборону в Мазлуме. Духи очень много боекомплекта оставили, очень много трофейных стволов. Мы там всё обыскали, позиции осмотрели – потому что к тому моменту знали, что духи свои позиции перед отходом всегда минируют. Чтобы избежать потерь, я своим запрещал лазить по домам, чтобы не дай бог на мины не напороться.

Был такой момент. Встали мы по фронту, соприкасаясь с «единичкой» – с Траком, он тогда был командиром взвода. Четвёртое отделение у меня самостоятельно заняло с правого фланга домик. Я пришёл туда – и, не знаю, может чуйка сработала, или еще что - но говорю им: «Что-то мне не нравится этот ваш домик. Давайте переезжайте в другой». Они собрали свои манатки, только переехали - а Лотос в этот дом направил одно из своих отделений. И тут со стороны Хшама духи начали долбить из арты, и снаряд влетает в этот домик. В итоге у Лотоса - 2 «двухсотых» и 1 «трёхсотый». Именно в тот дом, из которого я своих убрал.

Лотос встал с правого фланга на Мазлуме, я встал по фронту, Леший в охранении - расселся в миномётке. Дядя Толя в центре встал, к нему потом подтянулась «пятерка».

Ночное побоище

Духи пошли в контрнаступление в первый же день, когда мы заняли Мазлум. Главари ИГИЛ стянули туда отряды, состоявшие из совершенно безбашенных боевиков. Духи были очень хорошо вооружены – большинство из них с «теплыми» и «ночниками», потому что они явно нас отслеживали и не давали вообще голову поднять из-за бруствера. Я это на себе проверил. Когда пацанов обстреливали, я пошёл с левой стороны от дома – там стенка и был выбитый кирпич. Пошёл туда отлить, выглянул из-за этих кирпичей – и сразу же спрятался. И в этот момент в эту дырку сразу же прилетело. Это может означать только одно – снайпера духовские следили за нами через «теплек». С «ночника» так метко не отследишь.

Держались мы где-то часа два с половиной – за это время духи предпринимали три наката на наши позиции. Держались мы хорошо, потерь было немного - только Бедуина ранило. Орал так, что я сжалился над ним - побежали мы с Ветром вдвоём, вытаскивать его. Долбило по нам, как с отбойного молотка. В нас не попало, но вот Бедуину второе ранение прилетело - в пятку. Отправили его в тыл на эвакуацию.

Продолжили обороняться. К Тору в этот момент вплотную подходили духи. Я два раза своими глазами наблюдал как это происходило: пулемётчики духов долбили из положения лёжа, снайпера, которые гасили точки - из положения лёжа, кто вставал – пытался отстреливаться. Гранатомётчики полностью вставали во весь рост, стреляли с гранатомётов. И так они ступенями шли к нам: пулемётчик со снайперами прикрывает - духи вперёд продвинулись – залегли – из РПГ долбанули. А пока мы очухиваемся, они ещё раз вперёд продвинулись.

До Тора они метров 30 не дошли. К тому моменту у Тора три человека были трёхсотые - слава богу, живы-здоровы, недавно виделись.

Короче, эвакуировали Бедуина, эвакуировали Кондора, ещё кого-то с третьего отделения. У первого отделения, у Руса, была самая жопа. Они находились на углу, с правого фланга. Там здание стояло, что-то типа школы – и вот в эту сторону самое жёсткое наступление было. Там натиск был раза в два сильнее, чем у нас. Несмотря на то, что они находились за большими стенами – здание было большое, трехэтажное.

Сначала ранило Сеню, АГСника. Потом он умер в Москве от заражения крови. Так произошло. Пока его несли, у него вывалились кишки - до Москвы его довели, но не спасли. Он хороший АГСник был. В общем, его начали относить – и в этот момент, когда его начали относить, произошёл очень сильный натиск на первое отде-

ление. Это был первый раз в жизни, когда я реально задрожал со страху: думал, что уже все, хана. Хоть я своим и приказал никуда не отступать, у Руса там начался такой замес, что я ему сказал: «Давай по возможности оттягивайся назад на запасную позицию».

Пока отступали, потеряли ещё двоих пацанов - Малахита и Дарву. При отступлении духи подошли уже вплотную, и с той же самой школы, с которой отступили Рус с пацанами, по открытке обстреливали их, пока они отходили до запасной позиции. Я приказал Тору достать всё тяжёлое, всё что есть из РПГ, и приказал Голиафу размотать эту школу в хлам.

Ещё пять минут мы продержались после отступления пацанов – и после этого духи начали отходить. Я первый раз за ночь вздохнул полной грудью - хоть какая-то передышка. Всё это длилось два с половиной часа, наплыв за наплывом, наплыв за наплывом. Пацаны уже задолбались заряжать магазины. Я в основном на рации сидел с биноклем – мимо меня проходит парень: «Я пустой». Давай заряжаться. Заряжается. Через 10 минут снова приходит: «Я пустой». И так несколько раз.

С БК уже проблемы начались – всё, что с собой брали, уже почти всё зарядили. Магазины на последнем дыхании; если бы духи приняли ещё одну атаку, я не знаю, удержались ли мы бы ещё на этом рубеже, или нет. И вообще, остались ли бы мы в живых, или нет. Трак с «единичкой» там тоже из последних сил держался.

В определённый момент я просто подумал: надо верить в судьбу. Линия жизни у меня длинная, если я выживу, то и пацаны, у кого я тоже руки смотрел – выживут. Поэтому стоим до конца и никуда дальше не отходим. И в течение этих минут, когда я это всё думал – отходить, не отходить – духи откатились назад и остановили стрельбу.

Хлопковое поле

Вот один момент был вообще просто из области фантастики. Мы вышли на хлопковое поле, вытянулись в этом поле, чтобы пройти дальше – ну растянулись, как полагается, и получилось так, что нас взяли в кольцо. Начали по нам со всех сторон долбить. А там расстояние – метров 150, я вообще не знаю, как они по нам так стреляли. Мы просто упали в это поле – а оно же заливное, как рисовые поля у китайцев. Все в грязи, все рации залипли, только перекрикивались меж собой.

Кто-то из наших впереди оказался, кричит: «Давайте до здания!». Там домики стояли рядом с полем, и до них, адекватно если рассуждать, не пробиться - там духи. В итоге пришли к общему мнению, что нужно выходить назад,

Вокруг поля здания идут полукругом, и вот с этих зданий по нам просто открыли огонь – буквально из каждого здания. Там не видно – хлопок растёт, кукуруза, и вот за кукурузой дома. Где они – их не видно. В итоге мы, как черви, ни с чем больше не сравнишь, ковырялись в этом поле. Потом решили перебежками – один встает, перебежал, на него огонь перевели, потом другой встал – перебежал, и вот так мы вышли. И кто выходил, по очереди, начинал брать домики и оттуда уже прикрывал своих.

Мы выгребали где-то полтора часа с этого поля, хотя казалось бы – расстояние небольшое. Все были мокрые, причем не от того что в грязи купались, а оттого, что насквозь потные от таких передвижений. Упал – поднялся, упал - поднялся, у тебя еще баул нагруженный с собой. Все от грязи и от пота мокрые были

На следующий день нам очередную задачу дали – подойти к школе и занять ее. Выдвинулись. На подходе к школе на воротах висит замок. Заперто. Смотрим точку по GPS – куда выдвигаться, куда идти. И представь себе картину: человек такой смотрит, куда выдвигаться голову поднимает – хоба! - а там на крыше два ИГИЛовца сидят, не успели спрятаться.

— На крыше духи!

Все в один момент туда внимание обратили, начали по ним долбить. Тех двоих сразу снесли. Начали рассыпаться – получилось так, что первое отделение ушло в левую сторону, в дом, а второе отделение заняло дом прямо по фронту этой школы. Нас на тот момент зацепили – духов там было много, и снайпер бил очень близко где-то: одному прямо четко шейную артерию перебили. Тополю покойному попали каким-то образом в ВОГ, у него сзади висел ВОГ-25. От пули ВОГ разорвало, и он лежал в канаве долго, кричал. К нему выбежал человек, Пикап на помощь, его еще один наш прикрывал, Кавказ. Пикап выбежал чтобы вытащить Тополя, и ему снайпер попал четко в сердце, то есть тоже 200. И пока Кавказ прикрывал, ему выстрелом снесли челюсть, тоже 200.

Следующий момент – надо было вытаскивать «двухсотых», Пикапа и Кавказа. Вызвали БТР, но дальше определённого рубежа она проехать не могла – что-то с задним ходом барахлило. Тогда экипаж танка сильно отличился:

— Давайте сейчас запустим танк, - говорят нам, - он выезжает, делает несколько выстрелов и в этот момент вы грузите парней и начинаете бежать за танком. Все равно безопасней будет.

Мы взяли занавеску с раненым, два трупа, и выдвинулись туда налегке. Пару магазинов только взяли, потому что тяжело было. И за танком все-таки вытащили тогда парней, без потерь.

И вот мы стоим в обороне. От нас метрах в 150 стояла школа – в ней

куча духов. Всё простреливается, ни высунуться, ни пройти – ничего. Максимум, мы могли выскочить быстро, с «Мухи» лупануть по школе — и быстро обратно, потому что больше никак не сделаешь. Там даже руку не выставишь - сразу стреляют.

Мы так ночь простояли. Нам сказали, что скоро подойдет подмога – «четверка» вроде как должна была подойти. Пока помощь подходила, мы с одним бойцом попытались прорваться к нашим, к первому отделению. Нужно было проулок перебежать – он простреливается весь. Попытались туда прорваться. Сначала с первой попытки не получилось, ворота оказались закрыты, а вот со второй попытки мы скакнули по очереди и кое-как выскочили. Там получается дом с правой стороны, а выскакиваешь – вокруг сплошные огороды и какое-то поле, и прямо оттуда начинают стрелять сразу. Вот мы еще где-то на час с парнем попали в эту ловушку. Тут наши стреляют, там духи, кричишь – не докричишься. В итоге потом мы, через час уже просто плюнули и быстро метнулись назад.

На следующий день, точнее утро, к нам подошла «четверка». Их никто не предупредил, что проулок весь простреливается – и они, не зная броду, выходят прямо в этот проулок.

— Блин, уходите отсюда, разбегайтесь! – мы им орём.

— А что тут такое? – они не вдурили. Только потом, когда начали стрелять сквозь проулок, они уже поняли и рассосались по домам.

Нас отправили дальше, на точку, как раз напротив кукурузного поля. Не знаю, может кто-то плохо зачищал дома, потому что ты вроде идешь спокойно, зная, что дома должны быть зачищены уже - а оттуда нет-нет, да кто-нибудь постреливают. Мы зашли в один дом - там было пять мужиков и четыре женщины. Детей не было вообще. То есть странно – мужики матерые, в халатах, все такие суровые. Потом идешь, эти же поля переходишь – а там какой-нибудь хмырь засядет в поле, у него там есть нычка. И сидит себе, постреливает.

В итоге, мы на этом месте должны были встать, конкретно ждать. Потому что у нас штаб чуть дальше был. Мы поле прошли, осматриваемся, и тут в нас начали палить с крупняка – 12,7. По крыше начали садить. Вроде все спокойно было, я как раз уже разобрался, кто где стоит, расставил посты. Поднимаюсь вверх, все вроде бы спокойно – и тут пацаненок подбегает, меня позывает:

— Слушай-слушай, я там кого-то увидел.

Только ко мне подбегает, и тут блочный парашют на крыше разлетается в клочья. И бак металлический с водой тоже прошло насквозь. Парень стоит, офигевает – а, видимо, рубашка пули 12,7 разлетелась и его осколками посекала. Стоит весь в кровищи – цепануло голову, бочину и ногу – и от шока отойти не может. Прилетело ему нормально. Я ему скомандовал вниз уйти, он на брюхо упал и вниз, к пацанам, пополз.

Остался со мной на крыше еще один паренек. Он немножко зашевелился, начал ныкаться за парашютом. Там на крыше в одном месте идет блок, где-то 1,5 метра выстроена стена, там можно укрыться. А в другом месте толщина блока была сантиметров 40, наверно, его как раз и разворотило. Парень тоже на пузо брякнулся, разгрузку пытается на себя надеть и по лестнице спуститься. Видимо, он хотел промежуток между блоком и лестницей пробежать, а этот кусок как раз простреливается. И вот он вскакивает, и его снайпер с другой стороны долбит - прямо в спину по касательной прилетает. Ему спину раскрывает, он орёт. Я думаю – все, как минимум «двухсотый», судя по крикам там вообще, все, агония и последнее издыхание. Ан нет, обошлось - просто он перепугался, упал, его пацаны вытащили.

Мне надо было тоже с этой крыши как-то уходить. В итоге я разгрузку накинул, посмотрел в тыл – вроде тишина. Лестничный пролет находится высоко, я не стал рисковать вперед туда выходить – просто сиганул туда в прыжке. Приземлился неудачно, повредил себе колено, хрящ сломал. Потом мне сказали, что бегать я не могу, а значит должен остаться при штабе.

— Давайте я хотя бы буду на НП ходить?

— Не переживай, все будет пучком.

Потом меня можно сказать силком отправили, потому что там и контуженных отправляли домой. Отправили меня в госпиталь. Потом я полгода, после операции на колене в себя приходил, на костылях прыгал.

Мы потом долго отсыпались. Кто на фишке стоял, кто отсыпался до самого обеда. Заново заряжали БК, перегруппировывались, подсчитывали потери, зализывали раны. Плюс мне ещё пришла хреновая новость – с левого фланга от Мазлума погиб мой друг с «четвёрки» Султан. Мы с ним с 2003-го года были вместе, как и со Злым. Вместе ещё по контракту служили. Вместе начинали, вместе заходили на Украину.

Там как получилось. Они сунулись одним отделением в сторону посёлка Неизвестного, как мы его называли. Застряли перед карьером каким-то, на здании. Духи их в этом закутке окружили и начали отстреливать методично. Так вот Султан с еще одним парнем вдвоём остались прикрывать отход остальных, и, короче, там оба погибли. У меня старшиной во взводе ходил его брат младший, Гриня. Естественно, весь на нервах, в истерике. Что, мол, он будет родителям говорить?

В этот момент я решил хотя бы тело Султана забрать. Хотя это территория духов была, она простреливалась насквозь. В общем, договорился с пацанами, чтобы выделили нам с Гриней сопровождающих, которые покажут то место. Взял своих 5 человек, и мы пошли

туда забирать тела. Но попытка была неудачная. Мы были буквально в 50 метрах от тел, они уже были в зоне видимости – но вытащить их оттуда мы не могли. Духи знали, видимо, что туда придут за телами, и поставили туда несколько пулемётов. Слава богу, никто не «затрещотился», не «задвухсотился», еле-еле Гриню оттуда оттащил. Все это было под таким шквальным огнём, под таким натиском, что по ощущениям это был как будто еще один штурм Мазлума.

В тот раз мы не смогли забрать тела. Но уже потом, когда мы взяли посёлок Неизвестный, мы все же забрали пацанов. Правда, за телами полез наш медик - и подорвался на минах. Перед отходом духи заминировали и тела тоже.

После двух дней передышки получили приказ взять посёлок Неизвестный, который с левого фланга от Мазлума находился. Шли мы вместе с «четвёркой». Проблема была в том, что до самого посёлка тянулась открытая местность - в полтора километра длиной, наверное. Чистый песочек. Нигде не спрятаться.

На тот момент командовал отрядом Китаец, потому что Ник с Зомби уехали на рекогносцировку. И, собственно, Китаец принял решение атаковать Неизвестный на пикапах с наскока. Решение было крайне рискованным - кому повезёт, кому не повезёт, кто доберётся до передка, кто не доберётся. Но, как выяснилось потом, решение оказалось верным.

Все сформировались, как раз перед местом, где Султана «задвухсотило». Перед горкой все сгруппировались, сели на тачки - и быстро тремя партиями под тяжелейшим обстрелом прорывались вперед. Духи палили по нам в основном из тяжелого - с ДШК, с ПТУРов, с чего только не долбили. Мы доехали до края поселка тремя партиями и, вклинившись духам в оборону, пошли дальше чистить Неизвестный пешком. Дошли до середины поселка - там забазирились.

Я там, кстати, первый раз в своей жизни заболел малярией. Потому что мы стояли возле Евфрата какое-то время, и никто не знал, что это за болезнь. Все подумали, что грипп в тяжелой форме. Ни у кого таблеток не было – но была слабость такая, что руки и ноги отваливались. Но на работу силы кое-как находились. Тут как: работа есть – подорвались. Без разницы, слабые, не слабые – взял ствол в зубы и пошёл вперёд. А когда работы не было – все валялись так, что руки-ноги не могли поднять. Я на Неизвестном дошёл до своего рубежа, там забазирился - и отвалился с малярией.

В Неизвестном у меня потерь не было, слава богу. Пацаны все отработали на 5+, как по накатанному. Дальше, когда заняли рубежи, надо было оборудовать позиции – я приказал разобрать близлежащие дома на шлакоблоки. В итоге пацаны там построили чуть ли не Великую Китайскую Стену – внушительных таких размеров. Их еще

во время постройки духи пытались несколько раз прорвать, но пацаны атаки отбивали.

Две недели прошло, мы отошли тогда к Евфрату и начали готовиться. Все знали: нас ждет штурм Хшам. Сначала должны были шестью отрядами идти – но потом оставили только 2 отряда. И спустя две недели случилось самое интересное – «командирский день».

«Командирский день» (рассказ комвзвода)

Когда мы подошли к крайнему рубежу, от которого мы должны были вести наступление на Хшам, мы там встретили в большом здании, типа бывшей администрации, группу ССОшников. Парни находились в крайне подавленном и истощенном состоянии. Как мы



узнали, они там три дня подряд пытались лазить в Хшам – и три дня подряд еле-еле уползали с «двухсотыми» и «трёхсотыми». В итоге, потеряв все силы, они засели в этих административных коридорах – кто раненный, кто в неадеквате, как зомби, смотрели в одну точку. Зрелище не для слабонервных, короче.

Ник собрал нас, командиров – меня, Лешего и Лотоса. Раздал задачи, распределил нас по флангам и направлениям. И на следующий день мы попёрли в наступление – опять полтора километра в чистом поле. Тоже было очень страшно. Пёрли мы тупа днём колонной под

диким обстрелом – и единственное, что нам помогло, это то, что военные начали с «Градов» туда пакеты отправлять. Плюс отработали два раза из «Буратино» окраины Хшама, которые мы должны были взять в первую очередь. Это очень помогло – если бы не обстрел наших, мы бы не прошли по этой открытке. А вот сирийцы - во время атаки всем составом прятались под мостом. Никто из них даже до первого рубежа не дошёл. Человек 50-70, все залезли под мост и сидели там. Страшно им, видите ли.

Благодаря отработке с «Градов», мы подошли к Хшаму, зашли и взяли первый рубеж. Первыми у меня зашло второе отделение во главе с Ветром. Слева от нас шла четвёрка – четвёртый отряд: мой друг Роджер, Дэн. Дальше шёл я: у меня шло третье отделение с левого фланга, потом я по центру со вторым отделением, и с правого фланга первое отделение.

Дошли мы до большой карьера, до большой ямы. Там пролегал пустырь в полкилометра – и он, по сути, отделял окраины Хшама от самого поселка. И все мы там засели в огромном котловане. Дальше не пройти - там 200 метров ни одного укрытия. Духи открыли огонь из всего, что у них было – ранили Лешего, ранили Лотоса. Я по радиации вызвал Рэмбо – он приехал на УАЗике под обстрелом и вывез «трехсотых» в тыл.

Оценил границы, пространства впереди, думаю, что делать. И тут, пока я там пытался раздавать приказы, пытался кого-то настроить на атаку - в этот момент слышу в радиации: «Да вы задолбали уже! Отделение – вперёд!». Это было четвертое отделение, Киргиз. Он сидел под самой обстреливаемой зоной, и понял, что, если он вперёд не пройдёт, под укрытие впереди стоящих домов – то ему как-то. Поэтому он просто без моего приказа рванул вперёд, добежал до переднего здания и там залёг. В этот момент я отдал команду об общем наступлении – так как не осталось командиров взводов, получилось так, что я тремя взводами руководил: взводом Лотоса, взводом Лешего и своим. Отдал приказ о наступлении, короче, и вот до следующего рубежа мы, как бы, совместно дошли.

К тому моменту, по моей указке, Казачок подавил двух духов – пулемётчика одного, и одного гранатомётчика. Еще одного пулемётчика Гера с танка разобрал вместе с домиком с правого фланга. Мы засели на этом рубеже, сгруппировались, я расставил там силы. Кого «затрехсотили» – того эвакуировали. В общем, получили время на передышку. Только всех расставил, начал планировать наступление дальше.

В этот момент меня постигла неудача. Неудача в каком плане. Там было единственное пространство – вот в этом укрытии, которое простреливалось. Для того, чтобы туда добраться, надо было 6 метров перебежать. Я в этот момент разговаривал с Ником по радиации,

и чувствую, что меня, как мясо на шампур, насаживают. Именно почувствовал. Заставил себя не потерять сознание – потому что много раз видел такую ситуацию: когда кого-то в ноги подстреливают, потом снайпер достреливает тебя вместе с остальными, которые тебе помощь оказывают. Поэтому заставил себя не потерять сознание, начал вперёд ползти в укрытие. В этот момент меня Киргиз вместе с Моро затащили в укрытие.

— Куда ранило?

— В ноги. Насквозь одним выстрелом две ноги прошло. Жизненно важного ничего не задело – чисто по мясу прошло. Гиб сразу оказал медпомощь, там, на месте. Я помню, что тогда наорал на него: «Мой сразу хлоргексидином! Не хочу умереть от заражения крови». Поэтому, ещё даже не вколов обезбол, пока я был в глубоком шоке, он воткнул мне два пузырька в ноги.

Ещё такой момент: они хотели мне штаны разрезать, а я им ору: «Куда, сука? Снимайте штаны! Куда вы режете?!». Они сняли мне штаны, оказали помощь, перемотали меня, обратно одели. Потом меня увезли – пацаны опять вызвали Рэмбо и отправили меня уже в тыл.

Как там дальше было, в принципе, всё знаю в деталях. Змейка, мой любимый сапёр, погиб – его в голову «задвухсотило» при прорыве на следующий рубеж. Тоже отчаянный парень был, молодой, сунулся. Ну, единственное, о чём я жалел - о том, что я не успел грамотно взвод передать заму. В результате мужик оказался не готов к такому грузу ответственности, и в итоге вся дальнейшая атака в Хшам вывезла на командирах отделений - на Торе, Русе, Ветре, и на Киргизе.

Меня отправили в госпиталь, с Лотосом и с Лешим. В общем, на этом сирийская кампания для меня закончилась – в госпитале благополучно я отвалился вместе с Лотосом почти месяц. Нам оказали всю необходимую помощь, всё сделали в лучшем виде. Врачам огромный поклон. В общем, выписались мы в один день с Лотосом, и, когда пацаны с Хшама приехали домой, я уже их дома встречал. 28-го декабря я приехал на своей машине, встречал парней.

«Командирский день» (рассказ пулемётчика)

Самый серьёзный штурм – это был Хшам, точнее Малый Хшам. Там стоял мост за каньоном – на нём духи «затрехсотили» много народу. Даже мне тогда реально чуть не прилетело. Нас осталось четыре человека плюс приданный доктор - он был у нас командиром медиков во взводе, но решил пойти к нам, штурмовиком. Ему все говорили, что он с ума сошёл, что он «мозги проштурмовал». Но видимо, не выдержал – пошёл сам в штурмовое отделение.

Когда начался штурм, там потери были – но многие из тех, кто ра-

ненные был под Хшамом, потом в строй вернулись, живые остались. Но при этом всех командиров взводов третьего отряда затрехсотило. Начинаем работать, видим – впереди висят оборванные высоковольтные линии электропередачи – оборваны провода. Меня сразу это насторожило, когда увидел.

Перебежали каньон, там было 20 человек – наблюдало. Слева другие взвода были, но они тоже потери понесли, под мостом сидели – а там обстрел очень серьезный был. И мы вот этот каньон перебегаем, и меня тогда очень сильно удивили сирийские танкисты. Они обычно всегда тормозили. А тут два сирийских танкиста, они прямо зарядились. Едет танк, и тут – раз! – выстрел РПГ над ним пролетает. Танк остановился, очухался – и дальше поехал. Потом два выстрела РПГ, и оба мимо. По милости божьей, они все над башней пролетали, не знаю, как там гранатометчик не попал.

Мы просто этот танк использовали как прикрытие. За коробочкой спрятались, продвинулись и заняли рубеж. Ну и началась работа – штурм тяжелый, разбрелись. Я бегу-бегу-бегу, я не занимал оборону, просто бежал, чтобы на пулю не нарваться. Там рядом такая траншея пролегает, я помню, что в траншею нельзя – потому что это может быть заминированная замануха.

Перед этой траншеей было две ложные позиции, у нас в отряде учили такие делать. Типа, противник думает, что ты там – а на самом деле ты чуть дальше находишься, за другим бруствером. Получается я работаю, мой маневр никак не поняли, пацаны выдвинулись вперед и другое отделение пошло. Я, получается, фронт обрабатываю. Тут ко мне пацан подошел, попросил помочь – их накрывал очень сильно АГС, надо было придавить его огнём. А я не могу, у нас в отряде говорили: «Каждый держит свой сектор». А на боевых не получается так, чтобы каждый свой сектор держал.

Я смотрю – их АГС просто «трехсотит» и «трехсотит». Ребята оттаскивают своих, я не могу – мне и своих надо прикрывать, и там еще этот АГС бьет, у меня не получается его достать. Я бью, у меня выше уходит, не получается. Тут ещё с духовской стороны гранатометчик с пулеметчиком начинают работать, в паре. В основном люди все правши, и все будет вправо смещаться. Я короче беру, не отсоединяю короб, меняю крышку, основание приемника – ленту 25-ки кидаю с Б-32 (бронепробивные патроны), и начинаю поливать. Думаю про себя: «Сейчас я тебя поймаю».

Они в паре так четко работали: пулеметчик работает, потом меняется, гранатометчик стреляет. Я короче, наперед начинаю работать. Вроде затихло:

— Цель, работаю. – кричу я, чтобы знали наши, по чему я стреляю. Я ж привык, как в армии, громко оповещать о своих действиях.

— Хули ты кричишь? – отвечает мне командир.— Видишь цель – работай.

Ребята не поняли мой маневр, что я этот укреп использую по назначению своего прикрывания. А они за это прикрытие полезли. Получается, одного парня «трехсотит», второму палец отрывает. Первому осколок приходит в шею: еще бы несколько сантиметров и он бы умер, чуть нерв не задело. Его оттаскивают, кричат в рацию: «Триста, тяжелый». А он выхватывает станцию: «Я не тяжёлый, я легкий» (смеется).

Я удивился как они спокойно все воспринимают. Рядом один наш начинает с ГПшки работать. Тут один мужик, из Питера приехавший, выбегает, чтобы поднять взвод, начинает орать: «Вперееед! В атаку! Вы чо, очкуете?»

А там открытка – ну куда? Надо сначала танком, либо минометом. А с танком запор какой-то, впрочем, как и с минометом. Он там что-то не наводился. Нас просто долбят, все командиры взводов ранены. Мужик взвод поднимает, и его пулемётчик скашивает. Мужик воевал ещё в СССР, такой прикольный дядька. И тут его просто пулеметная очередь скашивает, он падает. Я думал, ему хана, а он нет, живой оказался. Ему прикинь, гранату – УЗРГМ даже пробил пулей. И в магазин пули воткнулись, и только бедро пробило. У него еще брони не было – он был в разгрузке, в «афганке». Кто знает, тот знает, что такое афганка. Короче ему пробивает бедро, и он такой к брустверу спиной подползает. К нему сразу пацаны подбегают и он:

– Вы чо штурм тормозите? Я и сам справлюсь. Давайте дальше продолжайте, – И на меня смотрит. – Малой, меняй позицию.

А я понимаю, что нельзя, просто некуда. С одной стороны – гранатометчик у меня, с другой ребята все скопились. Ну там нету укрытия никакого. Я знаю мне надо смещаться, движение – это жизнь. Я так подумал – у меня броня уставная, на 100 метров 7,62 СВД не берет, я проверял. Короче, хрен с ним, если «затрехсотит» – может, медаль дадут. Думаю – руки, ноги у меня закрыты, потому что я в траншее. Голова – ну если в голову прилетит, значит, на то воля божья. Короче, к черту, работаю – кишки не вывалятся, в сердце не попадет. Либо ключица, либо это, но я живой останусь.

Подумал такой, и дальше начал работать. Ребят эвакуируют, гранатометчик не может работать, потому что сзади люди. В итоге из 12 нас остается 4 человека и приданный доктор. Тут короче сильно «трехсотит» гранатометчика, ему между бронепластин залетает пуля, легкое пробивает. Командир его отделения забирает у него гранатомет и в ту сторону – бам! – стреляет.

Я смотрю, пацаны с медиком выдвинулись доставать «трехсотых» с другого отделения. Нам надо продолжать дальше штурм, но там

открытка, там не вариант. Парням и медику на месте пришлось раненых вытягивать в другую зону. Я вижу - по ним всплески такие, пули, начинаю работать, дозарядился. Пацаны уже раненного на плащ-палатку положили, вытащили его, передали медикам – и мы продолжили дальше. Тут танк подъехал, ударил по противнику и все, заглохли духи. Сириец ударил из танка, и мы побежали через всю открытку, как во время войны деды бегали.

Заняли траншею духов, смотрим - тут у них пулемет хороший румынский лежит. Меня медик останавливает и тянет за веревку – вдруг подминировали гранатой, на расчеховку. Ловушки не оказалось – и мы спокойно пулемет забрали, зарядились, медик мне помог пополам перерубить станковую ленту. Правда, там на пулемете кусок мозгов был и волосы - кусок черепной коробки, всё что от духа-пулеметчика осталось. Я убрал со ствольной коробки это дело - чуть-чуть побрезговал, аж передёрнуло.

Гранатометчик был явно чем-то обколотый. Но они матеро держали позицию. Командир нам говорит: «Не убивайте гранатометчика, я его на работу возьму!». Типа, хорошо работал у противника гранатометчик. Посмеялись, конечно. Но в итоге его не получилось взять на работу - ликвидировали.

Вот так у нас осталось четыре человека. Мы продолжили, там уже дальше был сильнее натиск, духи начали отходить, еще один АГС начал работать. Мы короче дальше начали штурмовать, передвинулись - тут уже тяжело стало. Начали заходить в здания, как штурмовики, потому что нас уже не осталось ни хрена. Закрепились более-менее и подумали:

— Так, надо «фишку» выдолбить.

Сделали в заборе «фишку», и решаем, кто пойдет первый. Один из наших говорит:

— Ну хорошо, пойду я.

И тут же в эту «фишку» из гранатомета - БУХ! – снаряд прилетает. Мужик так посмотрел, репу почесал:

— Да ну на хер эту «фишку»!

Надо отдать боевикам должное, они до талого отход сделали своим, все полегли, пока остальные выходили. Как Господь сказал: «Любите врагов ваших». Я к противнику не относился как к своему личному врагу, я не любил издевательств. У нас в отделении сразу такие понятия установились – в женщин не стрелять, безоружных не убивать.



ПЕРВЫЕ «МУЗЫКАНТЫ»

«Мы – не американские ЧВК, у нас идея присутствует»

— То, что говорят про нас всякую ерунду - мол, «наемники, безумные люди, за бабло воюют, без идеи, без цели», - в корне не верно. Потому что в массе своей в ЧВК идут люди, служившие в свое время в вооруженных силах. Это основная масса, скажем так, основной состав компании. Нам оппоненты пытаются навязать мысль о том, что наша работа – это какой-то животный инстинкт. Это совершенно неверное понимание вопроса. Я еду сюда, как на работу. Я не переживаю по поводу того, как я буду жить без этого всего, найду себя или не найду в мирной жизни. Просто, когда я пришел и начал заниматься этой работой – то понял, что для меня это больше, чем работа. Это смысл жизни.

Надо понимать, что мы – не такая кампания, как американские, британские, любые другие ЧВК. У нас всегда, все равно идея присутствует. И деньги – это вообще не главная цель. Когда я на работе, у меня даже мысли о деньгах нет. Самое главное – это выполнить задачу. И мои основные мотивы – это реализация себя в большей степени. Я все-таки этому учился когда-то, этим занимался. Свой опыт,

полученный на службе, пытаюсь реализовать здесь. Я такой же человек, как и все. Я просто понимаю, что-то, что я делаю, нужно делать в любом случае. Эта работа нужна.

Я считаю, что мы в первую очередь защищаем интересы нашего государства. Находясь на территории других стран, мы представляем в первую очередь Российскую Федерацию. Кто бы что ни говорил, в первую очередь мы являемся гражданами Российской Федерации. И как бы мы нашу работу ни выполняли, надо помнить, что мы прежде всего русские люди, не могущие жить без такой идеи, без такого мотива – быть русскими. И моя цель, моя работа – это не просто зарабатывание денег и улучшение благосостояния. Моя работа – это моя идея, моя жизнь. Я получаю удовольствие, когда вижу результат своей работы. Да, достижение этих результатов – очень сложный путь, требующий большой умственной работы, порой физической работы.

«Такая работа – как спасательный круг»

— Я занимался бизнесом, у меня было два компьютерных магазина – по ремонту мобильной техники, ноутбуков и так далее. К тому времени, к лету, всё было не очень с бизнесом – во-первых, конкуренция достаточно высокая, во-вторых – в стране случился экономический спад. Поэтому, начиная с июня 14-го я уже отслеживал тенденции, касающиеся Донбасса. До этого я много лет служил в спецназе, с 2004-го года, как уволился, был на гражданке – но меня тянуло, скажем так, ко всем этим вещам. Как бы это ни прискорбно звучало, если ты попробовал такой жизни – по командировкам, где-то там с оружием и так далее – то это остаётся в тебе отпечаток на всю жизнь. Редко, кто просто уходит на гражданку и навсегда остаётся на гражданке.

Дело в том, что то, что связано с такими героическими делами – это одни из самых ярких и запоминающихся воспоминаний в жизни. По крайней мере я так считаю. В армии там, на войне где-то. И соответственно, человеку свойственно идеализировать прошлое, и его тянет постоянно возвращаться к подобным вещам. Летом всё это отслеживал, а в июле месяце мне позвонили друзья, с которыми я служил по контракту своё время в Чечне. Сказали, что есть вариант поработать.

Там дело даже не в деньгах. Для меня такая работа, скажем так, была как спасательный круг. Я долго не раздумывал – сразу жене объяснил, что я еду сопровождать колонны с беженцами и гуманитарные миссии, и уехал в Ростов. Это было 21-го июля. Ну, а 22-го июля в составе своих людей, с которыми я служил в своё время – 5 чело-

век, и плюс ещё нас 16 человек – мы зашли в Донбасс.

История про осколок

— На Донбасс я поехал добровольцем – в интернете набрал «военкомат ДНР», позвонил, мне сказали адрес. Вещи собрал, сел и поехал. Хотя нормально себя чувствовал – машина у меня хорошая, квартира, у меня все есть – работа была вообще, бешенная. Но, понимаешь, я раньше жил на Украине, давно, но потом оттуда уехал. И фашистов этих, козлов бандеровских, я просто ненавижу – а тут они еще такое творить начали, в Одессе людей сожгли. Это вообще для меня было последней каплей.

И вот я только приехал, шел по пустому Донецку в бывшее здание СБУ, там тогда сборный пункт ополчения был. И тут укропы начали крупняком обстреливать город. И тут мимо меня пролетает осколок – сантиметров 20 в длину, полкилограмма точно весил, острый, падла. Рядом пролетело и я аж жар от него почувствовал, хоть дело зимой было. Вот такое у меня было крещение огнем – в первый мой день приезда в Донецк.

«Большая семья»

— В 2014 году пришел я в компанию. Позвали товарищи по службе. У меня тогда были серьезные сложности с работой, я на тот момент работал на заводе. Нас собралось 30 человек, на ГАЗели приехали в расположение – на подготовку. Где-то месяц мы в полях бегали, тактикой занимались, стрельбы были каждый день. В день по два раза: вечером у нас тактика – утром стрельбы, или наоборот.

Были и спецы – приезжали, каждый со своей колокольни все это объяснял. То есть подготовка была нормальная. Объясняли полноценно, от и до. И не было никаких проблем с боеприпасами – стреляли каждый день. Коллектив был нормальный, как большая семья, интересно было. Почти как армия, но все гораздо проще – не было проблем с выходами в город, доверие было к сотрудникам.

«Мужские интересы»

— Я по себе буду судить – у нас с компанией совпадают мужские интересы. Те, кто уже был в Чечне, Афганистане, ребятам и мужикам, которые уже понюхали пороху – те знают, что потом тебя опять тянет назад, в зону боевых действий. Воин – он уже на всю жизнь воин, это навсегда. А здесь у тебя возможность себя в этом плане реализовать, почувствовать себя мужиком.

Насколько мы сейчас с братом (он со мной вместе служит) крепче на ногах стоим, по сравнению со временем, когда мы только начи-

нали. Тут в этом плане компании огромная благодарность – что все это было создано. Я считаю, что для мужика, который воеет – это идеальный вариант. И самое главное – компания работает в интересах России, здесь другого быть не может.

«Герой – тот, кто идет и выполняет свою задачу»

— Как мне кажется, герой – это тот, кто идет и выполняет свою задачу. При этом для себя он свой выбор давно сделал, и правильно реагирует на любую ситуацию. Каждый такой человек – герой. В наших условиях такой человек себя обязательно проявит. В другой жизни его, может, и не увидишь – а на войне такой человек в своей тарелке.

Я уволился на пенсию, а в 14-м году началась Украина. В июне 14-го мне позвонили, предложили здесь работать. Вот я тогда понял, что я наконец-таки вернулся обратно на службу – туда, где я нужен, где есть для меня особая роль. Не там, на гражданке, а здесь. Вот тебе оружие, вот тебе задача – работай, думай, исполняй.

У многих в жизни не получилось связать себя с армией, с какими-то отрядами. А вот тут есть яркая способность – возможность и себе что-то доказывать, если кто-то что-то хочет доказывать. Самый вернейший способ сделать то же самое, доказать самому себе, кто ты есть и чего достоин.

Заход под артиллерией

— Я очень долго готовился к этому, ролики смотрел в интернете. Просто жалко детей стало. Когда детей убивать уже стали – я не выдержал. Готовился очень долго. У меня товарищ поехал добровольцем, туда, на Донбасс, мы работали вместе. Там он и его близкие и познакомились с ребятами из ЧВК. Они ему сказали – давай к нам. Он приехал потом в отпуск. Говорит: «Поедешь?». Я и поехал.

До того у меня, как видишь, срочка была, вторая Чеченская. Я как бы понимал, что там, на Донбассе, совсем все плохо. Но Украина по сравнению с Чечней – это вообще ни о чём. Вот там ад был, там артиллерия у противника очень хорошо работала.

Когда мы только заходили, помню, в Байрачке зашли в здание школы, там бомбоубежище находилось. Конечно жутковато было смотреть на это всё: дети маленькие, старики сидят в подвале. Подкармливали, конечно – еды у нас толком нет, только сухпаи давали. Жалко было людей. Сами-то мы жили в двухэтажках. По них укрывочными долбили из арты.

Там «Нона» стояла, самоходка 120-го калибра на базе БМД. Она была сделана для десантуры. На нее еще вставки ставятся, для раз-

ных калибров снарядов. Когда с самолётов скидывали, еще при Маргелове, испытания делали, чтобы эту машину закидывать в тыл к врагу и их снарядами же мог стрелять. Вплоть до 120-го. А с огорода, где стояла «Нона», нашу двухэтажку хорошо было видно – оттуда они по нам и били. Начали как-то ночью крыть, а мы лежим на втором этаже. Крыша-то там никакая была, только шифер. Если попадёт – то п***ц. Человек 10 нас там было в этой квартире.

— Есть такое воинское правило, я от батюшки узнал. Когда брал благословение, чтобы меня на войну отпустили, он сказал:

«Война – это святое дело, но только ты должен быть воином. Убивай только ради спасения жизни человеческой. Нам войны и бедствия даются только для того, чтобы мы одумались. Живи и поступай как православный человек. Не будь таким, мол ты на чужую землю пришел. Ни фигя подобного: где ступила нога казака, там его дом и его Родина».



КАК ВОЕВАЛИ СИРИЙЦЫ И «ФАТИМИДЫ»

Мы тогда долго не могли взять одну высоту, долго стояли там, у меня погиб пулеметчик. Мы тогда пошли группой вместе с «фатимидами» и сирийцами. По плану «фатимиды» должны были уйти вперед и выйти во фланг, я должен был в центр войти. С правого фланга работали сирийцы.

Мы шли по горам, по горному хребту к развязке. Там дорога шла на Ирак. В принципе с этой высоты мы контролировали хребет, но туда было тяжело доставить артиллерию и из-за сложности местности были проблемы с доставкой пищи. И морально было тяжело, и физически было тяжело, плюс командировка была длительная и боев было много. И если до этого я шел без потерь, то тут я уже потерял своих ребят.

Сперва исчезли «фатимиды» – как сквозь землю провалились, хотя сначала все говорили: «Руси, руси, мы с вами везде». А тут раз - и исчезли. Я дал команду сирийцам, чтобы они тоже начинали вести наступление – мы уже все вышли на позиции и по времени должны были уже начать действия. Но когда я вышел на центр, я оказался один со своей группой. Вся тройка - сирийцы, русские и «фатими-

ды» - должны были растащить боевиков на мелкие группы, и тогда, в принципе, мы бы быстро-быстро выбили их оттуда. Но мы остались в одиночестве – и получилось, что мы для противника как в тире. Они сосредоточили весь огонь на нас

Как мы потом выясняли, против нас там были сосредоточены силы каких-то индонезийцев. При этом там были и хохлы, что самое интересное. Как мы определили? У них были наши камуфляжи и точки, то есть поджопники, а в САР поджопники никто не использует.

В моей группе было 20 человек. У нас выбили сразу гранатометчика, зёму моего, и пулеметчика. Пулеметчику надо отдать должное, прикрывал нас: когда гранатометчик погиб, мы его должны были вытащить. Так пулеметчик встал в полный рост - мой ровесник, пацан здоровый такой, питерский кстати – и начал долбить по противнику. Прикрывал нас, пока его не ранили в ногу. Он тогда упал на колено, снова встал и продолжил вести огонь. В итоге его снайпера просто пробили всего: в него попадали, он снова вставал – и так несколько раз. Я не знаю, зачем он так, но он сам по себе человек такой был, никогда не пригибался.

Мы парней вытащить сразу не смогли, потому что я бы тогда еще больше людей потерял – огонь был очень плотный. Мы вышли из этого котлована на свою высоту, опять закрепились и ночью дали залп трассерами, по нашим погибшим пацанам. Что самое удивительное, духи после нас тоже дали залп трассерами – тоже дали залп моим погибшим. Мол, достойные воины были. Такое было в первый раз, и я больше ничего похожего не видел.

Кстати, в тот бой у меня в отряде пацан был – когда убитых пытались вытащить, он под очень жестким шквалом огня пролез к погибшему пулеметчику, пытался тащить его. Но не сдюжил. Я уже ему в радиостанцию ору: «Все, уходи, сейчас уже тебя самого вальнут». Он уже ремень снял с себя, цепляет им за тело и начинает ползти. Не может вытянуть тело, шкребёт и шкребёт.

— Отпускай, брат, иначе мы все тут ляжем, - говорю я ему в рацию.

И вот тогда он уже отпустил. Но пацан был достоин уважения: несмотря на огонь, на недостаток сил, все равно пытался любым способом вытащить. Позже мы тела конечно вытащили. И противнику мы не отдали - мы знали, где парни находятся, и даже ночью дежурили, чтобы никто не подошел к ним.

Я наводил артиллерию, она работала. А боевики с противоположного склона делали в скалах выбоины и туда прятались во время артподготовки. Когда арта отработывала и пехота, то есть мы, начинала работать, противник вновь выскакивал на позиции и вновь начал по нам долбить. Выбить их в принципе было невозможно с этой высоты. Я тогда вызвал вертолетчиков. Им-то хоть можно, они с про-

тивоположной стороны насовали боевикам хорошенечко. Потом я еще артиллерию вызвал, потом еще дымами прикрыли. Короче, мы залетели в итоге на эту высоту. Когда зачищали уже – духи в своих норах начали взрываться. У них были ошейники специальные, со взрывчаткой. Подлетаешь к нему – бах! - и башки нет. Делалось это для того, чтобы их потом не могли опознать.

Вот такой был бой. Три дня длился. Мы, когда высоту взяли, наверху повесили тельняшку. Потом приехали сирийцы, телевидение, вся фигня – туда притащились, тельняшку хотели снять и повесить вместо нее сирийский флаг. Могли бы снять, но тогда на защиту тельняшки встали афганцы – «фатимиды». Подлетели к сирийцам, начали стрелять им под ноги, и указывая на тельник, говорят: «Руси, мы никому не дадим здесь повесить другой флаг». Вот такая уважуха у них была.

Но бой был, конечно, очень тяжелый. Если честно, мы даже не могли посчитать количество противника – потому что он убегал от нас, укрывался по лежакам. Но если судить как раз по этим лежакам, их было порядка 30 человек. Считай, целый взвод. Такой хороший, качественный опорный пункт. Первый эшелон, второй эшелон, норы. Хорошо, хоть авиация помогла – если бы не «летуны», нам бы пришлось долго еще за эту высоту воевать. Вот если бы сирийцы и «фатимиды» с нами шли, то все было бы проще, местность позволяла им все видеть и простреливать. Я, кстати, в афганцах тогда сильно разочаровался. Думал они более воинственный народ. Но, как оказалось – нет.

«Ночник» на высотах

Эль-Барда – это две высоты. С одной стороны стояли «Карпаты», и железная дорога проходила посередине. «Горлышком» ее называли. По ней еще хотели закатить поезд, заминировать его и запустить к духам. Рядом шла гряда к Пальмире.

Был интересный бой, но мы тогда поржали чисто. Тогда вооружение было хорошее, оборудование поставлялось. Мы зашли на высоту на левом фланге, нам командир стоящих там бойцов говорит: «Вы посидите пока, там пока активность духов». Мы вышли, закрепились, ночью сидим, и тут у меня наблюдатели докладывают: «Духи!». Я команду «К бою», все вышли на свою позиции. Духи вытаскивают ДШК, в воздух т-р-р-р-р, стрельнули – видимо, думали, что на высоте сирийцы стоят, и от одних звуков ДШК в штаны наложат.

Идут десяткой – довольные, счастливые: мол сейчас сирийцы свалят, и они займут позицию. А у нас приборы ночного видения. Плюс у одного из наших была система «Пирс», она оказывает помощь ноч-

ным приборам, как луна – включаешь и ночные приборы видят хорошо. Правда, противник тебя тоже видит хорошо, если у него есть «ночники», можно засветиться. Так вот, парень включает «Пирс» - и все в «ночники» видят территорию, как днем. Ну, мы присели, и как в тире, начали их щелкать. Трех духов мы тогда вальнули, остальные буквально сразу испарились.

Высота 989

Я ходил с ребятами на Пальмиру, на первую, с «тройкой». Штурманули горушку, я на утро к ним присоединился, потому что вечером заняты были, и я вот с ними две недели по горам скакал.

Мы на «двушке» заночевали - была весна, а я что-то с горяча спальник не взял, и ночью на посту задубел. У меня был только коврик, я в него заворачивался и забивался в щель в скале. Дубака я тогда поймал серьезного. А потом, на утро ветер поднялся, пыль небольшая, и видимость сильно упала. И Женька, командир наш, взял взвод - спустились с горы, пересекли ложбину между двумя хребтов, там километра два может быть. Перешли на гребень, по нему поднялись и пошли вдоль высоты 989 в сторону Пальмиры.

Дошли, заняли позиции, нашли духовские брошенные опорники и землянки внизу. Снайпера вперед выдвинулись – а духи засели на этом гребне, который мы обошли. То есть в тыл к ним зашли. Их видно, дистанция около 1500 – СВДшка соответственно не дотягивается, был у нас один дальнобой, сделанный из ПТРа (ПТРД или ПТРС) 43-го года. Ну и разлет там большой – корректировать приходилось по фонтанам попадания.

Лежим с биноклями и наблюдаем. Двойка наступает, выдавливают духов к нам – а мы им уже за спины накидываем. Они уже как-то не поймут, откуда летит, бошками вертят. Одного ранили – духи уже потом не стали судьбу испытывать, раненого схватили, снялись с позиции и ушли вниз. Докладываем по станции, что духи ушли, ребята сшибли их – значит, можно идти. Но ребята наверх не полезли, а пошли по ущелью между двух хребтов

Километра два мы их тоже наблюдаем. И они получается идут по низу - мы их видим, два человека передовые – а наверху сидят духи. И получается, что духи наших спалили. Мы орем по станции, чтобы передали парням, что их духи видят. Неприятно было: все видишь, но сделать ничего не можешь. Но духи правда ушли, не стали ждать – видимо поняли, что группа небольшая идет, отошли.

Загнали их на 989, там кто-то ушел по равнине в сторону Пальмиры, кто-то там остался. Но там уже так, возня.

Как вычислить гаубицу

Потом уже духи из Пальмиры гаубицу подтянули и стали нам накидывать. Немножечко неточно, но так – все ближе и ближе. Корректировались как-то. Я сидел на своей позиции, увидел вспышку. И точно, упало в стороне. Точку нашел примерную, командиру ориентиры дал: слева от посадки. Наблюдаю дальше. Еще вспышка. Начинаю считать, чтобы примерно дистанцию определить. Вычислили, нормальные дали координаты армейцам – так они в этот квадрат со 152-х ударили в ответ. Не уничтожили, но рядышком положили. Духи поняли, что их спалили, свернулись и уехали. Тоже интересно: бум, в тебя стреляют, и ты ждешь, когда прилетит, куда прилетит. Интересно.

Когда штурм был, мы в окружение попали. Духи на нас в лоб не пошли, а выбили сирипутов с другой высоты. Мы тогда впереди были, а вместе с сирийцами стояли пацаны из первого отряда – расчет «Утёса», четыре или пять человек. А против них - человек 30 духов. Они там уже перекидывались гранатами. Парни «Утёс» ставили то с одной стороны высоты, то с другой. Ночью на одну позицию перетаскивали, днем – на другие.

У духов беспилотник был, - ну, бутылки эти летающие. Они из бутылок пластиковых беспилотники делали, вешали на них GoPro-камеру. Когда эта штука летала над нами в первый раз, мы не поняли, что это такое. А беспилотник этот посмотрел, где позиции пацанов стояли. И на рассвете на одну из позиций «Утёса» забегает ИГИЛовец с поясом шахида. Забежал, крикнул «Аллах акбар!» и подорвался. Пацаны на позиции смотрят – там какие-то палки разлетелись во все стороны.

Сперва не поняли, что случилось... А вышло как: дух этот на ложную позицию заскочил – пацаны заранее подсуетились и сделали там ложную позицию, которую ИГИЛовцы приняли за еще одну точку с «Утёсом». В итоге, подорвал он не пулемет – а стопку палок и ветоши. А парни говорят: мы со стороны наблюдали и вообще не поняли, что это было.



ЗАСТРЕЛИЛ – ПОТОМ СПРОСИЛ

Первые два дня мы пытались зайти с северной стороны, не вышло. Потому что военные не поддержали нас. Они попытались зайти, у них не вышло, и они отошли. И дальше нас укропы разматывали артиллерией. Потом мы зашли уже на улицы Попасной, нас только 37 человек было. Мы прошли несколько кварталов, с одной стороны было кладбище (там повсюду были укропы), и с другой стороны по всей улице были укропы.

Мы зашли и стали наводить артиллерию, они даже не знали, что мы там есть. Трое суток они мимо нас ходили. Потом иногда вступали в прямые столкновения, мы работали из СВЧ (снайперской винтовки Чукавина), нам выдали.

Когда мы зашли на кладбище, то мы еще не знали, у кого какие повязки. Первый раз зашли, у нас были белые повязки, у ополченцев красные, а у укропов – желтые. Выбегает снайпер и говорит «кто такие с синими повязками?». Я говорю – «не знаю, спрошу сейчас». Мне сказали «это укропы, валите их». А мы уже завалили. Застрелил – потом спросил.

Вот так три дня было, потом уже начался штурм. «Копейка» подошла справа и какие-то армейцы. Они не знали даже, что мы там на-

ходимся, начали гранатами закидывать.

— Как обычно проходил штурм?

Поступала задача закрепиться на определенной точке, и мы выполняли ее. Если попадались где-то укрепления, то есть дома с укропами, то мы разбирали их с гранатометов. Они работали танками и градами, всю улицу нашу разнесли. Сначала они постоянно обстреливали, без перерыва. Огонь был сильнейший. Сейчас может у них боеприпасов стало меньше.

Когда зашли в район с многоэтажками, то услышали, как командир нам передал по радиации, что в нашу сторону несется что-то непонятное, они с коптера увидели. Я гранатометчиком говорю – выдвигаемся. И как раз в этот момент пронеслась укропская БМП. Она за своими трехсотыми приехала, там у нас дом был четырехэтажный и там много трехсотых было. Они загрузились, она выезжает. Первым выстрелом промазали, она затормозила и перед БМП был разрыв. Потом она поехала, мы выбежали и в жопу вдогонку выстрелили. Потом нашли сгоревшую БМП. Там рядом могилку потом нашли, кого-то они закопали. Они просто не ожидали, что мы их с тыла обойдем.

Были случаи, когда нам пообещали подкрепление, что подойдет батальон морпехов. В итоге пришло к нам 16 человек без офицеров, они не знали, что делать, потом снялись и ушли. Были ополченцы, помогали вытаскивать трехсотых, но в битве не участвовали, только в эвакуации.

Свои

Была задача – недалеко от этого поселка был укреп. Мы прошли по посадкам, обошли вдоль трассы и повернули сюда. Там оказался прямо хороший укреп, они хорошо зарылись. Птичка летает и не видит никого, все закрыто зеленой. Я отправил разведотряд из четырех человек. Они доложили, что видят «Сапог» и слышат разговоры. Они там сидели, чай пили, наших не заметили. Мы накидали туда минометами, второй раз начали заходить и случился уже бой. Двоих затрехсотило у нас. Опять оттянулись и еще раз минометами отработали. Птички уже низко опускались, выявили все цели и уже нормально отработали. Второй раз зашли, их уже не было. Много разного вооружения нашли, впервые тогда увидели, что они на РПГ прикручивают 82-е мины. Они по нам такими работали.

На следующий день мы выдвинулись в овраг понаблюдать. Должна была артиллерия работать по восточной стороне поселка. Командир спросил, наблюдается ли какое-то движение, его не было. Нам сказали заходить двумя группами, человек 20 нас было. Укропы после артобстрела оттянулись на другую сторону поселка. Еще была вторая группа наших, 10 человек, они шли по посадке. Начали про-

двигаться, пришел командир взвода Мора. Тут местные были, они в подвале прятались. Одна женщина вышла и сказала: «Будьте аккуратны, там много их сидит дальше».

В итоге как раз второй взвод вышел, встретились с укропами, завязался у них бой. Мы вызвали их командира отделения. В этот момент второй наш взвод оттянулся назад. Мы с Морой были на летней веранде, обтянутой москитной сеткой. Тут ему по радиации передают, что второй взвод наш оттянулся и спрашивают, что с ними делать. Мора говорит, мол возвращайте их назад. И получается, что мы уже на самом передке. И в это время смотрю, идет укроп, на прикладе желтая повязка. А мы с Морой были в укропской форме.

Он открывает дверь, он спрашивает: «Свои?», мы говорим: «Свои!». Он смотрит-смотрит, спрашивает: «Украина?», мы отвечаем: «Украина». Он разворачивается, остальным рукой машет, зовет.



Я зашел в дом, чтобы предупредить, что укропы идут. Началась стрельба, они нас окружили. Стреляли со всех сторон, мне падали пули за шиворот, которые рикошетили от железной решетки. Я занял выгодную позицию, мог вести круговой обстрел. Мы отстрелялись, я изнутри, а Мора снаружи. И отошли на один дом назад, а связист и командир отделения остались в этом доме. Мы с Морой отстреливались вдвоем, потом он говорит – пошли за ними назад. Выходим по радиации – они не отвечают. В итоге оказалось, что они не в нашу сторону отошли, а справа, там наши были. Мы с Морой вдвоем остались, отстреливались.

Потом отходим, смотрим – толпа какая-то. С ними походили, развернули их «хули вы съебываете» а это были укропы. Мы их разверну-

ли, они назад ушли. Еще дальше оттянулись, за дом. Дальше отстреливаемся, вижу два человека идут, только в тыл к нам и с оружием на изготовке. Я выбегаю, думал наши подошли и опять съебывают.

Я выбегаю, одного за руку хватаю и говорю: «Стой, куда собрались?». Он поворачивается, смотрит на меня и спрашивает: «А куда нам?». Я отвечаю «Вот туда съебались и оборону держим. Хули вы тут бегаете туда-сюда? Я уже заебался вас возвращать». Разворачиваю их всех, веду к Мору. Вижу там еще толпа в зеленке сидит, они разворачиваются молча и идут за нами. Я привел их к Мору, он их спрашивает: «Что вы уходите постоянно, лазите тут?». Я им сказал, тот дом занимайте и там держите оборону. Разворачиваемся, Мора идет впереди меня, они заходят за поворот и дальше ушли. А я зашел в дом, я же думал они туда пошли. Захожу, дверь открыл, а там нет никого. Вышел, выглядываю, тоже нет никого.

Я думаю, ну дальше они пойти не должны, там укропы стоят, чего они к укропам пойдут. Я же не подумал, что мы вместе с укропами и ходим. Опять в дом зашел, пошел по комнатам. Выходу и смотрю – стрельба. Пробегает человек в укропской форме, это Мора был. Стреляют из-за ворот, думаю «Опять окружили». Выхожу по рации, связался с Морой.

У них там потерь много было, всё в кровище. Машины туда подъехали, начали двухсотых, трехсотых забирать. Этот поселок Выскрива назывался.



ЛЮДИ, НЕ ЗНАЮЩИЕ ТОРМОЗОВ

Зашли мы в Сирию, там получили задание, выехали на место. Сначала пацаны приехали на рекогносцировку – я не выезжал туда, поэтому своих впечатлений про рекогносцировку сказать не могу. Задача состояла в следующем: у нас есть узкий перешеек, точнее два узких перешейка. По одному узкому перешейку пошла «четвёрка», занимать рубежи. А с правого фланга идём мы. Я на тот момент не разглядывал ни карты, ни диспозицию противника.

Сначала пришлось немного повозиться. Сирийцы нам сказали, что они со своими сапёрами разминировали свою же линию обороны для нашего прохода. Но я их сапёрным навыкам не доверяю – и, поскольку много лет в головном дозоре проходил, пошёл первый в «головняке» и снял ещё семь мин. За мной должен был идти весь отряд – там уже пацаны дополнительно сняли несколько заграждений и ещё семь мин. Всё это было в полной темноте, практически наощупь. Я даже «ночник» не пользовался – потому что у меня из-за контузии упало зрение и что «ночник», что тепловизор меня сильно слепят. Я стараюсь рассчитывать только на свои глаза - в темноте плохо вижу и чувствую многие вещи.

Разминировали линию вместо сирийцев, пошли дальше. Дошли

до определённого рубежа. С обеспечением навигации тогда были очень большие проблемы, поэтому в некоторых местах немножко заблудились. Опять же, времени на подготовку было мало, и я лично карту не изучал. Мы немножко ушли мы в сторону, потом, когда Злой достал навигатор, очень сильно боялись, что нас могут запеленговать. Понимаешь, мы тогда еще не знали, на что способен противник, и думали, что с его стороны очень много технических средств, которые нас пеленгуют. Но Злой всё-таки не вытерпел и достал навигатор свой. Определил наше местоположение и понял, что мы на 300 метров ушли влево.

Мы вернулись на хребет, сели на него. Первая операция у нас обошлась, в принципе, без особых боёв. Только одна группа за этот момент завязала бой, но иголки отстрелялись и ушли. Были еще небоевые потери: в этот день, пока мы готовились, парни решили заминировать боковые подходы, и у нас тогда 2 человека погибло. На свои же мины напоролась по незнанию.

Первый «мясорубочный» бой

Пока мы сидели там, на хребте, наши запустили беспилотник. Выяснили позиции противника, распределили их по взводам – кто что берёт. Задачу нам поручили выполнять ночью. В общем, первый такой мясорубочный бой у нас произошёл...

Мы получили задание, распределили нас по взводам, кто какие координаты берёт, куда наступает, кто кем командует, сводные группы собрали – и пошли. Опять ночью. Я как чувствовал, что противник нас может поджидать с «ночниками» и с «теплыми», и поэтому саботировал, скажем так, время наступления. Не то, что я там пытался скрыться за чужими спинами и так далее – я просто выждал более подходящий момент. Потому что понимаю – отвечаю за людей. Как оказалось позднее, практически все командиры так же саботировали, и в определённое время никто в заданный квадрат не вышел.

Опоздание было на полтора часа – до рассвета. Как только начало рассветать, мы вышли в заданные квадраты. Я тоже ускорился со своей группой. Дошли до заданной точки, встретили сопротивление. Практически из всех взводов, кроме моего, наступление сразу же захлебнулось. Большая часть пацанов шла по открытой местности, солнце встало – а духи сидят на господствующих высотах. У них снайпера, пулемётчики, ЗУшка, АГС – а мы просто пехота, у нас ничего тяжёлого не было. Всё тяжёлое шло сзади, далеко. Я бы по-другому поступил, если бы мне дали командовать данной операцией, особенно зная исходные данные.

В общем, мы взяли назначенный нам укрепрайон духовский. От-

деление моё проявило себя достаточно жёстко и героически – никто не включил заднюю, я был в первых рядах, каждого контролировал. Зашли на позиции, взяли, закрепились. В тот момент со мной был Злой, командиром взвода. С нами были Рус и Тайсон – люди, благодаря которым в первую очередь состоялись во всей этой командировке все атаки. Турист, Ветер, Тор, Рус, Тайсон – люди, которые, как и я, не знают тормозов. Если у тебя впереди противник, то они все знают: если начнешь отступать, то ты уже потенциально «двухсотый», а если будешь идти вперёд, то у тебя есть шанс и выжить, и выполнить задачу. Не знаю, может я им навязал такую психологию?

Мы взяли свой укреп, зачистили, закрепились – и мне этого показалось мало. Потому что все остальные взвода только начали штурм своих укреплений. Самостоятельно как бы без указания сверху, я взял всех пацанов – 2 отделения. Одно отделение оставил там, а два отделения взял.

При штурме этой высоты, когда мы зачистились и пошли вперёд на досмотр, моего лучшего друга – Злого, снял снайпер. Он вышел на высотку, которую должен был штурмовать разведвзвод – они там под плотным огнём сидели, не могли забраться наверх. Злой в итоге получил ранение в голову, огнестрельное. Я отдельное «спасибо» хочу сказать компании за то, что два года его лечили в «Согазе». Он пережил клиническую смерть, его довели, спасли. Лечение обошлось в просто баснословную сумму – в месяц 600 тысяч. После его отправили домой, потому что врачи развели руками, сказали, что дальше как бы вариантов нет. Ему от компании сделали пенсию в 100 тысяч рублей, и плюс ещё государственную пенсию выбили. То есть, в принципе, на 120 тысяч достаточно неплохо можно жить, даже инвалидом. Но так получилось, что жена не захотела его терпеть дальше, они развелись. Он сейчас у матери живёт. Я к нему в этом году ездил, навещал.

Короче, когда его ранили и эвакуировали, меня это очень сильно подстегнуло. Свою высоту мы взяли, и вижу – слева в километре, справа в полутора километре бойня идёт. Я пошёл помогать в тот момент Карабину, у него в отделении командира второго взвода «задвухсотило», Бекаса – он со мной в срочную службу служил, старшиной был. Потом на гражданке пошел в ОМОН, до полковника дослужился...

Пришли мы к нему на высотку к Карабину. Бекаса «задвухсотило», у них там несколько «двухсотых» подряд. В двадцати метрах от них, возле другой горы, лежит раненный чувак – истекает кровью. А эти боятся перебежать с места на место, оказать ему помощь, потому что все боятся.

Я поставил своих пацанов, они обстреляли высотку, в этот момент

я с Туристом перебежал, но было уже поздно. Мы попытались с пацанами его перевязать, он скончался у нас на руках. Мы все в крови были, у него хлестало конкретно - там ему видимо артерию задело, или что. Погиб у нас на руках.

Пошли мы дальше. Зашли с правого фланга на эту горку, затащили туда Карабина с его людьми. Добили духов. Двое из них успели спастись – свалили на соседнюю высотку. Посадил я Карабина на эту высотку, и, не связываясь с руководством, рванул в сторону Лотоса, потому что они тоже там застряли конкретно. Вот. Прибежал туда с одним отделением уже – Карабину оставил отделение, а сам захватил первое отделение и прибежал туда.

До Лотоса мы добирались под страшным обстрелом. ЗУшка била – пока мы бежали, двоих потеряли «двухсотыми». Парней мы оттащили, эвакуировали. Добежали до Лотоса, к нему как раз еще Зомби подтянулся в тот момент. Обсудили детали, что дальше будем делать. Ну и пошли в наступление. В общем, взяли и их высотку тоже.

Потом уже совместно гнали мелкий отряд духов. Там двое или трое боевиков отступало, мы их километров пять гнали – просто тупа бежали за ними. Они отстреливались, мы бежали за ними до рубежа. Там огромное русло реки было, и когда они за русло дошли, нам уже командир отряда кричит: «Стоп!». До этого рубежа доходим и дальше никуда не идём. «Вы их ещё можете гнать так много километров».

В общем. Расстояние достаточно большое было – метров 600-700, просто по ним не попадали. Это, скажем так, для меня был бой, когда Лотос себя достаточно хорошо зарекомендовал – он был новым человеком на тот момент в отряде, и может людей не знал, может что-то как-то неуверенно себя чувствовал. Но, видимо, мои действия придали ему уверенности в себе. Потом, в последующие операции он уже конкретно руководил своим взводом. Мы, можно сказать, соревновались с Лотосом, кто больше высоток возьмёт, и так далее. Просто на результат.

Когда бой закончился, подсчитали потери. У меня тогда, включая «трёхсотых», было 7 человек потерь во взводе, из них трое «двухсотых» и четверо «трёхсотых», тяжёлых. Все тяжёлые. Мы перегруппировались, получили новую задачу – идти на завод.

Укрепрайон духов. История Виктора Блинова

Мы знали, что мы идём брать завод. Но перед заводом нужно было разобраться с достаточно сильным укрепрайоном духов на подходах. Пошли мы туда днём на разведку. Шли мы с командиром третьего взвода, с Морганом, и с его бойцами. Я тогда взял из своего отделения самых проверенных и взвод Моргана. Кто бы там что не

говорил про Моргана, но он – инструктор, а не боевой офицер. Он в критических ситуациях не смог руководить взводом на достаточном уровне, чтобы люди не расползались.

Плюс, когда мы прошлись, наши запустили квадрокоптер, сверили позиции духов. Я пытался убедить начальство, что достаточно подогнать танки и с расстояния километр расстрелять эти точки. Если б не было танков – у нас были «Сапоги» с собой и АГСы, и тоже было бы достаточно просто их расстрелять. Но Ник у нас – любитель ночных операций, поэтому он назначил ночную операцию. Мой взвод идёт во фронт, взвод Карабина идёт с правого фланга. Мы дошли, по моим прикидкам, практически до рубежа.

Мы дошли до рубежа и уткнулись в оборону духов. Нас начали с трёх точек поливать с пулемётов. Но мы не остановились, пошли дальше. Я перешагнул канаву – русло небольшой речки, а парень, который шёл за мной, позывной Керосин, в эту канаву взял и наступил. Его просто разорвало на части. Мы тогда первый раз столкнулись с нажимниками, с буквально массовым использованием нажимников.

Керосина разорвало на части, а меня, – я находился в метрах 3-х, – подбросило на высоту метра на четыре. Я потерял сознание, а когда очнулся, подумал, что сейчас пацанов попрошу меня застрелить. Левую сторону тела вообще не чувствовал – отнялась вся. Начал щупать – рука, вроде, на месте. Думал сначала, что мне оторвало руку-ногу. Начал щупать правой ногой – тоже на месте. Через секунд 15-20 чувствительность начала возвращаться. Видимо, нервные окончания парализовало временно. Ко мне подбежал медик, вместе с Русом помогли встать. Ствол, рацию нашли и пошли дальше в атаку.

В этом бою у меня погиб человек, которого за сутки до этого штурма ко мне привели во взвод. Потом мне он покоя не давал всё время. Что он, кто такой, откуда взялся? Я знал его фамилию, имя, отчество, потому что мне как командиру взвода дали его данные. И когда я в интернете потом начал смотреть, я реально охренел. Это был Виктор Иванович Блинов. Это легендарная личность – ещё с Советского Союза, был в «Альфе», штурмовал дворец Амина, в очень многих горячих точках участвовал.

Как потом я понял, дед пришёл умереть в бою, как настоящий воин. У него уже была четвертая стадия рака. У него в Москве было всё замечательно, я с ним беседовал ночью перед штурмом. Он сказал, типа, его внуки задолбали. Но, как по мне, он просто пришёл умереть по-мужски. Когда мы дошли до рубежа и пошли в атаку, первоначально я не видел за горой, что происходило со взводом Карабина и Зомби.

— Какой у него позывной был?

— Берсерк. Это его основной позывной, который у него был ещё во время службы в «Альфе». И ко мне он тоже пришёл, представился Берсерком.

Перешли рубеж, где можно спрятаться и перегруппироваться. Я посмотрел на своих людей – проверить, кто остался, и в этот момент духовский пулемет ранили одного парня в лёгкое. Парни оказывали ему помощь – и по моей наводке все попытались заткнуть этого пулемётчика. Там до него оставалось метров 100, он поливал нас в открытую.

Рус с Калачом вошли слева, Ящур с правой стороны стоял, я по центру, короче, стоял с Вадиком. И в этот момент уткнулись, и никто дальше не может идти. Хоть и ведём огонь, но никто не попадает по этому пулемётчику. Минуты 3 поливали – никто не попадает. В этот момент дедушка Берсерк вышел сзади меня, говорит: «Дай я попробую». Ну, я как бы просто не подумал, чего он там собирается пробовать. Говорю: «Давай, попробуй».

Он взял гранату и попер на пулемётчика – в полный рост, в открытую, прямо на него. Метров, наверное, 30 он не дошёл - пулеметчик его скосил. Но своим выходом Берсерк отвлек внимание духа на себя, и в этот момент пулемётчика смогли задавить - Рус с левого фланга, тоже с пулемёта, его срезал.

Я приказал парням оттащить дедушку Берсерка. У него в руке осталась граната – при том, что там уже было выдернуто кольцо. Он был мёртвый, а граната неразорвавшаяся осталась в задеревеневшей руке. В общем, оттащили его и пошли дальше.

Хребты за Шаиром

Дальше пошли на хребет. Туда подошла сначала «четверка» с Бродягой - подошли к левому окончанию, к подножью, где засели духи. Там парни неистово огребли из ДШК, подорвались многие на минах, и отошли – километра на 3.

Нам поступил приказ для начала занять прихребетье - там ещё один маленький хребет прямо перед основным хребтом пролегал. Мне поступил приказ идти первому. Сначала с разведвзводом пошёл туда Зомби. Они дошли до подножья, не встретили никакого сопротивления и решили закрепиться на этом маленьком прихребетье. Я пришёл туда со своим взводом. С начальством связи не было, Зомби пытался с ним связаться – но все было без толку. Разница в высотах метров на 250.

Я понаблюдал в бинокль, сказал, что нечего нам здесь делать, в прихребетье. Потому что ночью духи, если подкатят тяжелое на хребет, нас с высоты просто размотают. Ну,;

— Что ты предлагаешь? - спросил Зомби.

— Я предлагаю взять хребет.

— Как так?

— Да вот так. Я сейчас наблюдаю, что там сейчас в зоне нашей досягаемости всего две точки. Пусть с этого прихребетья пацаны долбят, а мы наступаем в этот момент. Как только мы спустимся в долину, мы будем в зоне досягаемости, и будем подыматься до самого верха.

Ну, Зомби пытался с Ником связаться, чтобы он одобрил. Так и не смог связаться, кричит: «Ладно, давай». На свой страх и риск, беру ответственность на себя – давай. И мы пошли.



Лотос пошёл слева, я пошёл справа. Зашли на хребет, духи поняли, чем это пахнет – и начали в панике бежать с хребта. Никто на их позициях не остался. Лотос погнал их в левую сторону, в прихребетье, где «четверка» стояла, гнал их километра три по склонам. А я гнал духов в правую сторону, где потом «единичка» встала – километров 7 мой взвод гнал их по хребту. По всем позициям духов прошел дикий шухер: одна позиция убегает, предупреждает вторую – и они уже вдвоём бегут на третью, а мы их преследуем.

Шёл дождь. Мы гоним духов по этому хребту, а пацаны оставались, закреплялись на точках. В итоге заняли хребет, как раз Ник подошёл и мы плотно там закрепились.

Когда «четвёрка» подошла к прихребетью с левой стороны, они,

естественно опасались, что там все заминировано. Я послал туда своих людей, они нашли в нескольких местах плотно заминированные укрепления. Естественно, вызвали бригаду сапёров. Они кричат: «Ой, да ладно, пускай заходят». Я говорю: «Что да ладно, пускай заходят? Мои люди уже нашли там...». Они говорят: «Да ладно, нет там ни фиги». Я не выдержал и говорю: «Ну иди, сходи сам, посмотри». В общем, вот этот мужик, который все говорил «да ладно», «да ладно» - насквозь пошёл сам и подорвался. Слава богу не «двести», а «триста», но подорвался. Не помню, как его звали, бригадным сапёром был.

В общем, наших саперов послали обратно, Аврам там хорошо заминировал всё, и «четвёрку» посадили туда – в прихребетье. Мы сами забрались на хребет, три недели стояли-ждали, наблюдали за духами, за их высотками, которые через долину перед хребтом. Дело в том, что за вот этими высотками с левого фланга уже был маленький завод. Мы получили, соответственно, задание – захватить маленький завод.

Несколько раз пытались, пробовали, Лотоса туда разведчиком направляли, мы с Немцем и его сорвиголовами несколько раз лазили туда – и неизменно попадали под обстрел. Один раз нам пришлось выручать разведгруппу. Они попали в котёл – духи их зажали с двух сторон, и мы ходили им на помощь выручать. Мы тогда с правого фланга зашли, отвлекли на себя внимание, а они смогли вырваться из котла.

Карабин-Гора

Война – это, скорее, интеллектуальная такая штука... Такие бои, где все собрались и мочат друг друга на дистанции в 20-30 метров – очень редки. Тем не менее, в Сирии был у нас такой бой.

Это было на Карабин-Горе, как мы ее называли, недалеко от Шаира. На горе даже стоит какая-то табличка – мол, внесена в список достопримечательностей Сирии. Там стоит вышка – ее, естественно, уже положили, и она вся упала. И к нам приходили туда духи - настолько близко подошли, что кидали гранаты. А у них гранаты, чтоб вы понимали, как немецкие такие – с длинной ручкой. Гранатка сравнительно небольшая, а ручка – достаточно длинная. То есть, ее можно бросить гораздо дальше, чем «эфку». Мы в них кидали «эфки», а они нам в обратку - вот эти свои гранаты. Перекидывали настолько, что они улетали метров на 10 за нас, короче. И из-за этого мы не страдали от их гранат. Вонючие они какие-то, самоделки, я не знаю - селитрой какой-то воняют.

Бой ночью состоялся, часов в 9 они напали. К сожалению, мы про-

моргали «фишку», хотя звоночки были. Был у нас там такой мужичок, - он и сейчас у нас служит. Он афганец бывший, дяденька старый такой уже... Ему лет 65 или даже больше. Ну, он глазастый и относится к войне как к настоящей работе. Чувствует за собой ответственность, что редко бывает достаточно. Тем более, у ветеранов. Они обычно: «Эээ... Да нормально, все будет хорошо!» А этот все время смотрел, наблюдал. И он несколько раз видел, как духи подходили. Но этому не придали значения. И вот они в один прекрасный момент на нас напали, прямо близко-близко подошли. Они еще на танке заехали к нам на сопку, и привезли пехоты прямо на танке. Оборудовали недалеко от этой горы КП, то есть, командно-штабной центр, из которого осуществляли координацию боя. Причем, у них там поодаль еще 50 человек стояли. И на нас напали 50. А у нас там на горе ребят было – человек 11, ну, отделение, грубо говоря.

Меня тогда на горе не было, я под горой стоял. И вот эти 11 человек вели бой с превосходящими силами противника, пока им не выслали туда помощь. Довольно жесткий у них там был бой. В первые же минуты командир отделения был ранен. Через пять минут он сказал, что дважды ранен. Еще через пять сообщил, что он трижды ранен. И у него там трехсотые, трехсотые, трехсотые пошли... В общем, итог боя – 26 человек «трехсотых». А их там до подхода подкрепления всего 11 было бойцов. А «двухсотый» всего один - погиб в самом начале. Мужичок такой был, «альфовец» бывший. В общем, был достаточно «валидольный» бой. До самого последнего момента думали, что высоту не удержим. Потом к нам подтянулись силы с других подразделений, из других взводов. И мы еще перешли в контратаку.

Я был тогда уже на АГС – АГС я поднял наверх, но он не пригодился. Мне сказали: «Ты теперь обычный стрелок. АГС брось, он тут пока не нужен. Когда будут отходить, тогда будешь долбить». Я заряжал пацанам магазины, как мне командир-взводник приказал. Раз ты прибыл на гору, заряжай магазины. Я еще снарядил гранаты. У нас есть товарищ, слава Богу, он жив-здоров, довольно известный у нас человек. И вот выходит он с позиции. Там все чуть ли не по-пластунски ползают, а он выходит в полный рост оттуда. И прогулочным шагом идет ко мне со стороны битвы. Приходит, спрашивает: «Патроны есть у вас?» Отвечаю: «Ну есть, братан. Заряжай». Посидели, зарядили. Я в этот момент продолжал снаряжать гранаты. Ну, он собирается, магазины к себе засунул, и таким же прогулочным шагом пошел туда – в бой. Вообще не пригибаясь, вообще пофигу.

— Стой! – кричу ему. – А че тебе, может, гранаты нужны?!

— Гранаты? А че, есть гранаты?

— Да конечно. Я вот, привез гранат вам на «Бардаке».

— О, отлично! Давай сюда!

— Сколько тебе?

— Да давай все. Сколько есть.

Наваливает себе на руку, прижимает согнутую в локте руку к телу, набирает гранат целую кучу. Одной рукой держит гранату, второй ее «расчеховывает» - хрясь! - кидает ее в сторону противника. И пошел их кидать, короче! Штук, короче, 20 или 30 гранат раскидал по все этой местности. Гора просто скакала. А надо понимать, что я где-то больше 100 гранат привез, «эфок». И все эти гранаты буквально за 15-20 минут были в сторону духов выброшены. Там у них просто шансов не было. Просто мясорубка была.

Когда мы отбили их атаку, огонь с их стороны начал стихать, видимо, у них патроны уже начали заканчиваться. А подвоз прекратился, потому что уже опасно стало духам подвозить боеприпасы с их стороны. С этого момента духи начали заезжать на эту гору прямо на джипах. Даже на танках. Скидывали боеприпасы своим, забирали раненых, увозили...

Что еще запомнилось – у них там под горой, чуть левее, было сделано что-то типа госпиталя. Буквально метрах в ста от горы. Когда они отступали, оставили там человек шесть со следами насильственной смерти. Они все там скончались. Видимо, мертвых бросили, не стали вывозить. Накосили их там будь здоров: дорога с горы была вся в крови. Мы их просто разбили, несмотря на то, что народу с нашей стороны было не так много.

Я там, кстати, первый раз с «тепняка» пострелял. Как было дело. К противнику на холм выходит группа с правой стороны, прямо на холм поднимается. Там пацаны были разведчики. У многих были «тепляки», «ночники» на винтовках. У нас ничего такого не было – мы обычное штурмовое подразделение. Нам говорят командиры, что с правой стороны идут наши, сейчас мы со своих позиций будем организовывать контратаку, выбивать их с горы и гнать до низа, короче. Начинается контратака, мы бежим – и тут я вижу, как эти разведчики выходят с фланга в темноте. В кромешной. Тем не менее, силуэты различимы. И вижу, двое подходят к трупу духа, один его переворачивает. А у духа граната была зажата на взводе на груди, без замедлителя. Она взрывается, они кубарем разлетаются, падают... и лежат.

Я думаю: «Все, по ходу, ребятам кранты». Подбегаю к ним, смотрю, один приподнимается, - раз-раз, по башке себя постучал, говорит, нормально все, и побежал дальше. А второй лежит, хлопает глазами, оттекает от взрыва. Я его за грудки взял, в яму какую-то отволок. А там неровная местность, я его тащу, ему больно, он кричит: «... твою мать! Оставь меня здесь! Не тащи! Мне больно!» Я говорю: «Нет. Надо тебя укрыть».

В ямку его затащил какую-то, положил. Говорю: «Ты как? Целый?»

Отвечает: «Вроде да. Сейчас полежу минут пять, и побегу дальше штурмовать». Да все, говорю, ты уже набегался. Ему башку все растрясло взрывом – ни фига не соображает, а рвется дальше в бой. «Все, хватит, - говорю. - Ты лежишь здесь». И смотрю, - у него что-то светится. Оказалась СВДха - думал, что с ночником. Я ему говорю: «Дай мне ее, я пошмаляю, у тебя там «ночник» хороший» Он мне: «Это не «ночник». Это «тепляк»».

Я у него вырываю эту винтовку из рук, хоть он ее и удерживал активно – все хотел штурмовать – и рванул на поле боя. А там, как в игре. Бегают эти духи, виден их КП вдалеке. Там рядом уходит русло высохшей реки влево, метрах в 600-700 от этой горы, и там духов прям море. Кто-то куда-то ходит, таскают какие-то цинки, еще человек пять стоят – из-за горы видно, как головы шевелятся. И я с «тепняка» раньше не стрелял никогда. А он у него стоял на четырехкратном приближении. А я откуда знаю, где там какие «краты»?

Перед горой наши пацаны начинают штурм, а лежу с этой винтовкой, с «тепляком», и прямо вижу этих духов. Первый бруствер, второй бруствер. За первым стоят чуть поодаль друг от друга два человека, а за вторым бруствером, судя по тому, как он им махал, орал, какие-то приказы им раздавал, - командир находится. Я сразу командиру в голову прицеливаюсь, думаю «Так, ну, судя по тому, что командир огромный (голова во-о-от такая, я прям почти лицо вижу его), надо мне ему прямо в жбан попасть». Бах! Выстрел, он вроде поник. Я думаю: «Класс. Командира ликвидировал». Второго ловлю. Бах! А он даже не шевелится. Думаю, что за дела такие? А я же не знал, что «четырёхкратник» стоит. Не попал.

Репу почесал, взял чуть выше. Бах! Метров пять не долетела пуля, упала перед ним. Четвертый выстрел. Бах! И попадаю прямо перед лицом командира в бруствер. Он, короче, понял, что по нему стреляют и, похоже, с использованием чего-то ночного, потому что его видят. Они берут, снимают разгрузки, бросают автоматы, ложатся – и кубарем покатались назад. Просто, когда ты повышаешь высоту фигуры своего тела до сорока сантиметров, в тебя практически нереально попасть. И они покатались по полю, по всем этим колючкам, без оружия, без разгрузок. На этом мой бой закончился.

Начали раненых искать. Мы вместе с ротным нашли одного духа, подстреленного в живот. А темнота страшная, ничего не видно. У меня фонарик у единственного, почему-то, был. И он тускло красным светом горит, батарейка уже садится. Мы светили на землю и вдруг: «а-а-а-а!». Кто-то стонет. Отходим немного, смотрим – лежит тело. Подходим, а у тела руки нет, и как в фильме «Чужой», из грудины все мясо вырвало и позвоночник виден. Этот мертвый был. Говорю: «Осторожно! Здесь где-то Чужой шарится!». Все поржали.

Потом, кстати, еще «Хищника» нашли – там в низинке дух валялся, еще до боя убитый, зеленый уже. У него шакалы съели нижнюю челюсть, и из верхней челюсти такая мошня свисала. «Вот, - говорю, - там Чужой, а здесь Хищник».

Нашли в итоге этого стонавшего духа. Мы его сначала дернули веревкой, чтобы посмотреть, не заминирован ли. Доставили его на наши позиции. Он постоянно терял сознание. Лежит на боку, потом на пять минут отрубается, снова очухивается и стонет. Доставили в штаб, допросили.

Был у нас разведчик-пацан, его все наши знают - тоже был в этом бою подстрелен в ногу. Бой уже практически заканчивается, но мы этого не знали на тот момент. И он прыгает на одной ноге. Вторая у него вообще не работает. Прыгает, и все говорит: «Че, когда штурмовать-то их будем?! Давайте штурманем!» Какой, блин, тебе штурм?! У тебя нога одна! А он говорит: «Да я на одной ноге буду прыгать!» А второй разведос был в руку ранен, и ходил тоже такой, с РПК в другой руке. А простреленная рука висит. «Я, - говорит, - буду топить «до талого», я не остановлюсь». То есть, рвались вперед. Отчаянные парни, вообще. Лютые.

Об игиловцах

Духи оборонялись, как самые настоящие фанатики. До последней капли крови. Как раз перед маленьким заводом мы брали духовские укрепления сразу после хребта. Один дух – он был ранен, не знаю, может раз 10 уже раненый, боеприпасов у него не осталось. Молодой, лицо было не тронуто – лет 15-16 ему было. И, когда мои пацаны подбежали к нему, хотели его осмотреть, он в этот момент открыл глаза и разжал руки с двумя гранатами. Подорвал себя, пытаюсь забрать остальных. Но пацаны вовремя отпрыгнули за горку, поэтому из моих людей никто не пострадал. Но этот момент я запомнил.

Понимаешь, сколько раз я в Чечне сталкивался с духами – так там они будут у тебя в ногах валяться. Я не имею в виду чеченцев. Тогда в Чечне очень много наёмников попадалось: тех же самых узбеков, таджиков, негров там всяких – сенегальцев. Эти будут до последнего валяться у тебя в ногах, просить о пощаде, деньги предлагать, и так далее. Но в Сирии я с таким ни разу не столкнулся: игилоиды были фанатиками своего дела, шли до последнего в атаку, в обороне сидели до последней капли крови.

И что самое главное – большая часть были совсем молодые. Всех, кого оставляли в безнадёжных атаках на позициях – они все были молодые. Стариков там не было. 15 лет, 16 лет. Не могу сказать, что их там были орды, полчища – в Шаирскую кампанию их было немного,

где-то 50 человек, где 30, где 70 человек. В масштабах это не много, в принципе. Но сражались они достаточно хорошо.

Могу сказать одно: нам попался достойный противник. А вот сирийцы, которые с нами бегали в атаку – это были недостойные люди. Половина из них бросала автомат при атаке, сваливала в обратную сторону. А вот духи – это был реально достойный противник. После таких боев тебе ни разу не стыдно, что ты шёл против такого противника и победил его.

Кстати, именно поэтому лично я не позволял своим парням издеваться над трупами духов. Одно дело – забрать чего-нибудь из их снаряжения; тем более, что они до этого набрали много западного вооружения, обвеса, амуниции. Такое в бою может пригодиться. А вот резать труп на куски, ёрничать - нет. Я считаю, либо ты воин, и в честном и открытом бою берёшь себе трофей, либо ты стервятник и занимаешься хернёй. Это ниже собственного достоинства, так что своим людям я подобное запрещал.

Пальмирский тигр

Под Пальмирой в 17-м году стояли на одной позиции. Наши вперед ушли, а мы им тыл прикрывали – нашим подразделениям. Так вот, две горы было, внизу палатка наша, и на двух сопках два НП (наблюдательных пункта) – по обеим сторонам. Была ночь, мы с товарищем стоим в бывшем духовском импровизированном капонири – он такой большой, весь из камней сложен – и наблюдаем, чтобы духи не пошли. Наблюдаем, наблюдаем, вдруг товарищ говорит: «Посмотри в «теплек»! Что это такое?»

Темно было – хоть глаз выколи. Ни луны, ничего. Чуть дорогу видно. Раз, смотрю в «теплек» - а там прямо на дороге тигр стоит какой-то. Ну, кошка огромная, с таким полутораметровым хвостом. Стоит, а потом идет такая на нас. Я не знаю, откуда она здесь взялась. Я даже не думал, что в Сирии такие кошки есть. Я не знаю, как называется – просто она огромная. И тишина такая... Ни ветра не было, ничего. Мы смотрим-смотрим, и тут – раз – тигр этот пропадает с экрана.

Я командиру сообщаю: «Тут кошка здоровая шарится. Если что, стрелять можно?» Он говорит: «Ну, если кинется – стреляйте!» Я передернул затвор, стою, смотрю, где она. Ее нет, нет... И тут товарищ мой высунулся, и мне показывает: она под капонириом сидит. Как домашняя. И смотрит прямо на нас. А ее только в «теплек» видно. И чего с ней делать – не знаю. Жалко убивать-то.

Нас она осмотрела, и вниз пошла – к палатке. Я пацанам по рации говорю: «Вы сидите в палатке, не высывайтесь. А она спустилась к палатке, ходит чего-то ищет. Еду, может, искала – на этом месте духи

много вещей и еды побросали. Пацаны такие: «Ну чего? Она ушла?» Я говорю: «Нет, возле палатки она. Видно в «тепляк». Пацаны потом сказали, что ее возле палатки вообще не было слышно. Походила вокруг, походила – и ушла.

Есть грустные моменты, а есть жизненные какие-то... Запоминающиеся. Допустим, как мы захватили духовский укрепрайон. Мы туда первыми заскочили, потому что остальным лучше было не ходить - перед укрепом минное поле было. Мы туда зашли отделением своим, распределились. А духи только-только свалили оттуда, и у них там стоит кастрюля. Мы жрать хотим ужасно – а у них там картошка вареная в мундирах, рыбка. Еще теплые.

Мы походили по укрепу, - вроде все чисто, не успели заминировать. И прямо там, где они сидели, мы костер разожгли, поставили чайник, подогрели картошку. Сели на места, где они сидели, достали у них там варенье. Вот чего запомнилось – финиковое варенье. Очень вкусное. Это даже не варенье, а пастила, что-то такое прессованное. Там же не было в доступности магазинов, поэтому настолько это для нас было неожиданно и вкусно.

По завершение трапезы я такой воскликнул: «Спасибо товарищам игиловцам! Очень вкусное варенье!» Все поржали...

Мистический случай был один, когда нам ЗУшку заПТУРили. С утра собрались пожрать, искали сухпайки. Наши говорят – посмотрите в ЗУшке, там еще есть. Залезаем на борт, смотрим, - нету. Спрыгнули, отходим за «Урал» - и в этот момент аккуратно в ту самую ЗУшку прилетает ПТУР Буквально бы полминуты – и все мы были бы «двухсотыми». Повезло. Как говорят сирийцы, «Иншалла».

Аэропорт. Пулеметная дуэль

Вечер, в первый день штурм не получился, закончился. Подошли вплотную – и, получается, со стороны противника пулеметчик, и с нашей стороны пулеметчик. Еще светло, стоим и наблюдаем эту вот дуэль пулеметчиков. Они минут 20 стрелялись. Тишина по всему фронту, а они вдвоем пытались друг дружку перестрелять. Ну вот такой перерыв получился, что все сидят – кто заряжается, кто чинится. В итоге пулеметчики стрелялись где-то минут 15-20, и наш противника все же положил.

Мы шли на Пальмиру с первым отрядом. Первый отряд пошел через высоту 939, мы вместе поднялись, поняли, что технику провести нельзя – и повели в обход 939 выводить всю технику. За день. Там все огневые средства... Фактически, мы за день давали такой крюк, что сам «Ратибор», командир первого отряда, нам сказал, что мы красавчики.

И мы вот с «копейкой» на Пальмиру выходили, сначала на подстанцию, а потом с подстанции до школы. И вот от школы мы пошли через сады тогда на аэропорт. Там бой завязался вечером на краю. Пара прилетов было. Вот этот маршрут мы весь пробили, весь прошли, по дороге все, что было, снимали. «Ратибор» был доволен. Наверное, ни один командир отряда про мою группу плохого не сказал. Мы со всеми поработали – никто ничего плохого никогда не говорил, потому что пацаны выкладывались по полной. Ноги прямо в кровь стерты у всех. Дистанции большие.

Я потом стоял в том самом ангаре на аэродроме, где танк жжёный на фотографии попал. А сирийцы заехали на аэродром на машине, и поставили свои палатки – ну прямо как цирк шапито, по кругу. Как по ним пушка начала долбить – они там все переполошились и сразу убежали. Одна только наша пушка работала – Д-30 стояла. Вот они отбивались, а эти все свалили – бросили свои пушки.

Мы все конечно, поржали над ними, над всем этим цирком. Мы там ночью сидели без света, без ничего. Потому что светомаскировка, это ж спалят сразу – вдарят и п***ц. А у этих всё горит, там, моргает. Я думаю – на кой черт вы этот палаточный цирк поставили? Ну вот чего забавного? Забавного-то нету. Люди гибли.

Мина из камня

Самая изобретательная СВУ у боевичья – камень, который мы крайний раз находили. Там провода лакированные. А когда эти провода лакированы, они как человеческий волос. То есть, «плюс» и «минус» обычные. И вот эти микрозамыкатели, которые из консервной банки сделаны... Ну, не из консервной, - из жестяной. Его практически не было видно. Просто как паутинка такая вокруг этого камня, спиралевидная. Либо она через дорогу лежала и под цвет асфальта балончиком покрашена. Даже проходя пешком, ты можешь наступить. Не говоря уже о том, что техника пройдет, наедет - и сбоку фугас сработает. И все... Мало того – у духов в тылу находилось мелкосерийное производство. То есть, у них целые мини-заводы были по изготовлению всего этого. В этом отношении они, конечно, молодцы как изобретатели.

Никогда не нужно недооценивать противника. У них, конечно, и духовитые свои люди, и профессионалы свои есть. Достаточно опытные, видать, там люди работали.

И сами мы изобретали. И таких изобретений не одно. Вот машинку первую на пульте управления - машинку купили, а я сделал панцирь. А за ней прицепили мы грабли. Панцирь я спроектировал в 17-м году за одну ночь: утром быстро распилил металл, сделали металли-

ческий панцирь и две «корзинки» сбоку под мины. А потом ребята грабельки доделали. Собственно, зачем – когда машинку запускали вперед, она с помощью грабелек поднимала грунт и демаскировала «нажимник» на маршруте следования подразделения. И после этой машинки пободрее идти было. Потом уже на эти машинки ребята начали навешивать мины на управлении – дистанционные. Тоже их использовали. Потом к этим машинкам приделали камеры. Ну а прототип я, считай, сделал. Потом гранатомет приделали на машинку. С камерой. У нас там есть такие саперы, их называют «фиксики». Они паяют, все делают. Вот ребята делали на машинке гранатомет на пульте управления: вверх-вниз подымается, ставился либо РПО, либо РШГ.

Потом «Шмели» на управлении делали. На треноге. Потом что еще сделали - «Утес» на пульте управления. Но так его потом и не применили. Мы его сделали, спроектировали, ребята сделали пульт управления, я там тоже поварил металл. То есть, он вправо-влево поворачивался, вверх-вниз. У нас «фиксики» делали систему управления, а я механику делал, в основном. Я в электронике не очень, а вот в механике использовал свои навыки. Я понимаю, как вот так сделать и так сделать, поварить, чтобы все это работало, крутилось, вертелось. А там уже спусковой механизм сделал из стеклоподъемника. Он прокручивался и выдавал короткую очередь. А ребята уже сделали пульт управления – с больших машинок брали, перепаивали, переделывали. Ну, достаточно много плюсов было. Машинка стоила 30 тысяч рублей, а миноискатель минобороновский – 300 тысяч. Ну, в этом соотношении, как говорится, голь на выдумки хитра – поэтому старались выкручиваться как могли.

Змей Горыныч

Еще вот как-то момент был, когда мы пошли помогать за Пальмиру. Была операция, командовали наши армейцы, а исполнители были местные и ливанский взвод. Там впереди были укрепления, и они не могли их взять, потому что перед ним было большое минное поле. А у нас «Змей Горыныч» установили на ГАЗ... И я договорился с армейцами (а там дистанция была километров пять): когда ливанцы выдвинутся, вы с минометов накидывайте по укрепу. Чем ближе они будут подходить, тем вы больше начинайте частить, чтобы противник головы не могли поднять, чтобы мы могли выстрелить из «Змея Горыныча» и тропу сделать под технику и личный состав.

Ну, взяли они у меня дистанции все... Но в итоге ошиблись в дистанциях очень сильно. И мы, уже дойдя туда, поняли, что не доходим, надо ближе подходить. Ну, с этой УРКой, фактически, одно по-

падание - вес полторы тонны, считай, от нас бы там вообще ничего не осталось. Там просто была бы гигантская воронка. В общем, уже начинается потихоньку стрелковый бой. Ливанцев нам дали взвод, по-русски не говорят ни бельмеса вообще, а ими командовать нужно. И вот мы выходим на дистанцию выстрела из УРК, а там еще надо километр пройти. Проходим еще километр, уже оттуда – со стороны противника полетел то ли ПТУР, то ли из СПГ-9. Рядом с машиной легло. УРКу развернули, с горем пополам запустили. А старое все - техника со складов.

ПРИМЕЧАНИЕ: система представляет собой пусковую установку и многометровый рукав, наполненный взрывной смесью. Суть применения системы: машина производит выстрел таким рукавом, рукав падает на заминированную площадь, производится подрыв рукава, вследствие чего детонируют все взрывные устройства, установленные в грунте на дистанции в несколько десятков метров.

В общем, выстрелили. Ливанцы кинулись в атаку – а они ж не знают, что такое УРКа! Это ж смертельно опасно! В общем, «Горыныч» лег на землю, а ливанцы рядом с этими кишками легли. И, в общем, в клочья разорвало половину личного состава ливанского взвода. От них даже пыли не осталось. Но мы задачу выполнили, армейцам все облегчили и фактически за них сделали их работу. В очередной раз.



ЛИПЕЦК

В Липецке жесть началась практически сразу, скажем так. Это была жесточайшая война, но наши ребята стояли очень стойко, учитывая даже постоянную нехватку тяжёлого вооружения. Ну и, естественно, задачи стояли самые тяжелые, с самого начала.

С борта самолета нас сразу кинули на передовую. Первые тяжёлые бои начались в сентябре 19-го. У меня были 4 друга, мы все вместе на «Утесах» сидели, два по три человека.

По стечению обстоятельств все мои ребята остались на одном рубеже, бой начался. Был плотный, интенсивный бой, ребята вели огонь с «Утеса», подбили три броневика противника. Тут нам поступила команда – над нашей территорией маячит дрон противника, надо быть внимательней. Тем не менее, пацаны продолжали бой, невзирая на последствия – и дрон, короче, одной ракетой весь расчет уничтожил. Всех, четырех пацанов накрыло. Это были все мои друзья.

С другого фланга тоже шел бой, тоже работали дроны противника, и тоже долбили очень сильно. Я выехал за боеприпасами, старшина послал на машине. Выехал с товарищем. Поехали на склад и ушли чуть вперед на перекресток, вернулись на склад за БК. В этот момент

дрон нас выследил, и уже когда мы полностью загрузили машину ящиками с боеприпасами, дрон выстрелил. Тоже прямое попадание, но в этот момент я буквально за 3-4 секунды с машины соскочил – последний ящик некому было загружать. Я соскочил с машины, зашёл на склад, и тут произошел взрыв. Нас тогда всех ударной волной снесло к стене, БК начал взрываться, но мы чудом уцелели. Правда, старшина, когда его по рации его спросили – живые есть или нет – сказал, что все «двухсотые» и что, когда боеприпасы догорят, он будет собирать нас, ну или все, что от нас осталось. Но на его удивление все мы остались целы.

Собрался лететь коллектив в 30 человек. Кто в разведзвезде был, кто в основном. И всё, получается, прилетели в Сирию – а нам на месте говорят переодеться на взлётной полосе в сирийскую форму и загружаться в самолет.

— Теперь летите на новое направление – в «Липецк», – нам говорят.

Мы даже не знали, куда летели. Может командир знал – но мы не знали. Одели их форму, смеёмся друг другу – непривычная форма, узко всё. Поугорали немного – и загрузились.

Прилетели на Х. – сразу автобус подъехал, чтобы нас никто не видел, оттуда доехали до базы. Оружие получили, и нас в 6-й отряд засунули – резервный взвод сделали из нас. Ну, из разведки. И всё, через день нас перекинули в Т..

Ехали колонной. Сначала на Д. перекинули, а оттуда уже машинами в Т.. Пикапы новые там были – 18 пикапов, или что-то около того. Едем себе спокойно – и тут, не доезжая километров 40, по нам отрабатал дрон. «Байрактар». Вот тогда мы впервые поняли, что это такое. До этого не связывались с такими вещами. Все, сразу кипиш поднялся, мы подобрали одного нашего «трехсотого» и дернули через пустыню.

Ротация духов и не случившаяся кража ворот

На дворе конец февраля – начало марта. Раннее утро, птички поют. Я выхожу из дома, где мы жили, подышать свежим воздухом. Вышел на территорию, потягиваюсь, чищу апельсин. И тут смотрю – подъезжает машина, пикап. В машине сидят какие-то чернорободые, неизвестные. Мы сначала подумали, что подъехали арабы, союзники – мы тогда стояли вместе с ними.

Стою, смотрю на них. Кушаю апельсин. И тут эти люди вылезают спокойно из пикапа – и начинают снимать у нас ворота. Я даже охренел от такой наглости.

— Уроды, вы что творите? А ну-ка пошли вон отсюда! – кричу я.

Ответа не последовало. Чернорободые удивленно уставились на

меня, после чего один из них вскидывает автомат. Я только и успел упасть на задницу и заползти за угол. Стрелок дал очередь. Пули со свистом пролетели у меня над головой – благо, что остался живой. Что было дальше, не скажу, но как вы понимаете, ворота мы отстояли.

Спустя некоторое время мы выяснили, что это был за заезд. Оказалось, что у духов, которые стояли напротив нас, произошла ротация – народ новый прибывал на позиции к духам примерно раз в два месяца. И, собственно, то ли новоприбывшим не объясняли, кто перед ними находится, то ли духи и сами не знали, где стоим мы, а где садыки. В любом случае, новый состав решил поехать по окрестностям в поиске целей для мародёрства – и в итоге приехал к нашему домику.

Дерзкая турецкая БМП

Вот такой еще прикол был. Между нашими позициями и логовом духов было примерно метров 300. На этом расстоянии стояли душманские «фишки» - наблюдательные опорные пункты. А от нашего дома до дороги было где-то 200 метров. По ней никогда никто не ездил, потому что там обстрел шел непрерывно, причем как с нашей стороны, так со стороны духов.

В один из дней я находился в нашей «фишке» на посту, вместе с напарником. Все вроде относительно тихо-спокойно. И тут слышим с товарищем - раздаётся рёв мотора, чем-то похожий на мотоциклетный. У меня напарник говорит, мол, смотрит в бинокль – а понять ничего не может. Я слышу звук, но понять не могу, где едет. Вроде близко, а где, по какой дороге – непонятно.

Убираем бинокль, и тут видим – сзади, по неиспользуемой никем дороге, едет на скорости 70-80 км/ч какая-то турецкая БМП на гусеницах. И причем так нагло, так быстро. Самое интересное, что БМПшка поехала сначала в одну сторону, потом развернулась в другую. Два раза – туда-сюда. То ли заблудились, то ли адреналин разыгрался.

Времени рассуждать не было. Мы сразу вышли на крышу, произвели два выстрела с РПГ – промазали. Не хватило буквально пару метров – обе гранаты пролетели над БМПшкой. Мы стреляли с пулемёта, попадали по ней – потому что искры видели, но она благополучно уехала, не сумели мы её подбить. Но, конечно, такой наглости мы не ожидали. Можно сказать, почти во двор заехали.

Крыша в хвостовиках

Про боевые действия – каждый день обстрелы, миномёты, безоткатные орудия. Мы, когда заехали, у нас дом был целенький, четырёхэтаж-

ное здание. А когда мы уходили – у нас вся крыша была в хвостовиках неразорвавшихся мин, и вся восточная сторона была тоже в минах. Здание, где у нас пост находился, тоже было все пробитое. Третий этаж пытались пробить с гранатомета, но, благо, никто не пострадал – только контузия.

Вообще, отделение, где я находился, стояло на первом месте по контузиям. Из 8 человек 5 или 6 были с контузиями – в госпиталь отправили. Благо, что средняя, не тяжёлая, уши остались целые.

Что ещё? Миномёты прилетали... вернее снаряды. Когда они летят над головой, конечно, страшно. Когда начинается обстрел и корректируешь огонь, ориентировочно даёшь азимут, расстояние.

А самое пакостное – не то польский, не то австралийский миномет работал. Обычно, когда идёт стрельба с миномёта, ты слышишь выход мины - и приход, то есть взрыв. А когда работало это чудо техники, слышал только приход. Выхода вообще не было слышно - ни хлопка, ни звука. Самые мерзопакостные.

Когда над головой пролетает – страшновато, охота прям скукожиться. Там и свист, и шелест – смотря какой снаряд летит. Когда взрывается, там вообще не страшно. Взорвался, да и взорвался. Вот мы были с февраля по май в Т. – там привыкаешь. Но я думаю, что это плохая привычка, к разрывам. Например, когда спишь, начинается вдруг обстрел – а ты уже настолько привык, что уже рукой махаешь: «А-а-а-а... взрывается, не взрывается». Уже не обращаешь внимания. Мои ребята, кто ещё в Сирии воевал, говорят, что это самая плохая привычка. Потому что ты привыкаешь, машешь на всё рукой, и... да... от этого иногда бывают потери.

Рубилово со «спецназом» боевиков

Да, боевые действия у нас были. Раза два под Т. духи хотели прорваться, потому что до этого они прорвались между «семёркой» и «двойкой». Между этими отрядами стояли арабы, и духи об этом знали – и на этом рубеже позиции были прорваны. Потом наши затыкали эту дырку, тоже понесли там потери.

Так вот, когда на том рубеже духи прорвались они хотели пройти тоже таким же манёвром с нашей стороны. Но, судя по всему, они не знали, что там русские стояли. На нас напал, как нам потом сказали, какой-то местный спецназ. В итоге мы уничтожили бронированный пикап с установленным на нем крупнокалиберным пулеметом, положили, наверное, отделения два или три духов.

— А у них в отделении сколько?

— Ну, если так, навскидку, около 20-30 боевиков, где-то в таких пределах.

Сам бой тоже проходил смешно. Если честно, вся война – это и смех, и грех, как говорится. У нас ведь как было – стоял наш дом, потом от него шла кривая дорога, упиралась в асфальтированную трассу. И в этом месте дорога преграждалась железными воротами, которые были приоткрыты ровно настолько, чтобы могла проехать машина. Эти уроды решили прорваться через решетку нахрапом, решили заехать буквально к нам в огород. – они же, мол, на бронированной машине, ничего не боятся...

Мы их подпустили метров на 100, и с крыши подорвали с помощью РПГ. Потом она на автопилоте доехала уже до мины – мы же там заминировали всё, от греха подальше –, вторично подорвалась на mine и перевернулась. Водитель прямо там так и остался - его не смогли вытащить, и он сгорел. Соответственно, все остались на этой дороге.

Ночью духи пришли за своими. По ним никто не стрелял, потому что существовал негласный приказ о скорой помощи, гуманитарный. Типа, тех, кто приедет на такси забирать раненых, не трогать. Дали забрать всех раненых. Единственное, что у них один человек - офицер местного спецназа – был тяжело ранен, дополз до наших позиций, добрался кое-как до садика у одного из домов. Но там он подорвался на растяжке, потому что мы заранее это место заминировали.

Смерть друга и трудности войны

Нам повезло, что не было двухсотых. Но в боевых операциях ребята погибали во время обстрелов. Так у нас погиб мой друг, сапёр Саф. Он занимался разминированием территории, его, видимо, обнаружили, и миномётом накрыли. Это буквально за два дня перед нашей передислокацией случилось. Жалко очень - человек Донбасс прошёл, много знал, имел большой опыт.

Периодически духи выходили, постреливались. Один раз плотность огня по нашему дому была очень тяжёлая – духи стреляли, получается, с трёх ПК и одной зенитки. В результате пробили крышу и стены. Дискотека продолжалась буквально 10-15 минут – мы думали, потом будет атака, а её не было. Просто постреляли как будто.

— А что в этих действиях тебе не понравилось?

Не понравилось то, что приходилось таскать постоянно мешки с песком на четвёртый этаж. Знаем, что надо, но тяжело. Теперь я понимаю, как наши деды в войну воевали: рыли траншеи, укрепляли блиндажи. Тяжкий труд. Очень тяжкий. Каждый день песок тащить на четвёртый этаж, обкладывать стены, делать позиции. Там здоровее меня мужики были – никто не возмущался, но спины надорвали. Тяжело было, одним словом. Но зато, когда бой прошёл, наступало облегчение.

Бегство из госпиталя

Есть просто работа. Ты делаешь свою работу. Ты делаешь ее либо хорошо, либо плохо. Что касается меня – я свою работу делаю хорошо. Успел и в госпитале полежать с контузией - мина прилетела 120-ая, благо, что здание волной накрыло. Маленько там поблевал. Это нормально.

А вот когда был в госпитале – там стало страшно. От тишины. Потому что на войне ты уже привыкаешь к тому, что стреляют, свыкаешься с этим. А когда тебя привозят в мирное место - то попадаешь в совершенно другой мир. Тишина, свет, телевизор играет. Кормят там: салатиками, не салатиками. Попугай. Мне надо было капаться 5 дней – а я на второй день сбежал оттуда. Потому что обстановка давит, тишина давит. Меня она пугала. Когда приехал к доктору наш инструктор, я ему говорю: «Забирай меня отсюда. Я туда хочу, домой, к пацанам». Доктора посмеялись, дали с собой кучу таблеток и отпустили.

Когда приехал в расположение – поднялся на «фишку» на втором этаже. Когда по этажам поднимался, давление подскочило, голова раскалывается. Поднялся, посидел там. Единственный плюс был в том, что, когда укрепляли позиции, парни мешки таскали, а кто-то должен был на «фишке» остаться. Я не мог уйти, я не могу встать – по-этому остался на «фишке», смотрел за подступами.



Минометы и салют

На девятое мая решили устроить салют. Трассерами в небо, красиво было. И как выяснилось, у духов на позициях тоже славяне есть – они тоже салют устроили, а потом ударили по нам. После нашего салюта, получается, минут через 20 духи по нам из миномета огонь открыли. Ну так, несильно. Для приличия, так сказать.

Как работал противник

Мне понравилось, как духи стреляли. Они стреляют организованно, практически по схеме. Особенно под конец уже они приноровились. У них было четыре-пять точек, откуда они по нам постоянно вели огонь. Тактика была такая: приезжают духи на пикапе на точку, делали от четырех до шести выстрелов, и тут же уезжали на другую точку. Пока наши наводились, их там уже не было. И так благополучно они проезжали все свои пять точек. Поймать их было очень сложно.

Потом, один раз ночью в Т. я обратил внимание, как они из крупного калибра стреляли с горы. С правой стороны от нас находился не то холм высокий, не то пригорок. Там прям видно было в бинокль: два пикапа выкатились, разрядили по два магазина обычных и по магазину трассеров – потом спокойненько сели, не торопясь, и уехали. Били они не точно – так, насыпали не в нашу сторону, а в сторону «семерки», немного поодаль. Просто захотелось пострелять, видимо. Но мы все видели – вот две машины, вот человечки спокойно вышли, никуда не торопятся. Зарядились, отстрелялись и уехали безнаказанно.

Единственное, что не понравилось – то, что безнаказанно уехали. Потом мы этот пикап в ходе боя подбили. Я хотел в тот же день осмотреть пикап, но мне не дали – все простреливается. В итоге пошли смотреть на следующий день. Кровищи много было, потому что они там в два направления пытались прорваться. Но с собой были и бронежилеты, автоматов пару, разгрузки, бинты, всякого разного по мелочёвке. Нам сказали, что это был местный спецназ какой-то.

Как нам объяснили, командиры духов иногда проходят и нюхают стволы своих бойцов. У кого пахнет, значит, тот воевал, тот молодец. А у кого не пахнет – значит, не воевал, соответственно денег не платят. И вот они даже не сколько воют, сколько вытащат автомат в окошко к нам, два-три рожка выпустят – всё, я воин, дайте денег.

Снайпер там тоже один стрелял. Не хороший, а так – самоучка. Наша дорога выходила к ним по видимости, и с их стороны постоянно шел снайперский огонь. Оттуда дорога хорошо простреливается, как в тире – но практически всегда мимо, мы только бегаем, как ми-

шени. Судя по всему, дали человеку СВД – и нормально, пусть стреляет. Но то, как он стрелял... собственно, мы все живые остались. Если бы это был подготовленный боец, хороший снайпер, у нас бы были большие неприятности. Но чтобы не искушать судьбу, наши добрые парни ориентировочно закидали окошко, откуда он мог стрелять, с АГС. С тех пор больше никто не появлялся.

Были бойцы у них и хорошие. У нас одному «затрехсотили» – снайпер в бойницу выстрелил, одного в руку подбил. Так, ничего страшного, рука целая – только мясо попортил. Но проблема в том, что все знают – на помощь раненному бойцу пойдут другие. И поэтому снайпера специально делали «трехсотых», чтобы остальные его вытаскивали.

По застройкам работать было тяжело. Очень сильно дезориентирует расстояние. Если смотреть со своего поста, расстояние кажется маленьким – от сюда до туда. А когда уже смотрели на снимки, которые наши с коптера – оказалось, что там огромное расстояние, все сплошь открытое. И дома стоят совершенно не в тех местах, как ты их видишь визуально: один ближе, другой дальше.

Влияние гашиша на боевые действия

Ротации у духов, проходили каждое 15-го число, примерно. Это всегда было слышно. После ротации они все употребляли гашиш и все начинали стрелять – показывали, что они воины. Это мы уже определяли: так, стрельба началась, понятно – 15-е? 15-е! Проходит два дня – тишина. Гашиш закончился. Вот только поэтому можно было узнавать.

— А употребление наркотиков влияло на действия боевиков?

— На бой не влияло, зато влияло на стрельбу. Они не косили, не мазили, они просто не стреляли прицельно. Допустим вышли – сколько у них есть магазинов, либо в воздух, либо в здание куда-нибудь. Всё. У них не было конкретной цели куда стрелять: по бойницам, ещё что-то. У них главное – магазины все расстрелять, выпустить БК.

Кружочки от вражеских выстрелов

Были, конечно, индивидуумы, которые прицельно били по бойницам. И к нам залетало, и когда я стоял, тоже залетало там. И друзья мои, близкие стояли, тоже били – несколько раз залетало. И рядышком были у нас тоже, в соседние комнаты. Туда прям снайпер один бил периодически – в стенках были внушительные вмятины, сквозные дырки. Я их потом начал обводить кружочком и писать число и время. Так, ориентировочно зашёл, увидел новую дырочку – обвёл

кружочком, дату написал. У меня в той комнате была вся стенка исписана. Зато потом знаешь, когда какая дырочка была – и примерно понимаешь, откуда ведется огонь.

На посту стоял однажды, ночью, на четвертом этаже. И тоже, снайперы простреливали этажи – и прямо у меня над головой пуля в стенку воткнулась. У меня аж волосы под шапкой зашевелились, аж почувствовал тепло от пули. Думаю, надо спустится на этаж ниже, с четвертого на третий спустился – вроде нормально. А потом смотрю – там шахта лифта была, и видно было, как по этажам долбит, простреливает лестничные пролеты.

Полигон для экспериментов

Два раза дождик там был, запомнилось. А больше всего мне нравилось утро – примерно с 8-и до 9-и часов. Сидишь – прохладно, тишина, вообще ни одного звука. Птички поют. Как будто нет войны, вообще красота. Даже собаки не лают. Смотришь: голубое небо, птички летают, что еще для счастья надо? Прямо обожал в это время на «фишке» стоять. Сидишь такой, мечтаешь.

Но, в основном работа как работа. Единственное, что иногда мысли дурные посещали. Когда обстрел идет минометный: бахают, бахают, бахают, бахают, в дома прилетает, туда прилетает, осколки сыплются. Думаешь: «Ё-моё, когда ж ты сдохнешь?». Конечно, так нельзя делать, но мысли такие были, посещали. Хотелось в такие минуты собрать парней и пойти в атаку, ударить по духам – и уже там, во время боя, погибнуть. Потому что думаешь: вот прилетит мина, бахнет – а что ты сделаешь? Ничего не сделаешь. А так хоть кого-нибудь из духов за собой на тот свет утащишь.

— Многие называют эту войну высокотехнологичной, и было то, чего не было.

— Самый опасный враг – это «Байрактары». Под ними страшно, да. Я не застал то время, но люди рассказывали, что раньше они охотились за нашими группами. Обычно группу собирают в пять человек, три человека минимум. А потом «Байрактары» стали охотиться даже за одиночками. Ты его не видишь, а высокоточное оружие в форточку может залететь. Потом нам говорили, что многие страны там испытывают своё новое оружие. Те же «Байрактары».



«ОПАСНОСТЬ – ТЕПЕРЬ НАША РАБОТА»

Акербат на тот момент считался районом, где очень плотно концентрировался противник. То есть это огромный район сосредоточения противника. С этого направления боевики могли двигаться вообще в любом направлении – в сторону Хомса, в направлении Шаирских полей, в южном направлении, в направлении дороги, которая соединяет Пальмиру и Хомс. То есть это в принципе был стратегически важный населенный пункт: там очень плотная застройка, в которой удобно прятаться, жить и т.д.

Начинали мы в «шестёрке». Поначалу нас выставили на опорники на охране Шаира. Месяца три мы там стояли, менялись периодически с «копейкой» и с сирийцами. И буквально, как только мы пацанов с «копейки» поменяли, они нам докладывают обстановку. «Ой, там все спокойно, все хорошо», – говорят нам.

Сразу всё пошло по жесткому. Сперва шахид прорывался на машине, пытался прорваться. Его сириец один снял с гранатомета. Шахид, видимо, хотел доехать до штаба сирийцев – но в итоге не доехал и его с граника снес сириец. Там хороший разрыв такой был, машину просто на молекулы разорвало. И с тех пор понеслось.

Был такой момент. Когда мы накатали дорогу между нашими позициями и позициями союзников, то на небольшом удалении от дороги нашли типа схрона. Даже не схрона – а целого бункера. Очень глубокий бункер был, глубиной до 15 метров. Он был хорошо обо-

рудован: несколько входов и было видно, что оттуда боевики повыбегали и побросали разгрузки с БК, спальники, одежду. В одном из мешков были свежие финики. Была выносная антенна наружу, даже окна прорубили. Внутри, как мы смогли рассмотреть, даже два мотоцикла новеньких были брошены. Но вниз мы не пошли: хрен его знает, что они там могли оставить, можно было там просто-напросто взорваться и не выбраться. Просто вокруг досмотрели, и все.

Ну и когда я был в штабе у сирийцев, прибыла группа ССО. Я им и говорю: «Пацаны, тут рядом, буквально в километре есть схрон. Вам это зачтется, для вас есть работа. Съездите, посмотрите, место хорошее, территория никем не контролируемая, и противник может ее втихаря использовать. Запустить оттуда квадрокоптеры, вести разведку, либо сбрасывать с этого квадрокоптера взрывоопасные предметы». Те говорят: «Не, не поедем мы туда, это опасно». Я им: «Опасность же — это ваша работа?»

Те ничего не ответили. Видимо, теперь опасность — это наша работа.

Сначала мы на Акербат двинулись, шли где-то полмесяца, наверно. Сначала по горам шли, выкуривали духов из их нор. На самом деле, у них там были шикарные укрепления — духи вырывали чуть ли не дворец под землей. Очень интересно вход был на одном опорнике сделан — с блиндажа, а выход где-то вдали. И при этом потолки в таких катакомбах высокие — метра три. То есть, кажется, что заходишь в небольшую лазейку, спускаешься-спускаешься — а внутри огромная пещера. До нас эту пещеру чистил другой взвод, отделение Вектора чистило — с большими потерями, сам Вектор тоже погиб.

Дальше были небольшие стычки, когда с духами рубились. На Акербате были моменты, когда нас на горе не подпускали. Со всех сторон стреляли — не видно же ничего, когда и откуда они стреляют. Они за камнями прячутся, и у тебя все сливается перед глазами. Нам командир кричал: «Давай, пацаны, вперед!» — а там вылезти невозможно было. Только голову поднимаешь, и сразу пули свистят над головой. Короче, думаем, идти вперед — не вариант. Мы с командиром первого отделения посоветовались и пошли в обход холма. В итоге у нас двое отличились тогда, они первые выскочили на гору, Змей покойный и с ним еще один человек был, он тяжелый был «трехсотый». Они первые выскочили на гору, там в упор расстреляли одного духа. Потом получилось так, что там, на высоте, еще один пулеметчик клина поймал — у него не «Утес», а типа «Дашки» (ДШК) китайской было, и этот китайский ДШК у него в самый критичный момент заклинило. Если бы он не поймал клина, то нам бы вообще всем пришлось несладко.

Когда взяли высоту, смотрим вниз — а там по склону 8 человек отхо-

дят. Мы еще не поняли — у них комки (форма), как у нас по цвету. Мы еще пытались выйти по рации, наши — не наши. Но пока выходили, уже поняли, что не наши.

Экипаж танка с нами стоял. Мы ему семафорим, чтобы по отходившим духам долбил. Он начинает по ним стрелять, и двоих цепляет. Вообще, тогда много пацанов отличились.

«Секретный прибор 4-го поколения»

С Акербатом тоже было интересно. Там собиравали хлопцы вражеское вооружение — боеприпасы, взрывчатые вещества, самоделки, в общем все что есть — и поставили в сарай. Там стояла такая кошара (загон для скота, типа хлева) внизу, она получается, как аппендицит, и в самой кошаре все заминировали. Поставили на «ножевики», чтобы, если зайдет группа противника, они не ушли оттуда. Противник все время пытался нас прощупывать, и слева, и справа, и с фланга. Снайпера начали отстреливать боевиков, но им не позволяла дальность. 1400-1500 метров, работали с АСВК и с «Манлихеров». Они же знали наверняка, что там у нас работали инженеры, у них же наблюдатели тоже есть — но, не знаю, зачем, они пошли на эту кошару. В итоге взрыв был такой, что я думал, будто ядерная бомба взорвалась. Грибок вырос, все как положено. Из крупных фрагментов остались лишь небольшие куски одежды — группу из 10 боевиков буквально распылило на мелкие запчасти. Наши-то ставили закладку на всякий случай, а вон как, пригодилось. Видать, по запарке решили обойти нас с фланга — и напоролись.

Второй случай на том же месте. Духи жили в норах и по утрам спальники вытряхивали — так мы узнавали, где тайные вылазки есть. Выдвинулась малая группа в количестве 4 человек, чтобы прощупать духов. Работали снайперы, и с нашего подразделения хлопчик — он работал с «ночника» армейского, потом ему дали позывной «секретный прибор тепловизионный 4-го поколения». Везде третье, а у него четвертое — сейчас расскажу, почему.

Расстояние было примерно 500 метров. Я на тот момент занимал должность командира отделения, и хлопек с «ночником» мне говорит: «Наблюдаю цель, пулеметчик, расстояние 500 метров». Это на максималке, что можно из ночника вытянуть. Говорит — Дай, я выстрелю, только упор сделаю. Я ему говорю: «Ну давай».

Выстрелил и, говорит, попал. Мы ему не поверили — но потом, когда пришли с досмотром места боя, удостоверились, что точно попал. Пуля прошла сквозь сошку, зашло в руки — дух там же и умер, его приятели позабирали личные вещи и ушли.

Равнина под Акербатом голая была, — ни камушка. Нигде не спря-

чешься. Штурмовали мы тогда одну сопочку, и хорошо, что был ветер сильный - по нам работал снайпер, и пули его ветром сносило в сторону. Лежишь, по нему работаешь, он по тебе «дан, дан» - ну ничего не сделаешь, никуда не спрячешься. И вот этот снайпер чего-то начал работать по мне. Я уж думал: ну все, приехали, щас он меня застрелит. Раз, наверное, семь или восемь он так по мне работал. Я уж там в один момент даже мертвым прикинулся: ежу, не двигаюсь, - может, подумает, что убил. А он все работает и работает.

Я уж думаю: «Да етить твою мать, переключись ты на кого-нибудь другого, что ли... Почему ты по мне именно стреляешь?!» А потом назад смотрю - а позади меня лежит тоже снайпер. За мной спрятался, зараза - и что самое главное, надел на себя отражающие очки, они блестят и выдают всю позицию. Я ему и семафору: «уйди отсюда!» Короче, он перебежал к другому бойцу, а за ним и дух начал по другому бойцу работать. Ну, - думаю, - ништяк, хоть отдохну немного.



«ДЯДЕНЬКА, А ВЫ С НАМИ ЗАВТРА ПОЙДЕТЕ НА ВОЙНУ?»

Одна из ситуаций, во время штурма Попасной в частном секторе мы попали в огневой контакт с противником, были зажаты возле частного дома. Справа и слева шел контакт, мы не могли вылезти. Пути подхода к этому дому противник тоже простреливал. Мы оказались в небольшом огневом мешке.

Погода была жаркая, из припасов у нас только БК с собой был, ни воды, ничего, быстро все закончилось. Нас спас подвал частного дома, там были разнообразные холодные напитки и безалкогольные.

Просидев возле этого дома, постоянно вступая в контакт с противником, около 3-4 часов, мы решили продвигаться вперед. Оставаться на этом месте у нас вариантов не было. Нас по вечерним сумеркам расстреляли бы, зажали бы с РПГ. Пришлось принять решение расстреливать противника с труб. Дистанция рабочая была около метров 25, не более. Трубы - это РПГ-30, это 26, все одноразовые.

Первый дом красиво я закинул прямо в окно, дом классически в два раза увеличился и сложился, огонь с того места, как нам показалось, прекратился. Второй выстрел был сделан в правую сторо-

ну, тоже противник оттуда вел огонь. При чем получилось так, что мы в дом выстрельнули, я шибанул туда с трубы, а оттуда вылезает тело и начинает шмалять. Ему было пофиг, что над ним все горит уже, дом вспыхнул. Товарищ меня в обратку, огнем друг друга прикрыли и вроде уползли.

В это время справа пошли казаки вместе с морпехами. Они где-то метров 40 до нас не дошли, встали. Нам было скучно, у нас был приказ вперед не идти, но мы его немного послушались и пошли вперед, потому что нам было скучно, реально. Перешли дорогу под огнем противника, поджались под другой дом уже на другой стороне улицы. Мы думали, что противник в том доме, который мы первый уничтожили, что там всё.

Потом мы поняли, что этот дом у них находился каккрытие, сама огневая позиция у них была за домом, пробита через окна. Они примерно знали, где мы, а мы просто лупим в дом. А им как бы ноль эмоций. Пришлось зажаться, к нам все-таки подошли федералы, мы их прикрыли. Подползли ближе, нужно было идти вперед. Как идти вперед — мы не знаем, там постоянно огневой контакт. Только вылазим — по нам огонь ведется. Не можем понять.

А тут получился маленький момент: у одного из мертвых укропов радиостанцию нашли, ихняя балалайка. Местного казачка за шиворот, говорим: «Братан, давайка на радейку, выйди и по-украински скажи, что там, мол я раненый, нужна помощь». Пусть вылезут хотя бы, мы хоть пойдем, откуда они вылезут. Он по балалайке сказал, все хорошо, говорит «хлопцы, помираю, спасайте». Мы ждем, стоим, думаем не прокатит.

И тут из всех щелей, как в лучших фильмах «Властелин колец», начинают вылезать укропы. Их просто орда вылезает, мы смотрим и не понимаем, откуда их столько взялось. Пришлось немного пострелять, мы, конечно, охерели, федералы тоже, там пацаны молодые, они сразу после срочки туда попали. Пришлось идти вперед, мы пошли вдвоем со своим напарником из нашей компании. Мы уже пропустили противника, и он оказался от нас где-то в десяти метрах. Просто из окопа две головы вылезают и начинают по нам стрелять из ПК и автомата. Как мы остались в живых, я вообще не понимаю.

Мы просто пластом, казачок еще один с нами был. Наш общий товарищ решил туда закинуть гранатку, он встал, огнем его прикрыли, подходит аккуратно к окопу. Происходит выстрел из окопа, прямо в лоб нашему напарнику. Я думаю, ну все. Затаскиваю его, переворачиваю, каска вся вздутая, а у него нет даже сотрясения. Он просто охуевший лежит и говорит: «Я его нахуй заебашу».

Он возвращается обратно в сарай с РПК садится и начинает его высматривать. Проходит минут 20, тело с окопа выстреливает, он так

выходит и стреляет. Слышим звук «дзынь», как об каску. И наш товарищ говорит: «Каску, блять, не трогать, она моя». Мы там лежали все. Вроде как-то мы пытались их зажать, с труб их долбили. Но там был командир взвода и командир роты. Майор и старлей там сидели. Одного вот он в башню заебашил, а второй отстреливался до последнего. Он там весь был перебинтованный, нутро, когда уже истек.

Мы понимаем, что уже темнеет, нам надо располагаться, потому что ночью идти куда-то не вариант. К нам подходит федерал: «Дяденька, а вы с нами завтра пойдете на войну?». А у нас командование выходит наше на связь, спрашивает «вы где?». Мы отвечаем, что у себя на позициях. «А чего у вас стреляют?». Мы говорим, что это у соседей там стреляют, а мы чай сидим пьем, у нас же приказ никуда не ходить, мы сидим, расслабляемся.

Самый прикол в том, что у нас что казаки, что федералы, я говорю про тех федералов, которые на тот момент были, в большинстве своем не понимали, что вообще делать нужно. Куда идти, что делать, никакой взаимосвязи. Они не могли даже со своими связаться. Они просили у нас радиостанцию, дайте мы со своими свяжемся напрямую. Хотя через ваши станции со своим командованием, у них есть ваши радиостанции, мы с ними свяжемся. То есть это была полная неразбериха, куда им идти, что им делать.

Они чуть дом не уничтожили, куда мы должны были заходить. Мы в этот дом уже заходим, буквально минут 10 и мы бы зашли туда. И они туда удар из двух труб. «А вы зачем туда стреляли?». Отвечают: «Ну мы подумали, что там противник». То есть взаимосвязи не было.

Что самое запоминающееся?

Это когда меня затрехотило. Когда мы шли на железнодорожное депо, я вылез из-за двери, у меня РПГ взорвалась между ног, я в сторону улетел. Думал, что все, 200. Да вроде бы контузило. Меня увели в безопасное место и тут же туда прилет. То есть контузило дважды. Скрючило, броник не могли снять. Придерживали, шел. Я на четвереньках дополз до ополчуг, в пятиэтажку. Они на меня смотрят, я на четвереньках ползу, они спрашивают «Ты кто?», я говорю: «Свой». Они забрали к себе.

На меня еще гараж обвалился. Был компрессионный ушиб и контузия. Контузия за три дня прошла, а с позвоночником пришлось в больницу ехать, на Россию отправили. Я сначала в Луганске отлежал, потом решил вернуться, вернулся обратно в отряд, ну меня накрыло обратно, потому что в Луганске врачи неправильно залечили, точнее они просто не лечили. Только уколы ставили, а Москве уже

серьезнее лечение было.

В конторе я с 2020 года. Ну еще с 2014 года был добровольцем на Донбассе, тут мне все знакомо.



НЕФТЯНЫЕ ОКОПЫ

Они (сирийцы — Прим. ред.) с духами там давно воевали. У них серая зона между позициями сторон – всего метров 100-150. Обе стороны по ноздри врыты в землю, как в Первую мировую — где-то зеркальце торчит, где-то окошко, где-то труба всыпана в бруствер. И с той, и с другой стороны. Так они сидели в аэропорту пять лет, полностью заблокированные духами.

Наступление шло под Эс-Сухне на Дейр эз-Зор вдоль дороги. Мы наступали вдоль трассы слева и справа. С левой стороны шел сводный сирийский корпус, по-моему 101-й корпус. А на правом фланге был, кажется, первый корпус. В обоих корпусах командование пополнили наши офицеры из Министерства обороны - грамотные, нормально командовали. Наступали мы как бы волнами: в первый день наступают сирийцы, выходят на запланированный рубеж, на следующий день, отталкиваясь от их позиций, наступали наши подразделения.

И вот в один день нам поступает задача – во время наступления выйти на передний край сирийцев и понять, где они закрепились после своего продвижения. По левому флангу я выехал вместе с полковником нашим, военным советником сирийцев. Смотрим на

левый фланг – вроде все нормально, сирийцы задачи выполнили. Смотрим на правый фланг, видим – справа от дороги машины прямо в сторону противника двигались. Ну, мы думаем – молодцы, сирийцы, прямо колонной наступают. Машин, причем, много было – я с десятка насчитал пикапов.

Поехали мы за колонной, посмотреть где она закрепится. Едем на двух машинах: на первой едет советник от МО, на второй – мы. Переехали дорогу, поехали за ними в направлении Дейр эз-Зора. Едем-едем – а сирийцев все нет и нет. Нет переднего края позиций. Вообще. «Что за фигня такая?», - думаю я. А советник на машине впереди едет. Вдруг я смотрю – вдалеке машины стоят, ЗУшки стоят, толпа какая-то непонятная. Смотрю на реакцию впереди едущей машины – она резко бьет по тормозам, резко разворачивается на 180 градусов и начинает сваливать. Я понимаю, что что-то не то, даю команду водителю – давай за ним срочно, в обратную сторону.

Потом выяснилось, что это был противник: он отходил, и мы как раз вышли на него. А там дистанция была до 300 метров – чуть не захали на территорию противника. Мы их практически догнали. Я так понимаю, они сами не понимали, кто за ними двигается – думали, свои, поэтому с их стороны никакого огня не было. Вернулись обратно, начали разбираться, стали искать позиции первого сирийского корпуса. И когда нашли, то оказалось, что они даже никуда не пошли. Они как были на прежних позициях, так там и остались. И благодаря бездействию правого фланга сирийцев, в наступление пошел только один отряд.

Нефтяной окоп

- Был такой случай. Машина у нас есть, одна на взвод. Едут наши мимо песков, и так получилось, что свернули не туда. По дороге проезжает за нами за всеми, и поворачивает к духам. Те, соответственно, начинают по ней лупить из всего, что было. Наши, оценив ситуацию, выпрыгнули из машины, видят – там нефтяная лужа огромная. Видимо, там рядом нефть добывали, и она текла как река мимо дороги. Ну наши в нефть и прыгнули – по ноздри. Духи подошли, туда-сюда, угнали машину, всё забрали. А наши в нефти пролежали и потом, когда духи отошли, по-тихому до нашего расположения ушли.

— Так они под машиной пролежали?

— Они с машины выпрыгнули, а там вокруг метров по 15-20 разлив нефтяной. Духи подумали, что они убежали. Пенной там обливались потом.

— А поцарапались там стеклом. Ну, такие, лёгкие.

— Лёгкие «трёхсотые», да. И все чёрные, все в нефти, отмывались

долго.

— Одному из парней тогда в ногу попали. Прострелило голеностоп сильно. Но ему плевать, он по 20 километров бежит – главное ногу шнурком к голени привязать.

— Может, лежали уже в темноте? Видимо, духи просто не заметили.

— Там нефть, там человека уже не увидишь. Вот даже если он будет в нефти. Она ж не просто гладь – где-то бугры, где-то что-то валяется. Человека в ней просто не увидишь. Машину было жалко, «балалайка» к духам попала.

— Не только «балалайка» - попало всё к ним, и тепловизор, и «ночники». Получили мы нормально от них – но потом и ответили нормально, мало не покажется.

Четверо в «горках»

Мы шли на Дейр эз-Зор, и в районе завода близ Эс-Сухне духи нас отрезали от трассы. В одно прекрасное утро боевики взрывают склад боеприпасов - прямо у нас в тылу! Между нашими постами была большая дистанция – километр-полтора. В общем, они как-то пролезли между постами – и не из-за нашего недосмотра или нерадивости, а потому, что там непонятно было, где стоят сирийцы, где стоят «Фатимиды». Из-за этой неразберихи боевики внаглую подъехали к расположению, отработали – и расселись по насыпи. Мы остались против них в составе одного отделения: гранатами перекидывались, квадрокоптер на нас скидывал мины – НАТОвские, причем, не советского образца. У нас было тогда два «трехсотых» легких... Но, отбились от них в итоге, все нормально прошло.

Идем, штурмуем высоту. Противник откатывается потихоньку - накидывает нам, конечно, но мы продвигаемся за ними, прижимаем. Поднимаемся на высоту, я смотрю в бинокль с высоты, вижу – с духовской стороны четыре человека в «горках» спокойно идут по долине. В «горках», бороды короткие – вроде на наших похожи.

Я командиру бинокль дал, он посмотрел и подтвердил: «Да это, скорее всего, другой наш отряд. Они тут как раз сейчас закрепиться должны. Все в порядке». Ну, мы на том месте, куда зашли, садимся. А там участок местности голый – сидишь, как на сковородке, даже укрыться нечем, даже камней не собрать. А взвод, который мы сопровождали, встал позади нас - чуть выше.

Сидим, ждем, что сейчас какая-нибудь команда поступит, чтобы куда-то переходить. А эти четверо в «горках» спокойно обходят нас, забираются на соседнюю горку – и начинают нас долбить. Видят нас, как на ладони – понятно, что у них преобладающая высота... Мы кое-как «попрыгались» на этой сковородке, побегали туда-сюда, но так

долго не поскачешь, - выбивать их оттуда надо. А у них мало того, что преобладающая высота – так еще и на этой высоте был, как оказалось, большой духовский укреп. Там и антенны какие-то были, и солнечные батареи - в общем, какой-то укреп важный.



Мы вниз с нашей горки спустились, начали перебежками двигаться к высоте, где они засели. И тут, в ложбине между горками, кто-то из нас голову на бегу влево поворачивает, смотрит – танк стоит. «Семьдесят второй». Его там, как потом оказалось, ИГИЛовские танкисты оставили, потому что боялись, когда начали отступать, что по ним авиация начнет работать, если танк заметят. Плюс у них не было то ли воды, то ли антифриза. Рабочий на сто процентов танк. В общем, чтобы танк не закипел, они его бросили, накрыли чем-то, замаскировали, думая, что мы до него не дойдем.

Когда духи поняли, что мы этот танк нашли - они сразу начали пытаться этот танк уничтожить, чтобы нам не достался. Стреляли по нему из «Сапога», но у них были только осколочные, поэтому ничего не получилось. Сначала выстрелили в корму, потом сбоку – не вышло. В итоге, укреп мы отбили без потерь – да еще и танк получили в качестве трофея.

На нас дух ехал в «шахид-мобиле». Но, судя по всему, «братья» во-

дителя забыли двери в автомобиле заварить. Он заблудился, ездил по заводу, нас искал – и не нашел. Так как его забыли приварить, он просто вышел, плюнул на нас и ушел. В общем, мы нашли этот «шахид-мобиль»: открытая дверь и куча взрывчатки в нем. Духа нет. Ушел. Или убежал. Стрелять по нему бесполезно – у него там брони сантиметров 30 наварено было.

А еще один «шахид-мобиль» в тумане заблудился. Туман стоял, мы в нем все попрыгали, он нас найти не мог. Пацаны рассказывали. По рации сообщают им: шахид проехал, прячьтесь, прячьтесь... Катается, никого найти не может. Никто его даже не трогает, - ну его к черту, пушай катается.

Мы прорвали кольцо боевиков, которые держали аэродром в окружении, и конкретно наш взвод туда заходил самым первым. Выходим на аэродром – все грязные, прошагали все карьеры, выдавили духов из их нор. Выглядим как боевые бомжи. На мне шлем, в руках два ПТУРа. И выходит сириец из вот этой банды, которая там держала аэропорт, он нас увидел и такой: «Иншаллах!». Мол, хвала Аллаху, подкрепление пришло. Духи бросили все, бежали. Они уже убегали через речку, бросали все, чуть ли не вплавать. А ту сторону как раз расстреливали Су-25 — я помню, они там летали и нормально их чихвостили.

Тактику духи применяли, в основном – что-то типа сдерживания. В одном месте пикапчик пролетел, там задержали. Там пулеметчиков подтягивали, гранатометчиков. Если большой затык – могут ЗУШку подтянуть. В целом, духов уважали. Как бойцов, их есть за что уважать. Не всех, конечно – но есть особо матёрые. Есть что вспомнить, но как-то всё быстро в памяти затухает.

Мы вышли на духовский опорник и, когда уже двигали фронт, шахиды атаковали аэропорт. Там была старая пожарная часть – и вот у нее два шахида подорвались. Не знаю какой там заряд взрывчатых веществ был, но, когда эти террористы взорвались, их полностью разметало по территории. Я ходил потом по этим обломкам техники, обрывкам шахидов — самый большой фрагмент, который я видел, был размером с ладошку, кусок позвоночника и ребра.

В Дейр эз-Зоре в сентябре, когда прошли заводы – бои там были суровые, устали очень сильно. Сидим за насыпью, обедаем. Слышим - бах! Повернулись – от нас метра в 150 баллон упал. Взорвался, повалил белый дым. Ну ладно, сначала все испугались... Бах! Второй! Чуть дальше... Бах! Третий. Уже все сидят спокойно, не рыпаются, всем все равно. Короче, духи с баллономёта всё кидал и кидал эти баллоны - влево, вправо, ближе, дальше. Короче, мы поняли, что он по нам пытается пристреляться, но не получается у него.

Обычный человек в таких условиях бы точно испугался. А так, си-

дишь, кушаешь, рядом баллоны рвутся, думаешь себе: «Да и пусть рвутся». Вообще знаешь, что хотелось бы? Встретиться с какими-нибудь кинорежиссерами, сесть с ними в баньку, под водочку посидеть и рассказать про наши приключения. Они бы охренели. Я же всё своими глазами видел, 6 лет уже. А всё то, о чём болтают в этих ваших интернетах - такой бред, ей-Богу!



ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ «ВАГНЕРОВЦЕВ»

Военные теперь эту операцию — как проходил штурм острова — даже в академиях сейчас, оказывается, преподают. Проблема состояла в том, что нам вообще было неясно соотношение сил. Когда мы спрашивали [сирийцев], сколько там сил противника, нам отвечали, что понятия не имеют, человек 20, может, есть. Духи сидели на острове и активности не проявляли, во всяком случае, по отношению к сирийцам. Как потом выяснилось, их там было человек 300, если считать вместе с теми, кто сдался.

Курды хотели их выпустить, открыли шлюзы, чтобы духи смогли уйти. В ответ наши «заперли» духов на острове с помощью поднятия воды. С той стороны поставили один отряд, и еще один отряд пошел на штурм. Остались на острове мы и духи, 28 человек нас было. Даже была такая шутка у нас: мол, на острове сидят 28 «вагнеровцев». Когда нас туда закинули, у нас не было ни спальников — ничего. Спали на мокрой земле. Ночи были холодные — ноябрь. После первой ночи у всех появился сырой кашель. Несколько раз уже были на позициях, чтобы зачистить северную часть. Но пришлось ждать.

Как только мы начали, они же сразу подтянули силы. А там заросли, ограниченная видимость, и у них большие силы подтянуты. С лево-

го фланга заросли, там камыши идут. В зарослях видимость плохая, и духи по этим зарослям с фланга постоянно обходят, пытаются к нам зайти. День уже к концу подходил. Думаю: надо закрепляться на рубежах неподготовленных. В ночи бесперспективно было работать. Духи пытались атаковать наши позиции, но, к счастью, беспилотник их засек. Мы там начали и из АГСов накладывать, и с крупнокалиберного. И как раз с АГСа попали хорошо: вторым залпом как раз в кучу, где они собирались. Духи после этого рассыпались и больше штурмовать наш закуток не пытались».

Сразу штурм у нас не удался, так как хорошие окопы у них были. Они не давали нам продвинуться, а мы ничем достать их не могли. Потом, когда пришли уже и посмотрели: у них там хорошие такие блиндажи были. За деревьями они выкапывали яму, там печка у них, они там спали — и ничем не достать их было.

«Нас деньги не интересуют»

Был интересный момент. Намечались переговоры с духами. Сообщили всем по радиостанциям не открывать огонь, если пойдут духи на встречу. Прошел человек по всем позициям, сказал: «Парни, сейчас будут переговоры. Увидите кого-то — не открывайте огонь». Буквально прошло минут пять — и начинается отовсюду стрельба. Сначала было несколько очередей со стороны духов. Не знаю, была ли команда по радиосвязи или нет, но начали стрелять крупнокалиберные пулеметы. Мы в зеленке сидели, так в пяти метрах от нас выехал танк и начал стрелять — прям залп за залпом.

Я через переводчика дозвонился до духа одного, говорю: «Есть предложение, вы сдаетесь, мы вам сохраняем жизнь». Он в отказ. Я говорю тогда артиллеристам: «Дайте по ним снарядов 30, по острову». Ну, они дали. Перезваниваю: «Ну что, сдадитесь?», говорят: «Нет». Снова выхожу на артиллериста: «Дай ещё 15 туда». Звоню снова, говорю: «Вы оттуда точно не уйдете?». Духи согласились на переговоры. Выходим, раз, выходит человек — не помню его имя, Абу какой-то, с ним два было командира. Как выяснилось, часть духов ушла на Мейдин, а на острове сидят полторы тысячи. Они нам говорят:

— Отпустите, мы вам денег дадим, 4 миллиона долларов.

— Братан, нас деньги не интересуют.

— Нам надо выйти к курдам.

— Нет, к курдам вы не уйдете, даже не обсуждаем. Могу тебя отвезти обратно, и мы артой ровняем ваш остров.

В итоге, начинают они сдаваться, оружие вывозят. Мы их досматриваем, первую помощь даже оказывали. Все полторы тысячи сдались. Мы летали над островом, вычисляли все их ходы, подземелья смо-

трели, вот это все. И смотрю за одним типом, он идет с ишаком. За дерево зашел, осмотрелся, и начал копать под деревом. Разгрузил в яму мешки с ишака, закопал, забросал ветками и уехал. Я позвал начальника разведки, ему координаты места дал. Все, штурмовали остров, я про тот случай забыл — не до того было. Потом уехал на другое направление — встретил того начальника разведки.

— Слушай, вы тогда яму на острове раскопали?

— Ну да, раскопали.

— Так что там было?

— Дети. Порубленные. В мешках.

Твари редкостные. По словам разведчика, там останков много было, много мешков. От малышей и от подростков. Если бы я тогда не увидел — никто бы и не узнал, что эти уроды детей порубили.

Зачистка

Досматривали абсолютно весь остров — полностью. От начала и до конца цепью шли. Я шел в середине своего взвода. Слева шел первый, по-моему, взвод, справа — третий вместе со вторым. Продвигались через кусты, через все. Инженерки никакой не было. Очень много они после себя оставили «поясов смертника». Мы все нашли, все уничтожили, как положено. Еще помню, нашли там бронезилет, тоже как «пояс смертника» сделан, напичкан пластидом с поражающими элементами.

Очень много было «поясов шахида». Там дома были, мазанки, и вот, помню, на штурме заглянул в один сарайчик. Увидел флаг ИГ, дернулся к нему, думаю: сорву, трофей будет. Полкомнаты прошел, смотрю: а под ногами целый слой «поясов шахида» навален. Думаю: ну его, этот флаг, пусть заберут те, кому он нужнее.

Когда начали зачистку острова, между нами и четвертым взводом два «шахида» выбежали. Никто не пострадал, парня только одного контузило, и всех ошметками боевиков закидало. Ошметки были везде. Там оливковые деревья стояли метрах в 100 от места подрыва — так даже на них висели. Самый большой фрагмент был — нога с бедром. Я тогда, помню, еще пошутил: «Смотрите, какая нога жирная, а говорят, что они здесь голодали, пока сидели в окружении». Ну, нога действительно казалась большой. Я только уже потом узнал, что конечность, оторванная от тела, выглядит намного больше, чем она есть на самом деле.

Остров весь прошли, а по ночам там холодно. Мы решили собрать по окрестным мазанкам какие-нибудь матрацы — чтоб на голой земле не спать. Разгребли их и видим: дух лежит. Ну, мы: «руки вверх», взяли его в плен. Он не знал, что мы ищем теплые вещи, решил под

матрац спрятаться и переждать. Дух сказал потом на допросе, что они на отходе пятерых оставили. Двоих «шахидов» завалили, его взяли, а двоих так и не нашли. Ну, может, решили остаться жить и в зеленке спрятались.



КАК ОБУЧИТЬ АФРИКАНСКИХ СОЛДАТ

В январе 18-го была заведена первая группа, и уже началась работа по развертыванию учебного центра подготовки местных военнослужащих. Была разработана программа, подготовка кадров длилась два месяца. По соглашению с минобороны ЦАР был обговорен момент, что местные военнослужащие, вне зависимости от того, сколько они уже проходили службу, они проходят подготовку и получают сертификат. И этот сертификат в дальнейшем открывает для них перспективы на продолжение службы в армии.

Я попал во второй поток, то есть в июне заходил туда. Я работал там две командировки, в этом центре. В процессе наша работа и работа центра постоянно совершенствовались. По факту это делалось на базе энтузиазма некоторых, очень подготовленных людей в компании – это люди с выдающимися организаторскими способностями, которые просто с нуля, из ничего, делали базу подготовки. На базе центра в период два месяца проходило каждый раз порядка четырехсот человек.

Люди не умеют ни писать, ни читать, не имеют никакого начального образования даже для элементарных вычислений по топографии. И задача была их обучить, дать какое-то им представление. Проходила подготовка по общевойсковому бою, по наступлению, обороне, проводились стрельбы. Сначала это была одиночная подготовка общих вопросов, то есть огневой подготовки, тактической подготовки, азы топографии давались, и с офицерами проводилась командирская подготовка.

Также дополнительно занимались со специалистами во всех направлениях, в том числе инженерная подготовка, саперы проводили занятия. Для подготовки командного состава был разработан план, который также включал всю специфику управления, организации повседневной жизнедеятельности военнослужащих.

За основу была взята наша армия, никто ничего не придумывал: так же учили, так же воспитывали, так же вначале определяли все моменты, потому что есть нюансы, которые в наших армиях отличаются.

Например, у них проходят службу женщины. На фоне этого на начальном этапе внимание было уделено дисциплине, потому что там было серьезное ущемление прав. Пример: женщины стирают носки офицерам, все продовольствие содержалось у нас на базе и также им выделялось – раз в декаду определенное количество круп, мясо, вода и остальное. Именно последствия того, как они до этого существовали в своей армии, отразились на базе работы уже в инструкторском центре. Мы им даем – тут же это все уходит в личном плане на реализацию каких-то моментов. То есть ему дали воды, он не будет использовать, он ее лучше продаст и купит себе кроссовки, потому что ходит в дырявых. И на фоне этого были проблемы и с вещевым обеспечением (эти попытки пресекались), отношения грубые с женщинами и попытки их использовать не как военнослужащую, а как рабочую силу.

Дошло до того, что каждую новую партию мы сразу инструктировали о порядке прохождения учебы в инструкторском центре. Если кто-то будет замечен во всем этом – вне зависимости, солдат это или офицер, будет сразу исключен из учебного центра. Таким образом, все эти попытки пресекались. Это действовало, как я раньше говорил, мы всегда улучшали работу центра.

Языковой барьер

По поводу самой работы с ними – мы конечно старались их языком пользоваться, французский где-то учить на элементарном уровне, чтобы понять, чтобы знать, как по должностям их называть. У нас был один переводчик на 400 человек. Частично приходилось их русскому учить, основам: стреляй, не стреляй, прекратить огонь, лежать бою. Они очень хорошо обучаемы, у них хорошая память.

Как мы компенсировали нагрузку от того, что переводчика, по сути, не было. Мы выпустили роту, и лучших 10 человек из нее взяли. И именно эти 10 человек мы оставили на базе в качестве инструкторов при взводах. Они же уже лучше понимают русских, какие-то отдельные моменты. И через год за 6-7 выпусков, которые я провел, эти

10 человек уже фактически заменяли полностью инструкторов. Если мы проводили какие-то инструкторско-методические занятия, готовились к занятиям, определяли план как мы будем работать – фактически от инструктора зависело просто распределение того, как будут организованы учебные точки. На этих точках выставляют этих самых инструкторов. Грубо говоря, они уже все понимают, все знают и уже сами прошли обучение, они уже несколько выпусков провели, через них было проще работать.

Ну и были прикольные моменты, потому что они русский язык чуть-чуть ухватывают, но в то же время немного искажают на свой манер. Помощника гранатометчика, когда группы двигаются в составе элементов боевого порядка, они называли «помущька». Отработка действий на поле боя, когда подаются команды «Красный», «Зеленый», «Держу – пошел» – у них это выглядело примерно так: «Дерзю – посёл! Зеленый. Классьный».

Наши инструкторы работали нормально, очень достойно обучали – но проблема главная была в том, что местные армейцы были вообще никакие. Просто нулевой у них уровень подготовки. Пока наши парни не начали их обучать, до этого их обучали французы – обучили только маршировать и воинское приветствие отдавать. Их больше ничему не учили, просто не выгодно было. И после того как перед выпуском мы провели показательные выступления – приехал президент, вот эти все представители, дипломаты, депутаты – они были в шоке от того, как были подготовлены их военнослужащие. Мы там начали поднимать, обучать именно военному делу. Что им необходимо для обороны и защиты своей страны.

По результатам обучения, в конце проводились показательные выступления. Приезжало руководство различных западных аналитиков, наблюдателей, спецслужб – не будем скрывать. В том числе и президент ЦАР, его свита. Там порядка 140 машин на базу заезжало.

На «показах» мы проводили стрельбы с холостыми, взрывы красочные делали – взрывали вышки, заборы. Отыгрывали захват машины, рукопашный бой. Негры ломали кирпичи руками. Там просто визжали все. Там приходила публика, и там у них был праздник – считай, у всего народа самооценка поднялась. И у них считалось, что те, кто проходил обучение в нашей инструкторской школе – это элита армии. Всех остальных они не воспринимали. Особенно тех, кто обучался у французов и западных спецов – они считались ниже по уровню подготовки. А выпускники именно нашей инструкторской школы, кстати, хотели приехать к нам в Россию, дальше обучаться. У них повышался социальный уровень, начинался карьерный рост, заработная плата.

Кто плохо обучался, у нас были отчисления, они прямо цеплялись, плакали, потому что, если их отчисляли, для них это был шок. Но были такие ребята, которые отставали в обучении. Ну никак им невозможно было объяснить.

Мы также проводили медосмотр при поступлении – сразу отчисляли людей со всеми язвами. А там очень много больных было: антисанитария. Венерически заразных мы тоже сразу убирали из лагеря. У них уже был шок. Потом уже начинали физо. Местные, хоть и терпеливые, но в плане физо против европейца они не могут. Подтягиваться они вообще не умеют, отжиматься тоже.

Суеверия у них еще очень развиты. Например, инцидент был на базе. Мой товарищ как раз отвечал за взаимодействие с ними. Они очень боятся хамелеонов. Суеверие в том, что, если помотришь в глаза хамелеону, то умрешь. Типа в хамелеонов вселяются души шаманов. Так наш товарищ, чтобы их поднять с утра, брал хамелеона и заходил с ним в казарму. Через 5 секунд в койках никого нет – аж в двери-окна повыпрыгивали.

Тоже есть свои кадры и исполнители. У меня был помощник-инструктор из прошедших курс армейцев – мы называли его «Ниндзя», потому что у него фамилия была такая, на ниндзю похожая на нашем языке. Хороший вообще парень, он из самого первого призыва – а он был самый жесткий: они в бронжилетах нормальных ходили, в касках, мы тогда строго к этому относились. И первый призыв больше понимали, больше знали. И потом уже, на второй выпуск нам сказали:

— Оставьте людей, которые материал выучили хорошо, чтобы они вам в дальнейшем помогали.

Все-таки было сложно, языковой барьер, у тебя уже у самого голова была большая – каждому объясни. Они ведь как будто оружия боятся, воняли безумно – у них свой запах какой-то необычный. Но для них, наверное, это запах – а для нас это вонь страшная. Я, например, вообще не мог переносить, сразу тошнить начинало. Долго привыкал.

Девушки себя показывали по-разному. Да и женщины приходили, но у тех со временем начинали болеть то руки, то ноги, то голова и их быстро отсеивали. Девушки были такие, что с автоматами бегали. Помню, помощница пулеметчика одна была, с коробами бегала – гром-баба! У них это нормально, что женщина бок о бок с мужиками работает. Причем, что самое интересное, они в одной палатке все спят, моются вместе – это потом их уже разделили. Были здоровые, мускулистые парни, но они были слабые, у них нет выносливости. Мне кажется, это из-за питания: они же не жрут нормально. Что им эта маниока даст? Если бы их кормили мясом, как положено, мне ка-

жется, они бы были более выносливы. А так это слабаки. Они всегда говорили:

— Вот мы у вас, у русских находимся, тут кормят хорошо. Сейчас уедем к себе в часть, там кормить будут плохо.



Предварительные итоги работы

На тот момент президент контролировал только столицу, и то не полностью – был бандитский квартал на 5-м километре в Банги, он никак не мог его утихомирить. За полтора года нашего пребывания в Африке президент расширил свое влияние, у него стоят армейские базы, которые работают полноценно и самостоятельно. Они перестали бояться бандитов, которые вдвоем могли заехать на мотоцикле, пострелять в селе и всех разогнать. Сейчас военные с боевиками воюют, убивают и берут даже в плен. Армия получила какой-то толчок – им объясняли, что нужно воевать, а не бояться. Они как бы поняли это, сейчас они более-менее пришли к тому, что у них есть армия.

Нам, когда мы заходили, говорили, что контракт был заключен на год. Но Россия до сих пор там находится, и это уже показатель. Мое мнение: после ЦАР многие африканские страны тоже хотят заключить с нами РосРоссидоговор на обучение своей армии или по другой направленности.

Вообще, тот факт, что мы заехали в Африку – это большой поли-

тический шаг. Приезжали к нам дипломаты близлежащих стран, посла, смотрели на все наше обучение – и хотели, чтобы русские обучали и их бойцов. Очень много завели полезных знакомств. Мы-то народ военный, мы не знаем всю политическую кухню – но наши дипломаты были очень довольны, что с нашей помощью это все было сделано.

Сам президент ЦАР окреп в глазах народа. И вообще, мы нужное дело сделали. Думаю, нужно продолжать. Советский Союз как ушел из Африки, больше там ничего не было. И мы, грубо говоря, стали первой ласточкой возвращения России в этот регион. Понеслось ведь потом потихонечку – были подписаны договоры, состоялся саммит «Россия – Африка». 49 стран подписали различные соглашения с Россией. Россия возвращается на позиции Советского Союза, а ведь СССР тогда по Африке держал очень сильно.



ПАЦАНЫ ВЗЯЛИ ГРАНАТЫ, ЧТОБ ПОДОРВА

Мы сначала заходили с Севера Попасной, но там артиллерия хохлов жестко работала, пресекла и не дала нам подойти северной стороны. Потом заходили с южной стороны. Нас перекинули на следующий день рано утром. Зашли мы по-серому. Ну то есть поутру, там туманчик такой был небольшой. Вот и зашли на первую улицу и, как оказалось-то потом, что мы к ним в тыл зашли, то есть мы сами не знали, что там хохлы сидят реально. А узнали как? Мы в дом зашли, заняли круговую оборону, и у нас снайпер выходит по рации, говорит: «Вот вижу хохлов здесь». Как ты видишь хохлов, вроде не должно быть. Оказалось, мы просто зашли к ним в тыл, снайпер двоих отработал и у них началась паника. Они не поняли, кто вообще стреляет, то есть такого не должно было быть, это они там сидели везде.

Не могли нас найти первый день. У нас снайпер постоянно их отработывал. Мы там выбегали с разных домов, из ПБ по им отработывали. На второй день уже нас обнаружили, уже поняли, где мы и началось всё самое интересное.

Когда мы начали зачищать, бои жёсткие были — 20 метров, 15 метров был прямой контакт в ближний бой. Там и ругались с ними, разговаривали на матах. «Да уходите домой, русня, пидорасы». Руби-

лись, там был «Правый сектор» и 54-ая бригада. Вот с 54 бригады мы много в плен брали. «Правый сектор» двигался в чёрных костюмах. Было понятно, что «Правый».

Ну у нас пацаны отработывали. У нас в отделении было немного людей — по семь, по восемь человек было. Когда-то по шесть было человек в отделении. Их больше гораздо было. Вот мы, я помню, зарубились, их в доме около 20 человек было, а нас было семеро. Вот мы с ними бились часа три, наверное. В результате там нормально отработали грамотно. В плен много взяли, двухсотых у них было много. Когда мы первую улицу прошли, на вторую пошли, то у нас тыл остался открытым.

Мы попросили, чтобы нам прикрыли тыл, помогли нам ополченцы луганские. Ну видно, что пацаны боялись, там и мобилизованные были. Боялись, но помогали. То есть их задача была нам прикрывать тыл. Хотя мы тоже не верили, что они нормально будут прикрывать тыл. То есть мы смотрели на 360°, и за ними смотрели, чтобы они не убежали, и ещё за противником смотрели. Они молодцы, они нам БК подносили, раненых выносили, двухсотых выносили пацанов, то есть в этом плане они молодцы, они сами уходили и всё нам подтаскивали.

Вот у нас был Чеба такой гранатометчик. Только приехал, работал из «Гнома», это пятизарядный такой типа «гэпэшки», вот из них он любил очень со «Шмеля» работать. Тогда я первый раз в жизни видел, когда крыша поднимается от залёта шмеля в здание. Я видел, как в многоэтажки залетает «Шмель». Ну как бы эффектно. А когда поднимается крыша и опускается, такого я ни разу не видел. Там ситуация была — три хохла, забежали туда в сарай и начали по нам работать. Ну и Чеба выскочил и со «Шмеля» туда прямо в окно. Вот все видели и офигели, как крыша этого сарая поднялась и опустилась. Когда пошли смотреть и зачищать, там ничего от них не осталось. Выжгло их. Там только горелый берест какой-то и одежда. Всё, разорвано было.

С «Утесов» работали из домов, то есть прижимали до такого, что мы даже «Утес» в дом заносили. Прямо с домов работали, потому что не давали выйти на улицу. Было реально жёстко. Особенно арта. Вот, что запомнилось больше всего — артиллерии снаряды летали, как пули просто над головой. То есть ты идёшь и всё свистит рядом, всё взрывается и не поймёшь — или в тебя прилетит сейчас или дальше. Ну, свистело всё вообще жёстко. Сейчас не так артиллерия работает, как в Попасной. Они не точно бьют, просто меньше гораздо. В Попасной там летело всё — «Грады» работали, танки работали, миномёты, пушки, всё работало. То есть, если вот они тебя увидели в доме спалили, всё, они там ровняли всё полностью, то есть весь квадрат выравнивали.

Поэтому мы старались зайти по-тихому, даже если они нас видели, то есть мы меняли по вечеру дом, по-тёмному заселялись, там через один через два дома. И они стабильно по этому дому били. То РПГ прилетит туда, то ещё что. А мы рядом сидели, то есть, в безопасности. Я был командиром отделения, я в принципе пацанов так и учил, что заходим в дом, отработали по противнику и с этого дома надо по любому уходить, потому что туда «Шмели» в ответ, РПГ. Ну так и было всегда. Они боялись близко подойти. Хотя бы один раз случай. Я отсидел на фишке, ушёл. Сел пацанчик на фишку. Проснулся от шума, смотрю — всё горит, не пойму. Думаю, что за дела-то? Взяли шмотки, выскочили, Потом узнаем — сидит на фишке боец, слышит что-то как зажигалкой «чирк-чирк». Не пойму, думаю, может, кто-то из своих там курит. Посмотрел в комнату, где вы спите, всё тихо. И тут «коктейль Молотова» просто в окно залетает, то есть вот единственный случай, когда не побоялись, реально подползли и закинули «коктейль Молотова». Все живы были, мы сразу выскочили. Там, в принципе, у нас вещей-то немного. Мы же спали и в броне, касках. Мы заняли круговую, в ответ гранаты накидали туда, конечно и перешли просто на другой дом и всё.

Я один раз попал так, что неприятно получилось. В окружение попали, нас окружили хохлы, человек 30 их было. А нас также 7-8 человек всегда было в отделении. У нас не было много по 10-12 человек, потому что когда мы с Африки приехали, там человек 60-70, наверное. Сюда отправили и нас поделили по отделениям.

Нас окружили, «копейка» штурмовала дом, мы в этом доме сидели, а тот дом севернее был. Мы думали, там «копейка» сидит. Мы чуть-чуть оттянулись. Ну и ночью меня фишкарь зовет шепотом. Мы выбили в стене дырку. Наблюдаю — реально там толпа, я просто охренел. И в ту сторону смотрит где «копейка» и в нашу. Я думал, может «копейка» там что-то. Но она бы в обратную сторону смотрела. Видно было, что такие заряженные цепочки, командиры там управляли, человека три сидело. Ну и всё. Я по рации вышел на командира, всё шёпотом, пацаны взяли гранаты в случае чего подорваться, чтобы в плен не сдать.

Ну сами понимаете, это всё равно умрёшь только с мучениями. И мы даже слышали, как они вокруг дома бегают. И вот по рации вышел, на себя мы миномёты вызвали. Ну что-то минометчики не стали стрелять. И вот у нас был агсник, Чиня, красавчик. Вот я на него вышел и говорю: «Давай, лупи прямо по нашему дому, потому что нас окружили, будет жопа». Ну он с двух АГСов начал. И по дому прилетало и вокруг. Вот это и спасло. Ну и много трехсотых у них было. Мы даже слышали, как они кряхтели, стонали, там их вытаскивали.

То есть Чиня-молодец, он спас нас. Потому что если бы не Чиня,

они в любом случае заходили бы в дом. Нам тогда страшно стало капец. Они может и не знали, что в этом доме мы, но по любому они бы зашли, потому что они уже двигались в сторону «копейки» и в нашу сторону, то есть перебежки под окнами. Мы прямо видели силуэты.

Меня что удивило, как они работали грамотно. Шума вообще не было, я в тепляк наблюдал. То есть ни шёпота, ни разговоров никаких. Явно не мобики, это вот или «Правый сектор» или наёмники были какие-то. Потому что и подошли чётко, то есть только в тепляк увидели. Хотя мы заехали в начале апреля. Ну всё равно там это сухие веточки ещё были такие, то есть трещало. А они даже передвигались, только слышно шаги было, то есть ни веток не слышно, нифига не слышно, все жестами. Одна группа туда пошла, одна к нам за дом зашла.

И был ещё один командир отделения, Двадцать третий. Я его по рации тоже вызвал, они были там, где Гонг, в конце улицы, метров 300, наверное, было от нас. Вот я вышел на Гонга, на Двадцать третьего, говорю: «Пацаны, подтягивайтесь, потому что нас окружили», и пацаны подтянулись. Тогда мы уже вздохнули — в случае чего отобьёмся и не попадем в плен. Ну спас АГС реально. Потому что пацанам бы они не дали подойти, потому что они уже на углах домов сидели. Ну конечно и мы бы начали бы с окон палить. Ну много людей бы полегло. А пока АГС работал и Двадцать третий подтянулся, Гонг стал подтягиваться. Мы даже минометы на себя вызывали, потому что в плен сдаваться никому не хотелось.

Не помню, какая была бригада, помню, что мотострелки. Они с нами заходят днём, ночью мы им показываем, что вот правый фланг вы нам закрываете, то есть, мы уже надеемся, что они закроют. В ночь у нас человек идёт проверять посты, а их там нет, то есть они постоянно уходили в ночь. С утра они появлялись откуда-то. Опять идём дальше, то есть, они с нами не двигались, не бились.

С нами только двигалась и нормально бились морпехи с Камчатки. Вот они молодцы, пацаны, красавцы. Даже был случай, у нас пацанов зажали в доме там и трехсотые были. Мы тоже не могли хохлов выбить, не давали подойти к пацанам. Вот попросили одного из командиров морпехов. Вот, что удивило очень сильно — подлетела коробочка прямо на передок. Там метров 200 наверное было. Вот он просто в упор этот дом с хохлами разобрал. Развернулся и уехал. Вот это вообще удивило. Там ополченца попросили: «Да ну, ты чего, там передок, туда ни одна техника не поедет». Мотострелков просили: «Не-не-не, у нас туда никто не поедет», а попросили морпехов — и буквально минут пять, подлетел-отработал.

Всё, пацанов вытащили трехсотых. Вот они так двигались с нами, их тоже двигалось немного, потому что они говорили, что их на киевском направлении много полегло. У них в отделении человек шесть-семь было. Еще что удивило — пацаны по 21-22 года и все контрактники. У них были только командиры отделения, сержанты. Молодые пацаны, контрабасы. Я говорю, «Пацаны, а что вы сюда-то приехали?». Отвечают: «Хохлов убивать. Будем работать». Пацаны, такие там, энтузиасты. Говорю: «Вы не хотите домой?» «Нет, вот мы здесь будем до последнего биться». Молодцы вот камчатские морпехи.

Боеприпасы получали от военных. Ну как сказать.

Артиллерией работать в частном секторе нереально, мы не пользуемся. Потому что, если ты сидишь и в 100 метрах от тебя хохлы сидят, там только стрелковка, РПГ и «Шмели».

Всё старались сами, всегда хитрили. Противник реально умный, тоже грамотно воюет. Вот пленного взяли, мы, конечно, не ожидали такого сопротивления. Там пятьдесят четвёртая бригада заехала. Их заехало три тысячи человек и две тысячи было в Попасной мобилизованных, типа теробороны. И вот они только заехали, за два дня почти половину личного состава выбило, это сказал нам пленный хохол. Тогда уже у них началась паника, ближе к многоэтажкам уже. Но они старались уже в бой не вступать, отходили.

Самое жёсткое — это было частный сектор со стороны кладбища. Вот это самое жёсткое. Там у них укрепления самые основные были. Они думали, что удержат. Ну, не получилось, и потом они начали уходить в эту сторону, когда многоэтажки пошли занимать. Там всё было гораздо быстрее.

Если судить по Попаске, то в Т. жестче были городские бои. Ну это среди многоэтажек. Вот в частном секторе у них были все силы и средства там. У них была задача нас не подпустить ни на ж/д станцию, ни к многоэтажкам, то есть они акцент сделали на частный сектор. Ну там реально такие укрепления были. Там ни арта, ничего не возмет. Там доты бетонные. На Попасной героями были все.



НАС ПРИЗНАЛИ КАК СИЛУ

В ЦАР я был два раза, первая командировка длилась пять месяцев, вторая восемь.

Помню, как первый раз увидели негров. Везде беднота, все босиком ходят. У детей ни одной игрушки не увидел за всё это время, кстати. Потом уже второй командир повёз сандалики, игрушки. Жене сказал: «Давай, там вообще нищета. Просто невозможно, как люди живут», и вот сандалики привёз, игрушки детям.

Местные нормально встречали, но мы поняли, что у них подготовка нулевая. Вообще нулевая – они первый раз оружие увидели и первый раз его держали в руках. Там некоторые даже с копьями стоят – на некоторых КПП. Вместо шлагбаума - бамбуковая палка такая, большая. И воин стоит с копьём.

— Мы задачи выполняли разные. Один раз местные боевики церковь большую подорвали в воскресенье, во время их мессы. Человек 30 погибло в этой церкви. Нам соответственно парни из правительства передали задачу – нашим инструкторам и местным жандармам – провести зачистку на 5-м километре. Это было особое место. Там мусульмане жили, и никто туда не мог попасть - ни ООН, ни военные.

4 дня подходили что-то, не могли зайти туда. Потом Борис Борисыч ставит задачу – стоять и ждать, каждый день. Мы стоим. И вот, в один прекрасный день что-то на 5-м километре зашевелилось.

Сначала сходили на разведку трое. С бесшумного командир взвода и командир отделения одного-двух бандосов отработали. Отошли, сказали – их там много.

Мы начали там с беспилотников проводить разведку местности. В течение недели разведку проводили. Обстановку поняли. Каждый куст там изучили. Потому что новый район, ещё ночью идти там. Смотрим – а у них на постах перед районом усиление каждый день. Приходит все больше и больше сил местного сопротивления.

Борис Борисыч говорит: выезжай, разведывод идёт. А сзади нас уже, получается, жандармы должны были пойти. Короче, мы в час приехали, а тут прикол такой получился. На «Урале» мост сломался, и его закрепить нужно было железной цепью. Средний мост был. И водитель говорит: «Если он упадёт, цепь упадёт, и мы все разобьёмся». Колеса нету, «Урал» на цепи, на задачу едем на таком «Урале».

Доезжаем, там распределяемся по-быстрому. Раскидались за пять минут по позициям, заново опять задачу каждому раскидал. ООН вообще нас не видели. И, получается, наше второе отделение справа пошло. Мы начали бой, потихоньку идём, идём, идём...а впереди большой такой камень стоит. Я почти в упор дошёл, метров пять оставалось, смотрю с «ночника», а из-за камня какой-то бандос выходит и фонарем в нашу сторону машет. Мы со вторым номером – он рядом шел в тепловизор смотрел – в упор этого гада сняли бесшумником, почти одновременно выстрелили.

Тут видимо просекли остальные, что на них идут – и начался плотный бой. Наш пулемётчик начал работать, у нас там полчаса активного боя было. Я по ним огонь веду, а сам вправо отбегаю, три гранаты кинул – туда, где скопление было.

Слышим – первое отделение начало работать. Мы дошли до дома и даем команду жандармерии – всё, мол, штурмуйте. Они с собой там лестницу таскали, метров 3-4, хотя через забор там перелезть проще простого. Они должны были штурмовать, короче, но они так и не поднялись. Просто тупо лежали - и всё. Наши встали, пинают их, а они не встают на штурм. Попробовали припугнуть, в воздух пальнули пару раз – нет, испугались, короче. А мы не должны были идти внутрь по задаче – штурмовать должны были жандармы. Они сначала злились – мол, «Почему русские первыми должны в район заходить, а не мы?» А как дело до штурма дошло – залегли.

В итоге, бой длился в общей сложности час. У нас запрещено было с миномёта отрабатывать – только стрелкотня, пулемёт и гранаты, крупное нельзя было. Короче, бандиты просто заблокировались в домах. У негров там нормально народу погибло. Понимаешь, мы-то свою задачу выполнили, в район вошли – дальше они сами должны были. В итоге ничего не взяли. Но, если бы нам сказали, что

нужно взять боем – мы бы взяли спокойно. Там у них дома небольшие. К примеру: двухэтажный дом, глиняный. Не как здесь цивилизованные обычные дома. Мы просто могли сжечь этот дом, крышу там, соломенки. И всё. Нам сказали – всё, сворачивайтесь на базу.

— Трёхсотых много было?

— У нас? С трёхсотыми интересно было. В разведзвезде не было — а вот в жандармерии, которые за нами должны были идти... Мы, получается, первая линия, а они на вторую выезжали. Их как-то «затрёхсотили». Откуда-то слева кинули гранату, одному в глаз попало, другому в живот гранатой зацепило. Но наши сразу им медпомощь оказали, в госпиталь увезли. Борис Борисыч тогда за ними самолет вызвал. Хороший он мужик - другой бы командир был, пока вызывали борт, уже бы отмучились. Потому что медицина там, у негров, вообще нулевая.

Засада в Бамбари

Второе такое реальное происшествие – это Бамбари. Ехали мы открывать базу на Бангасу. С нами было 114 человек местных, из FACA – и нас 20 человек. Посередине города мы встали для того, чтобы дождаться сопровождения: нам сказали, что дальше мы без сопровождения МИНУСКИ не можем ехать. Мол, в тех районах, куда мы едем, договорённостей нет на наш проезд.

Ну, мы дождалась ООНовцев – и когда мы тронулись, прямо в центре города на нас напали. Колонная разделилась на две части: три машины вперёд уехало, остальные 12 машин остались на этой стороне. Остались мы втроем - я, Рэмбо и Манас, плюс остальные пацаны, кто в машинах был. Наступить на нас начали практически с трёх сторон сразу – и я по радиации приказал от рубежа не отходить, держаться на месте. Мол, в атаку полезете – вас заманят в ловушку и начнут валить со всех сторон. Поэтому держаться на месте там, где оказались, закрепиться и держаться на месте.

Парни не растерялись, дали нормальный отпор – закрепились, отодвинули бойков на 150 метров, чтобы их откинуть от дороги. Благодаря чему мне получилось выехать обратно - хоть и под обстрелом – чтобы соединиться с колонной. За это время у нас был только один трёхсотый – Добрый, в ногу его ранило. Парни организованно - всё как на занятиях, прикрывая друг друга, оказывая помощь – оттащили раненного. Когда я оказался на этой стороне, его эвакуировали, и я связался с Пионером, чтобы узнать, что нам делать дальше – продолжать наступление и чистить район, либо куда-то отходить. Пока мы решали, что делать, парни сняли ещё несколько целей.

Могу сказать только то, что местные войска, так называемые FACA –

все сразу свалили по щелям, как только стрелкотня пошла. Половина убежала, побросав оружие. Капитан, который у них старший был, вообще заявил, что он уезжает в укрытие на базу МИНУСКИ, захватил с собой большую часть личного состава – и просто свалил. Бросил две простреленных машины своих и восемь человек личного состава – те остались, оттягивали машины с центра.

Дальше мы вытащили их машины, простреленные, под обстрелом. С нами остались восемь человек – два солдата и шесть водителей. Я их потом отметил, отправил списки на награждение властям ЦАР. Но остальные просто убежали и все бросили. Более того - зная, что мы сейчас приедем на базу МИНУСКИ, МИНУСКА неграм выдала сухпай на всех. Так те, кто убежал под прикрытие на базу, сожрали наши сухпаи, которые выдали и на нас отдельно. Когда мы через 2 часа оттащили все и уже организованно отошли, выяснилось, что жратвы у нас никакой нет.

Потом приехали мы на базу МИНУСКИ - и началась круговерть. Торчали мы там 10 дней – нас не хотели вперёд пускать. То у них там договорённостей нету, то есть договорённость, но погода не позволяет. Сплошные отговорки. Короче, 10 дней мы там проторчали. Я переболел ещё раз малярией. На базе МИНУСКИ мы проводили несколько пресс-конференций - приезжали с Банги, приезжали ещё откуда-то. Я давал выжимку по минимуму - то, что считал нужным рассказать. Соответственно, как бы как вероломно на нас напали. Оно так и было, по сути дела, мы огня не открывали первыми - это на нас напали. Не могу сказать, чья группировка это была - потому что все, в том числе Али Дарасс, все отказались брать на себя ответственность. Дарасс потом сказал, что это были отморозки, которые забили на его приказы болт – и решили отдельно повоевать. Не просто радикалы, а радикалы в квадрате.

Сотрудничество МИНУСКА с боевиками

Был с нами один из солдат FACA – у него родственник жил в Бамбари. Он сказал нам в тот день, когда мы собрались уезжать, что вас уже ждут – мол, вокруг Бамбари расставили засады. И что он конкретно видел передачу БК в переулке, что приехала МИНУСКА и передала боевикам кучу боекомплекта.

Нужно было что-то делать. Когда нас строили на колонну, я отозвал генерала ООНовцев, коменданта базы и командира сопровождения. И им во всеуслышание (там как раз еще их пресс-секретарь их стоял) сказал, через переводчика, что, если вдруг стрельба начнётся и они попытаются свалить, - я имею ввиду грузовики сопровождения, - я прикажу своим людям расстрелять их с гранатомётов.

— Вы никуда не свалите. Либо вы с нами и идёте в атаку, если она будет – либо вас просто расстреляют из гранатомётов. Вам всё понятно?

— Ты что, мне угрожаешь?

— Я не угрожаю. Я предупреждаю о том, что у меня есть информация о готовящейся засаде. Если вы свалите – это будет означать, что вы в сговоре. Понятно?

В итоге выезжаем с базы - у ООНовцев первый броневик сломался возле ворот. Якобы сломался. Едем, доезжаем до первого блокпоста на выезде из города - у них сломался второй броневик. Я это всё проглотил. Проехали километра 4 - у них ломается третий броневик.

Я не выдержал: «Колонна, стоп!». Говорю ООНцам – ждём, пока они починят. Они попытались вывернуться - типа, починить не могут, невозможно.

— Хорошо, - говорю я. - Тогда бросайте этот броневик к черту, садитесь в наши «Уралы» - и поехали».

Через 5 минут броневик уже был починен, и мы поехали дальше.

В опасном районе, где, по моим данным, стояли базы боевиков, они остановились на молитву. Там габонцы были, мусульмане. Остановились, мол, надо намаз делать.

— На молитву – ровно минута времени, - говорю им. - Я в этом районе останавливаться надолго не собираюсь. Если вы останавливаетесь дальше – мы едем без вас.

Для надежности сказал пацанам растащить их броневики по обочине, чтобы проеду колонны не мешали. Они сразу заверещали:

— Как же так, вы приедете вперёд нас, наше начальство нас трахнет за такое.

— А мне плевать. Я еду без вас. Я не боюсь, что на меня нападут – достойный отпор дам, такое сопровождение мне не нужно.

В итоге они поняли, что со мной спорить бесполезно – и до самого Алендао, пока не доехали до египтян, они ехали спокойно. Не дёргались ни на молитву, ни на что. Для меня это было серьезным звоночком – насчет того, что МИНУСКА была в сговоре с боевиками.

А уж когда мы с египтянами не доехали километров 50 до Бангасу, и они сказали, что дальше не поедут – тогда я вообще всё понял. Там начиналась территория влияния христианской группировки «Антибалака» - а египтяне мусульмане, и, соответственно, в сговоре с исламскими группировками. И раз они отказались сопровождать в христианской зоне – то для меня здесь уже зелёная зона, и меня с пацанами здесь точно не тронут. Поэтому поехали дальше.

Тяжело было в плане того, что французы вставляли палки в нашу колесницу. Они пытались все как-то вывернуть так, что русские в ЦАР не нужны, что мы якобы плохие, а они красавчики. На самом

деле я посмотрел на ЦАР: это бывшая французская колония и французы для нее ничего не сделали. Они построили им пивзавод и табачную фабрику, то есть курите, пейте и умирайте. Больше никаких предприятий в этом ЦАРе нет, самая бедная страна: нищета, голод и разруха.

Пример противодействия французов: например, нет поставок ГСМ, не разрешают ездить туда, сюда, какие-то препоны вставляют, постоянно приезжают что-то проверять, один раз, два, три, и как-то их все не устраивает. И постоянно мелкие пакости.

С бандитами сталкивались?

Да, вот где мы стояли в Бамбари. Там был небольшой конфликт с ними – должен был быть праздник, должны были приехать их президент, министры. Местные селеканцы (боевики из группировки «Селека») запросили денег, чтобы этот праздник прошел без эксцессов. Им отказали, и она с самого утра начали обстреливать сначала полицейских. У нас была команда не дергаться, только в случае явного нападения на нас. Единственное после обеда нам дали команду, мы сбегали к ним, а они там отдельно живут – христиане в одной стороне, мусульмане в другой. И христиане к ним вообще не заходят, а мусульмане, женщины, на христианский рынок нет-нет приходят.

Вот единственный момент, когда мы сходили к ним в квартал, немножко их взбодрили, вернулись. Задача у нас была немножко их продвинуть – там парк был нейтральный между мусульманами и христианами, там надо было их взбодрить. Их там особо никто не трогал – миротворцам ООН на все пофиг, хоть трава не расти, полиция особо ничего им противопоставить не может. Ну, мы сходили, продавили их, по крайней мере, насколько я знаю – результат понравился высшему командованию. По крайней мере, та сторона стала контактировать с нашими. Если до этого «Селека» к нам с каким-то пренебрежением относилась, после этого стала уважать. И местные военные стали иначе смотреть, и у мусульман появилось уважение. Нас признали, как силу.



МЕСТО ВСТРЕЧИ

В Попасной был пулемётчиком. Сам срочную служил в морской пехоте и как узнал, что к нам на подмогу идут федералы именно с морской пехоты, вроде одухотворился, думал, что знакомых может увижу там, потому что с некоторыми поддерживаю связь, но, когда спецоперация началась, связи не было. Не знал, с какого флота они. Мы ждём, говорят - к вам придут морпехи, пока не наступать, а надо перейти буквально через улицу. К вам придут морпехи, пока не наступать. Это что такое? Мы уже полдня ждём. Нас уже вычислили, начинаются прилёты по домам. Подвалы начинаем менять, их нету.

Один у нас не выдержал, кричит в рацию: «Они вообще существуют, эти морпехи?!». Ну руководство начинает спрашивать, кто такой умный, вам же идут помогать. В общем, прождав час Прайс отправил меня и ещё одного искать морпехов. Старым маршрутом спустились пониже, увидели одного солдатика испуганного. «В чем проблема? Вы откуда?». Отвечает: мы вот морпехи нас тут прапорщик нас привёл, поставил, сказал, «Подождите, я сейчас». И исчез. Остальные внизу.

Я нашел их, смотрю по шевронам с морской пехотой. Разговорились. Зову с нами. Он мне говорит: «Мы не имеем права без старше-

го». Хорошо, где старший? Он сказал, что сейчас подойдёт. Ну вышли на наше руководство, объяснили, что вот она пришла подмога 12 человек, но идти они просто отказываются.

Потом, как оказалось, вечером, когда я их отводил уже к ним на базу, это вообще пришли связисты, они напросились у этого прапорщика получить медали, хотели отличиться. Хватило их буквально дойти до первых домов, когда пришли прилёты, и на этом всё закончилось. Прапорщик сразу куда-то отправился по своим делам, а эти в подвале остались. Вот такая, к сожалению, тут помощь у нас была.

В частном секторе угловой дом был. Он был заранее подготовлен как более эффективный, чтобы получать данные разведки. Был убран дом, залита капсула бетонная и к нему вырыты два подхода по огородам и наложены листы, толщина десятка. Заложено, всё растёт, редиска так называемая. Сверху поставлен старый дом.

Соседняя группа начала продвигаться, пошёл обстрел. Мы увидели, что огонь идёт. Работал пулемётчик и снайпер. Справа была лесопосадка. Потихоньку начали растягиваться, чтобы он больше БК по нам потратил. Не могли понять, то ли к ним подходят, чтобы за дом посмотреть. Начали вкруговую их обходить. Прошло какое-то непродолжительное время и начались прилёты большие, АГС работает, понять не можем. Выходим на командование — никто не работает, понять не можем. Соседи наши, взвода молчат, всё нормально.

Потом как оказалось, подходили федералы, услышали за лесопосадкой перестрелку ну и чтобы себя обезопасить, решили, что туда надо бросать, только потом заходить. Только долбили-то по нам. Нарочно не придумаешь — с третьей стороны подходили казаки. Казаки смотрят — какая-то перестрелка. Они закидывают этот лес, закидывают по нам, закидывают по воякам. Вояки, начинают закидывать ещё по казакам, привет передавать.

Никто не поймёт, что все свои.

Пока командование не вышло дальше и не договорились, что точка одна. ВСУшникам, мне кажется, там от смеха можно было умереть.

В компанию пришел, потому что пришло время уходить со службы, проработал в уфсиновском спецназе, дослужился до майора, всех высот, которых я там мог достичь, я достиг. Пришло время уходить и показалось, что на гражданке много работы, много чего интересного. Я параллельно инструктором горного туризма занимаюсь, высотной подготовкой.

Уволился и столкнулся с тем, что надо педагогическое перепрофилировать, а декабрь месяц, никому не нужен. Походил, это был 21 год. У меня доучивалась дочь, воспитываю ее один. Она заканчивала

11 класс. И тут уже смотрю новости — думаю, может и не успею даже поучаствовать. Мама у меня ушла на пенсию, осталась с дочерью, и я вот в конце марта уже бегом-бегом прискакал. У меня тут два сослуживца со старой работы здесь, в компании. Ну и так был услышан. Принял решение, не пожалел ни на минуту, приобрел опыта.

Самый запоминающийся момент

Нас было пять человек, стояло четырехэтажное здание, ремзона перед депо. По данным там было, что там скопились порядка 60 человек и их планируют перевозить. Соседний взвод заходил слева, зачищал пятиэтажки. Нам дали в дополнение то ли ополченцев, то ли кого. Поскольку нас пятеро, я с пулеметом выхожу направо, там бетонный полуразрушенный забор.

Мы прикрываем правую часть, а они залетают в парадный вход в подъезд и начинают зачистку, а мы к ним подтягиваемся справа. Мы доходим до забора, парни бегут, у них все хорошо, но с третьего этажа выглядывает пулеметчик и начинает косить по всем нам. Акцент сделал на нас, потому что у нас был с угла обзор большой, мы могли видеть, как они отходят. Мы прижались к забору, не попадало по нам.

Поворачиваемся налево и смотрим, как эти ополченцы автоматы поджали и утекают обратно. Этот пулеметчик зажал нас, нам ни туда, ни сюда. Дело уже к вечеру, мы начали находить общую связь, я говорю, давайте быстрее. У них кончился БК, как он мог кончиться, когда они не выстрелили ни разу. Мы поняли, что обратно нам никак уже с этими парнями. Стиснув зубы, мы проползли через забор и прямо на угол побежали к штурму. Но акцент противник сделал на другой угол. У них там техника была и пятиэтажки. Там работал наш соседний третий взвод, когда мы забежали, то увидели их спины. Влетели, разобрались с ними.

После того, как прошла зачистка, нарисовываются эти ополченцы, говорят: «Вот это мы поработали неплохо». При нас докладывают своему руководству, как они выполнили задачу. Позывные называть не буду, но мы были дико удивлены. Отношения выяснять было некогда, надо было двигаться дальше.

Ну, когда я проезжаю этот дом, он в памяти прямо отпечатался очень. С парнями шутим, что, когда все успокоится, тут будет место встречи.

2023